

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

**ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2023 года
Выходит 4 раза в год

**№ 1 (1)
2023**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакция

Главный редактор: Б.В. Долгов – д-р истор. наук

Ответственный секретарь: Г.Д. Власов

Редакционная коллегия:

Б.В. Долгов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, Институт востоковедения РАН;
И.О. Абрамова – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, Институт Африки РАН;
А.К. Аликберов – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН;
Р.И. Беккин – д-р экон. наук, Институт Африки РАН, РГПУ им. А.И. Герцена;
А.Г. Володин – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, Дипломатическая академия МИД России;
А.В. Гордон – д-р ист. наук, заведующий сектором, ИНИОН РАН;
Д.А. Дегтерев – д-р полит. наук, канд. эк. наук, РУДН; *А.В. Кузнецов* – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России;
В.А. Мельянцеv – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; *В.С. Мирзаханов* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, ИВИ РАН;
В.Я. Портяков – д-р экон. наук, Институт Китая и современной Азии РАН;
С.В. Прождоина – д-р филол. наук, Институт востоковедения РАН; *М.А. Сапронова* – д-р ист. наук, МГИМО МИД России; *Л.Л. Фитуни* – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, Институт Африки РАН; *В.Л. Хейфец* – д-р ист. наук, СПбГУ; *Л.А. Черешнева* – д-р ист. наук, Липецкий пед. гос. университет; *Г.И. Чуфрин* – д-р экон. наук, академик РАН, ИМЭМО РАН; *П.П. Яковлев* – д-р экон. наук, Институт Латинской Америки РАН, ИНИОН РАН; *Jan Breman* – Prof., PhD (social sciences), University of Amsterdam; *Louis Brennan* – PhD (management) University of Cambridge, Trinity College Dublin; *Zorawar Daulet Singh* – PhD (international relations) King's College London, Centre for Policy Research, New Delhi.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 82736

DOI: 10.31249/j.2949-1711.2023.01.00

ISSN 2949-1711

© ИНИОН, 2023

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

POSTCOLONIALISM
AND CONTEMPORARY WORLD
ACADEMIC PUBLICATION

Published since 2023
4 issues per annum

№ 1 (1)
2023

Founder

Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences

Editorial

Editor-in-Chief: Boris V. Dolgov – Doctor of Historical Sciences

Executive secretary: Georgy D. Vlasov

Editorial Board:

Boris V. Dolgov – Doctor of Historical Sciences, INION RAS, Institute of Oriental Studies RAS; *Irina O. Abramova* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Institute for African Studies RAS; *Alikber K. Alikberov* – Doctor of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies RAS; *Renat I. Bekkin* – Doctor of Economic Sciences, Institute for African Studies RAS, Herzen University; *Andrey G. Volodin* – Doctor of Historical Sciences, INION RAS, Diplomatic Academy of the MFA of Russia; *Alexander V. Gordon* – Doctor of Historical Sciences, head of the sector, INION RAS; *Denis A. Degterev* – Doctor of Political Science, PhD in Economics, RUDN University; *Alexey V. Kuznetsov* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, INION RAS, MGIMO MFA of Russia; *Vitaly A. Melyantsev* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Institute of Asian and African Studies MSU; *Velikhan S. Mirzekhanov* – Doctor of Historical Sciences, INION RAS, Institute of World History RAS; *Vladimir Y. Portyakov* – Doctor of Economic Sciences, Institute of China and Modern Asia RAS; *Svetlana V. Prozhogina* – Doctor of Philology, Institute of Oriental Studies RAS; *Marina A. Sapronova* – Doctor of Historical Sciences, MGIMO MFA of Russia; *Leonid L. Fituni* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Institute for African Studies RAS; *Viktor L. Kheifets* – Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University; *Larisa A. Cheresheva* – Doctor of Historical Sciences, Lipetsk State Pedagogical University; *Gennady I. Chufrin* – Doctor of Economic Sciences, Academician of RAS, IMEMO RAS; *Pyotr P. Yakovlev* – Doctor of Economic Sciences, Institute of Latin America RAS, INION RAS; *Jan Breman* – Prof., PhD (social sciences), University of Amsterdam; *Louis Brennan* – PhD (management) University of Cambridge, Trinity College Dublin; *Zorawar Daulet Singh* – PhD (international relations) King's College London, Centre for Policy Research, New Delhi.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФС 77-82736

DOI: 10.31249/j.2949-1711.2023.01.00

© Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	7
<i>Дегтерев Д.А.</i> К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы.....	13
<i>Аватков В.А., Гузаеров Р.И.</i> Турция в трансформирующемся миропорядке.....	47
<i>Крылов Д.С., Сбитнева А.И.</i> Кризис системы международных отношений и антиколониальные процессы на Ближнем Востоке.....	57
<i>Яковлев П.П.</i> Страны Глобального Юга и проблемы глобального управления в интересах устойчивого развития.....	79
<i>Бреман Я.</i> Конец «социального государства»?	103

CONTENTS

POSTCOLONIALISM AND THE GLOBAL SOUTH IN THE MODERN WORLD	7
<i>Degterev D.A.</i> To the End of the ‘Postcolonial Moment’ of the Anti-colonial Struggle: Outlines of the New Research Program	13
<i>Avatkov V.A., Guzaerov R.I.</i> Turkey in the Transforming World Order	47
<i>Krylov D.S., Sbitneva A.I.</i> Crisis of International Relations System and the Middle East Anti-colonial Processes	57
<i>Yakovlev P.P.</i> Global South Countries and the Problems of Global Governance in the Interests of Sustainable Development	79
<i>Breman J.</i> The End of Social Welfarism?	103

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В современном мире, переживающем тектонические по своей силе и глубине изменения, все более значительную экономическую и политическую роль начинают играть бывшие колониальные и полуколониальные страны Азии, Африки и Латинской Америки, образующие огромный массив государств Глобального Юга, не Запада. На сегодняшний день они представлены почти двумя третями государств – членов ООН, на долю которых приходится около 80% населения планеты, порядка 50% мирового ВВП и половины совокупного объема международной торговли. Уже одни эти цифры указывают на очевидную научно-практическую значимость изучения экономической и социально-политической проблематики стран Глобального Юга. Комплексное исследование их возрастающей роли в современном мире позволит в достаточной степени выявить и определить дальнейшие тенденции и перспективы геополитического и геоэкономического развития. Не менее актуален анализ участия этих государств в усилиях по противостоянию глобальным вызовам, включая изменение климата, трансграничный терроризм и наркотрафик, пандемию COVID-19.

Постколониализм и Глобальный Юг – понятия взаимосвязанные и взаимообусловленные историей колониализма как явления, порожденного определенной эпохой с ее военно-политическими, социальными, конфессиональными и культурными доктринами, специфическими для различных форм колониализма. Неоднозначные последствия периода колониализма продолжают проявляться

во всех сферах сегодняшнего существования и в бывших колониях, и во многом в бывших метрополиях. В научно-теоретическом плане постколониализм может рассматриваться как важный сегмент современных общественных наук, обобщающий опыт переходных обществ на этапе их движения от всесторонней (политической, экономической, идейно-культурной) зависимости от бывших метрополий и неокOLONИАЛЬНЫХ центров доминирования к подлинному суверенитету и равноправию. Анализу различных аспектов феномена колониализма и постколониализма уделяли внимание многие исследователи. Такие, например, как Эдвард Саид, рассматривавший современную «постколониальную» действительность в ракурсе ее «колониального наследия» и наряду с Антонио Грамши отводивший важную роль концепту «гегемонии» колониальных сил, а также Франц Фанон, в философско-психологическом плане раскрывавший взаимоотношения колонизуемого и колонизатора. Наряду с этим не-западный мир подвергался влиянию сциентистской парадигмы и терминологического аппарата, выработанных и принятых на Западе. Тем не менее современное развитие постколониальных стран и Глобального Юга, безусловно, нуждается в новых постоянных исследованиях.

В то же время в общественном сознании социумов стран Глобального Юга постколониализм реализует себя в альтернативных моделях и проектах, содержащих свой взгляд на историю колониализма и социального развития в целом.

После крушения колониальной системы прошло уже несколько десятилетий, тем не менее проблема выбора пути развития, на наш взгляд, продолжает оставаться актуальной для многих из этих стран. Современный период новейшей истории во многом является переломным. Он характеризуется происходящими глобальными социально-политическими трансформациями, обусловленными в первую очередь тем, что выдвинутые после окончания холодной войны концепции «конца истории», «однополярного мира» и полной победы «либерально-демократической модели развития» оказались не соответствующими возникшим новым реалиям – мир оказался сложнее. Они проявляются в возникновении новых конфликтов и противостояний в геополитике, кризисных явлениях в социально-экономической сфере и в институтах демократии, как в Западном мире, так и в регионах Глобального Юга, страны кото-

рого испытывают существенное влияние Запада. Наиболее ярким примером такого рода явлений стала президентская кампания в США 2020 г., характеризовавшаяся небывалыми в истории США протестными манифестациями. Их апофеозом явился штурм Капитолия, во время которого погибло несколько его участников, а также подъем движения *BLM (Black Lives Matter)*, который также привел к жертвам. В результате задержанию и привлечению к судебной ответственности были подвергнуты свыше тысячи участников протестов, расследованию которых были посвящены специальные слушания в Конгрессе США. Протестные движения, обусловленные социально-экономическими трудностями, имели место в Западной Европе. Наиболее массовым и длительным из них стало поддержанное в других странах движение «желтых жилетов» во Франции, и в этом случае также имелись погибшие и раненые. В Европе такие кризисные явления, как деиндустриализация, провоцирующая рост безработицы, размывание среднего класса, появление «новых бедных», усугубленные пандемией COVID-19, обостряются ростом влияния радикального исламизма в мигрантской среде и непрекращающимися террористическими актами. Важным фактором становится присутствие значительных и постоянно увеличивающихся в количественном отношении мигрантских, в особенности мусульманских, сообществ. При этом усиливается их активность в экономическом и социально-политическом плане, а также в культурно-религиозной сфере, в которой значительное место начинает занимать ислам, наряду с определенным ослаблением традиционной христианской религии. Все эти явления в странах Запада оказывают влияние на их социумы и, естественно, на общества в других регионах мира. Запад, несмотря на продолжающееся относительное лидерство по уровню жизни и в научно-технологическом плане, теряет тем не менее ореол некоего идеала демократии, в качестве которого он позиционировал себя на протяжении десятков лет. В странах, воспринимавших Запад как такой идеал, происходит определенная его переоценка и, соответственно, трансформация общественного сознания в плане большего внимания к традиционным национально-культурным ценностям.

Если рассматривать арабо-мусульманские общества, то свидетелем этому стали «арабская весна» и продолжение вызван-

ных ею процессов. Причем если на первом этапе «арабской весны» демократически ориентированные организации в странах, ею затронутых, выступали с общедемократическими лозунгами, то впоследствии инициатива перешла к исламистским силам, как умеренным, так и радикальным, которые значительно усилили свое влияние в обществе. В настоящий период наряду с подавлением радикальных исламистских сил наблюдается попытка движений политического ислама провозглашать в качестве модели развития мусульманских обществ основанный на религиозных канонах «исламский проект», в котором присутствует концепция «исламской демократии».

В то же время в странах не-Запада происходит процесс выдвижения новых лидеров, претендующих не только на статус региональных центров силы, но и на свою активную роль в глобальной политике и идейно-политическом пространстве. Как пример данного процесса можно рассматривать Турцию, хотя и не являющуюся бывшей колонией, но которую можно отнести к «незападному» миру, особенно учитывая исламизацию ее общественно-политической жизни, активно проводившуюся после прихода к власти президента Р. Эрдогана. Турция поддерживает движения политического ислама, используя их в продвижении своих интересов, позиционируя себя в качестве лидера исламского мира, что подтверждают ряд деятелей политического ислама. Наряду с этим турецкое руководство активно проводит политику неоосманизма и воссоздания «Великого Турана», сформировав под своей эгидой Организацию тюркских государств и создавая военно-политическую структуру «Армия Турана».

В свою очередь свою шиитскую модель реализации «исламского проекта» показывает Исламская Республика Иран (ИРИ), демонстрирующая, наряду с имеющимися проблемами, достаточно успешное социально-экономическое развитие, несмотря на многолетнее противостояние с США и налагаемые на ИРИ санкции.

Наиболее впечатляющим примером выхода на глобальную лидерскую позицию является подъем Китая, ставшего второй экономикой мира. Китай, который в некоторых аспектах вплотную приблизился к Западу и даже опережает его, показывает быстрое и успешное социально-экономическое развитие. Китайское руководство определило в качестве стратегической цели развития

страны «построение социализма с китайской спецификой», что предполагает реализацию модели развития, альтернативной западной. Китай продемонстрировал, несмотря на имеющиеся проблемы, значительные успехи в экономике, социальном плане, научно-технической области (признанные ООН ликвидация нищеты и подъем жизненного уровня населения, пилотируемые полеты в космос, программа освоения Луны и Марса, разработка квантовой связи, суперкомпьютера). При этом успешно происходит его экономическая экспансия практически во все регионы мира. Руководство Китая заявляет даже о том, что «на основе социализма с китайской спецификой создаются новая модель модернизации и форма человеческой цивилизации». В то же время Китай является своего рода лидером группы стран, продолжающих в той или иной степени реализовывать модель развития, основанную на социалистических принципах, с определенной национальной спецификой. В нее входят Северная Корея (КНДР), Вьетнам, Куба, Венесуэла и отчасти Сирия.

К странам постколониального мира, выдвинувшимся на уровень глобального лидерства, как известно, относятся Индия, Южная Корея, Бразилия и ряд других стран, в которых действует западная модель экономического развития с теми или иными, зачастую значительными, новациями и продиктованными национальной спецификой элементами.

В то же время достаточно большой массив стран постколониального мира в Азии, Африке, Латинской Америке, номинально являющихся независимыми, тем не менее остаются в состоянии нео колониальной экономической, политической и во многом культурно-идеологической зависимости.

Наш журнал, безусловно, имеет все возможности, для того чтобы стать той площадкой, на которой будут рассматриваться и анализироваться наиболее актуальные явления и проблемы, стоящие на современном этапе перед социумами постколониального мира и Глобального Юга, на которые, в свою очередь, влияют и имеют взаимозависимую динамику процессы, происходящие в обществах Запада. Возрастание роли стран постколониального мира в глобальной политике достаточно ярко проявилось в событиях, связанных с украинским кризисом, начавшимся в феврале 2022 г.,

когда большинство данных стран не поддержали антироссийскую кампанию, развязанную США и их союзниками.

Наша редакционная коллегия приглашает всех исследователей, занимающихся вышеуказанной проблематикой, высказывать на страницах нашего журнала свое видение и анализ развития стран Глобального Юга, их взаимоотношений с Россией и Западом, а также их влияния на глобальные процессы в современном мире. Надеемся и уверены, что такое сотрудничество будет плодотворным и внесет достойный научный вклад в дальнейшее развитие российского востоковедения.

Редакционная коллегия

**К ОКОНЧАНИЮ «ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО МОМЕНТА»
АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ:
КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ**

Денис Андреевич ДЕГТЕРЕВ

доктор политических наук, кандидат экономических наук,
профессор, заведующий кафедрой теории и истории
международных отношений РУДН;
профессор кафедры мировой экономики
МГИМО МИД России, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: degterev-da@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7426-1383

Статья поступила в редакцию 14.08.2022

Благодарность. Автор благодарен организаторам и участникам конференции «Россия и африканское “пробуждение”: перспективы борьбы с неокOLONИализмом в XXI веке», прошедшей в Общественной палате Российской Федерации 27 июня 2022 г., которые помогли прочувствовать дух времени (Zeitgeist). Автор также признателен О.А. Моргуновой (РУДН) за критические замечания и комментарии.

Аннотация. В данной статье показана эволюция антиколониального дискурса, который к 1980-м годам фактически был «поставлен на паузу» и перешел в плоскость постколониальных исследований. Сделан вывод о том, что к началу 2020-х годов в рамках «властного транзита» и «новой биполярности» сложились предпосылки для возвращения к исходному антиколониальному дискурсу. Большое внимание уделяется проблеме коллективного неокOLONИализма в контексте

диалога ЕС – АКТ, а также глобальному неокOLONIALИЗМУ нового типа во главе с США на фоне усиления роли надгосударственных структур и ТНК.

В статье также представлены основные контуры новой исследовательской программы по изучению постколониальных стран («белые пятна деколонизации»), призванные осуществить переход от «созерцательного регионоведения» при изучении стран Глобального Юга к переосмыслению процесса их реальной деколонизации.

Ключевые слова: постколониализм; коллективный неокOLONIALИЗМ; анти-колониальная борьба; деколонизация; властный транзит; Африка.

TO THE END OF THE ‘POSTCOLONIAL MOMENT’ OF THE ANTI-COLONIAL STRUGGLE: OUTLINES OF THE NEW RESEARCH PROGRAM

Denis A. DEGTEREV

Doctor of Political Science, Candidate in Economics, Prof.,
Head of Department of Theory and History
of International Relations, RUDN University;
Professor of the Department of World Economy,
MGIMO-University, MFA of Russia,
117198, st. Miklukho-Maklaya, 6,
Moscow, Russian Federation
E-mail: degterev-da@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7426-1383

Received: 14.08.2022

Abstract. The author of the paper shows the evolution of anti-colonial discourse, which by the 1980s de facto was “paused”, transforming into postcolonial studies. It is concluded that by the beginning of the 2020s in the context of the “power transit” and the “new bipolarity”, prerequisites were formed for a return to initial anti-colonial discourse. Much attention is paid to the problem of collective neo-colonialism in the context of the EU-ACT dialogue, as well as to a new type of global neo-colonialism led by the United States against the backdrop of the growing role of supranational structures and TNCs.

The article also presents the main contours of a new research program for the study of post-colonial countries (“white spots of decolonization”), designed to make the transition from “contemplative regional studies” in the study of the countries of the global South to a rethinking of the process of their real decolonization.

Keywords: postcolonial studies; collective neo-colonialism; anti-colonial struggle; decolonization; power transit; Africa.

Философы лишь различным образом
объясняли мир, но дело заключается
в том, чтобы изменить его.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе

Первый номер научного журнала «Постколониализм и современность» выходит на фоне макроисторических изменений – после затянувшейся почти на 40 лет (!) паузы на мировую арену снова возвращается подлинная антиколониальная борьба.

Чем была обусловлена и заполнена эта пауза? Каковы признаки ее окончания? Ответам на эти вопросы и посвящена данная статья.

Еще одна цель публикации – выявить белые пятна деколонизации, наиболее перспективные темы, которые, как представляется, требуют дополнительной рефлексии, в том числе на страницах нового издания (далее обозначены как **тема А**, **тема Б**, **тема В** и так далее до **темы Р**). Фактически речь идет о будущей исследовательской программе, которая позволит перейти от «созерцательного регионоведения» в изучении стран Азии, Африки и Латинской Америки к теоретическому осмыслению актуальных проблем деколонизации.

Когда и почему антиколониальная борьба была «поставлена на паузу»?

Жесткая и последовательная антиколониальная борьба, развернувшаяся в 1960-е годы, практически сошла на нет к середине 1980-х годов, оставив десятки стран в глубоко укоренившейся системе неокolonизма [Taylor, 2020].

Основная причина – уход с исторической арены непримиримого борца и «ледокола» колониального мира – СССР. В самом деле, Советский Союз сыграл решающую роль в принятии Резолюции 1514 (XV) ГА ООН «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам» от 14 декабря 1960 г., за которую проголосовало подавляющее большинство членов ООН на тот момент (89 из 99 стран), а воздержались только девять [Денисов, Урнов, 2010]¹.

¹ Австралия, Бельгия, Доминиканская Республика, Испания, Португалия, Франция, Южно-Африканский Союз, а также Великобритания и США (Дагомея –

В течение последующих десятилетий СССР оказывал настолько масштабную экономическую помощь вновь освобожденным странам, что объективно оценить ее подлинные размеры и значение (*тема А*) нам только предстоит с учетом постепенного открытия советских архивных материалов по данной теме [Africa and the Formation of the New System ... , 2021, p. 1–17]. Если в середине 1957 г. соглашения об экономической и технической помощи СССР были подписаны только с 17 странами, то к 1986 г. эти соглашения были подписаны уже с 84 государствами (включая 72 развивающиеся страны, из которых 23 – наименее развитые), в том числе 36 стран Африки [Экономическое и техническое содействие СССР зарубежным странам, 1987, с. 24]. Распад социалистической системы привел к потере субъектности развивающихся стран и сокращению политического и экономического сотрудничества по линии «Юг – Юг» в самых разных форматах (в том числе в рамках ЮНКТАД, «Группы 77», Движения неприсоединения), затрудняя практическую реализацию концепций самообеспечения и «коллективной опоры на собственные силы» [Gosovic, 2018; Кузнецов, 2019].

Однако накал антиколониальной борьбы стал спадать еще до развала СССР. К середине 1980-х годов советскими элитами был взят курс на интеграцию в «коллективный Запад», практической реализацией которого стало «новое политическое мышление» [Горбачев, 1987].

И если в разгар 1980-х годов советские эксперты по теории научного коммунизма говорили о «самой изощренной системе неоколониалистской эксплуатации» [Портнягин, 1988, с. 1], то спустя пару лет они же в контексте «нового политического мышления» отмечали «неостановимый процесс социально-экономических преобразований в развивающихся странах», недопустимость «старого мышления» и важность «коллективной, вселенской реакции, борьбы против надвигающейся на человечество общей беды»

нынешний Бенин – не участвовала в голосовании). Подробнее см.: Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples (1960). A/RES/1514(XV). – 1960. – 14.12. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/662085> (дата обращения: 10.06.2022).

[Портнягин, 1990, с. 2]¹. Встает вопрос о критическом и непредвзятом анализе советских исследований антиколониальной борьбы – отделении работ, имеющих актуальную теоретическую и практическую ценность, от лицемерных и сугубо конъюнктурных (*тема Б*).

Еще шли бои за «ангольский Сталинград» – Квито-Кванавале, победу в которых африканцы и спустя 30 лет превозносят как крупнейшую победу над расистским режимом ЮАР [Campbell, 2020, с. 116], а судьба большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки на ближайшие несколько десятилетий снова оказалась в цепких руках их бывших колонизаторов. Ведь невозможно одновременно стремиться к интеграции с «коллективным Западом» и бороться с ним в Африке!

Вместе с изменением настроения СССР нарастал и нажим стран «коллективного Запада». И если в военной сфере Советский Союз «держал удар» до последнего, то советская финансовая структурная власть изначально оставляла желать лучшего [Дегтечев, 2021а]. В 1940-е годы СССР даже вел переговоры о возможности членства в институтах Бреттон-Вудса (МВФ, Группа Всемирного банка) [Минкова, 2017], однако впоследствии отказался от данной идеи. Тем не менее СССР активно не блокировал сотрудничество ООН с данными институтами, хотя и не поддерживал создание Международной финансовой корпорации (МФК) [Ларионова, 2019, с. 147–148].

Не обладая финансовыми ресурсами для целей развития, сопоставимыми с возможностями США и их союзников, что наглядно проявилось в ситуации с созданием Специального фонда ООН для экономического развития [Ларионова, 2019, с. 149], СССР не смог предложить альтернативу данным институтам, что вызывало «разброд и шатание» среди его союзников. Например, Польша была членом МВФ до 1950 г. и снова им стала уже в 1986 г., Чехословакия – до 1954 г., а Куба – до 1964 г.² КНР стала членом институтов Бреттон-Вудса в 1980 г., еще задолго до крушения СЭВ.

¹ Примечательно, что речь идет о двух версиях автореферата докторской диссертации по специальности «теория научного коммунизма» (исторические науки) одного автора [Портнягин, 1988; Портнягин, 1990], который в 1990-е годы переехал в США, где успешно преподавал в Университете им. Джонсона и Уэйлса.

² List of Members. IMF. – 2020. – 21.10. – URL: <https://www.imf.org/external/np/sec/memdir/memdate.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

Таблица 1.

Программы МВФ в странах Африки (1980–1991 гг.)

Страна	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Ангола												
Бенин										+		+
Ботсвана												
Буркина-Фасо									+	+		+
Бурунди							+					+
Габон	+											
Гамбия		+			+		+	+	+	+	+	
Гана			+		+		+	+	+	+		
Гвинея			+				+	+	+	+		+
Гвинея-Биссау		+						+				
Джибути												
Заир		+	+		+		+	+		+		
Замбия		+	+								+	
Зимбабве		+	+									
Камерун									+			+
Кения	+		+			+		+	+	+		+
Конго							+				+	
Кот-д'Ивуар		+		+	+		+	+	+	+	+	+
Лесото									+			
Либерия	+	+	+					+				
Маврикий	+	+	+					+				
Мавритания	+					+	+	+		+		
Малагаскар	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Малави	+		+		+			+	+	+	+	+

*К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы:
контурь исследовательской программы*

Страна	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Мали	+		+			+		+				
Мозамбик								+	+	+	+	+
Нигер				+	+		+	+				
Нигерия								+		+		+
Руанда												+
Сан-Томе и Принсипи										+		
Свазиленд				+								
Сенегал	+	+	+			+	+	+	+	+		+
Сомали	+	+	+			+		+				
Судан	+	+	+	+	+			+				
Сьерра-Леоне							+					
Танзания	+	+				+	+	+	+		+	+
Того				+	+	+	+	+	+	+	+	+
Уганда	+	+	+	+				+	+	+	+	+
ЦАР	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Чад		+				+		+		+	+	
Экваториальная Гвинея		+				+			+			+
Эфиопия		+					+					
Итого, стран	15	20	13	18	11	13	16	24	17	21	13	17

Источник: [Riddell, 1992, р. 56].

Примечание: + – в данный год в стране запущена как минимум одна из следующих программ МВФ: Compensatory Financing Facility (CFF); Contingency Financing Facility (CCFF); Structural Adjustment Facility (SAF) или Extended SAF (ESAF).

Многие африканские страны уже в 1970-е годы начали активно сотрудничать с МВФ, а в 1980-е годы таких стран стало подавляющее большинство (см. табл. 1), при этом они продолжали получать советскую помощь [Экономическое и техническое содействие СССР зарубежным странам, 1987].

Сотрудничество африканских стран с МВФ складывалось по-разному. В ряде государств шла гражданская война, и в этих условиях помощь зачастую разворачивалась по причине высокого уровня коррупции. Однако не стоит недооценивать роль программ структурной перестройки экономики институтов Бреттон-Вудса (МВФ и Всемирного банка), которые буквально переформатировали национальные социально-экономические модели [Перкинс, 2014]. При всех страновых отличиях эти программы вели к девальвации национальных валют, сокращению участия государства в экономике, отмене субсидий и социальных расходов, к либерализации торговли [Riddell, 1992, p. 53].

Государство просто уходило из целых секторов экономики, уничтожалась национальная промышленность [Carmody, 1998] (зачастую построенная как раз при участии СССР), а вместе с этим – «улетучивался» и реальный суверенитет. «Контрреволюционную» роль программ структурной перестройки институтов Бреттон-Вудса в процессе деколонизации еще только предстоит серьезно исследовать (**тема В**). Одна за другой страны все плотнее интегрировались в американоцентричную систему международных экономических отношений.

Против кого бороться? Коллективный неоколониализм

К началу XXI в. неоколониализм претерпел существенную эволюцию, и его современные «проводники» очень сильно отличаются от привычных образов «проклятых колонизаторов», создававшихся советской пропагандой полвека назад. Последние, пожалуй, сегодня наиболее близки разве что к описаниям политики Франции в Африке [Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022; Давидчук, Дегтерев, Сидибе, 2022; Сидоров, 2019; Филиппов, 2017; Филиппов, 2020; Vershave, 2003], которую стоит дополнить проблемой самоопределения французских заморских департаментов и терри-

торий (**тема Г**) [Неженцев, Пономаренко, 2017], немногочисленное население которых имеет права, схожие с правами жителей метрополии [Сироткина, 2020, с. 83].

Гораздо сложнее описать современные неоколониальные практики в бывших британских колониях (**тема Д**) [Тарабрин, 1969], где изначально не использовалось прямое управление, а с годами оно становилось все более «косвенным», вплоть до делегирования части функций американским «кузнам». В этом контексте представляет интерес перераспределение глобального влияния между США и Великобританией при подписании Атлантической хартии в 1941 г., а также Атлантической хартии 2.0 в 2021 г.¹ После Брекзита активизировались дискуссии вокруг формирования «глобальной Британии», в том числе посредством реактуализации Содружества наций [Hearne, De Ruyter, Davies, 2019].

Германия, лишенная колоний по ст. 119 Версальского договора 1919 г.² и пытающаяся одновременно искупить вину за преступления, совершенные более одного века назад, и извлечь в XXI в. пользу из преференциального партнерства, – это, скорее, «фантомный неоколониализм» [Ивкина, 2021]. Но главные проблемы оптимизации современного неокolonизма даже не в этом.

Во-первых, по мере развития европейской интеграции бывшие метрополии перешли к коллективному неокolonизму, в первую очередь в рамках формата ЕС – АКТ. И если в ходе Берлинской конференции 1884 г. были достигнуты договоренности по разделу колониальных владений в Африке, то Ломейские конвенции в 1970–1990-е годы сформировали институционализированную систему преференциального торгово-экономического сотрудничества бывших европейских метрополий и их колоний [Amuhaya, Degterev, 2022, p. 125–177].

Договор Котону 2000 г. и формируемая в XXI в. система соглашений об экономическом партнерстве (СЭП) ЕС с блоками

¹ The New Atlantic Charter / The White House. – 2021. – June 10. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/10/the-newatlantic-charter> (дата обращения: 20.08.2022).

² Treaty of Peace with Germany (Treaty of Versailles). – 1919. – URL: <https://guides.loc.gov/treaty-of-versailles> (дата обращения: 20.08.2022).

стран из Азии, Африки и Латинской Америки¹ – это переход к более губительной для развивающихся стран «равноправной системе» торговых отношений. В ряде случаев при подписании СЭП с ЕС по причине пересекающегося членства рушатся локальные интеграционные проекты. Более высокая степень интеграции (таможенный союз и выше) с развитым партнером (ЕС) сегодня закрывает перспективы тесной интеграции с соседними странами завтра – это прямо записано в текстах соответствующих соглашений [Амухая, Дегтерев, 2022, р. 125–177].

Требует глубокого осмысления пагубная роль торговых соглашений ЕС с третьими странами в формировании современной неокOLONиальной мир-системы, неэквивалентного обмена и центр-периферийных отношений (*тема Ж*). И это притом что оба украинских майдана (2004 и 2014 гг.) [Внешняя политика ... , 2019, с. 161–201], а также неудавшийся белорусский (2020 г.) были непосредственно связаны с евроассоциацией и недопущением альтернативной евразийской интеграции. То есть выгодная ЕС конфигурация торговых соглашений устанавливается буквально огнем и мечом!

Вплоть до начала СВО в РФ верили скорее красивым картинкам европропаганды, «нормативной силе ЕС» [Погорельская, 2021], а не текстам соглашений об ассоциации и голым фактам. Это тем более удивительно, притом что сами европейцы достаточно трезво и критично описывают неокOLONиальную природу сотрудничества ЕС с третьими странами [Hurt, 2012; Muntschick, 2018]. По мере институционализации Европейской службы внешних связей, укрепления ее за счет сотрудников территориальных подразделений Генерального директората развития Еврокомиссии (DG DEV), европейский коллективный неокOLONиализм перешел из сугубо торгово-экономической и в военно-политическую плоскость [Lucia, 2017].

Во-вторых, с 1945 по 1991 г. наблюдается «этап установления гегемонии американского империализма над европейским капитализмом» [Сироткина, 2020, с. 82]. В практическом ключе с

¹ EU Trade Negotiations and Agreements. European Commission. Directorate-General for Trade. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-countryand-region/negotiations-and-agreements_en (дата обращения: 20.08.2022).

момента создания в рамках американского плана Маршалла в 1948 г. Организации европейского экономического сотрудничества (с 1961 г. – ОЭСР) идет сопряжение американских приоритетов и европейского коллективного неоколониализма в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В частности, в рамках Комитета содействия развитию ОЭСР формируется «коллективный западный донор» с едиными требованиями, позволяющими эффективно «выкручивать руки» развивающимся странам (*тема 3*) [Дегтерев, 2021а].

Бывшие европейские метрополии становятся субимпериями «коллективного Запада» во главе с американским гегемоном [Давидчук и др., 2022], а США из нации, заинтересованной в деколонизации в первой половине XX в. [Фурсов, 2015, с. 6], превратились в один из главных акторов неоколониализма. В позднесоветской литературе и официальном дискурсе это, кстати, признавали, хотя и с известной долей пропагандистского пафоса: «Развивающиеся страны эксплуатируются всеми империалистическими государствами, но империализм США делает это, несомненно, с наибольшей бесцеремонностью» [Портнягин, 1988, с. 1]. Ранее об американском неоколониализме в Африке писали Р.А. Ульяновский, Л.М. Кузнецов; в Латинской Америке – Б.И. Гвоздарев и др., а также Н.А. Ермолов, О.И. Земцова и др. [Сироткина, 2020, с. 86].

В 1960–1970 гг. США скорее «страховали» европейские неоколониальные державы в их традиционных зонах влияния (например, Францию – во франкоязычной Африке), оставаясь преимущественно в тени, хотя уже тогда советские исследователи говорили об американском неоколониализме [Кременюк, 1976]. На первый план США вышли в 1980-е годы, реализуя уже упоминавшиеся программы структурной перестройки экономики. Институты Бреттон-Вудса фактически провели реколонизацию национальных экономик, переформатировав социально-экономические модели менее чем через век после того, как это сделали европейские колонизаторы [Riddell, 1992, с. 59].

Конечно, программы структурной перестройки экономики – это, скорее, «деперсонифицированный неоколониализм», который не всегда можно было напрямую связать с политикой США, ведь их проводили безликие администраторы МВФ и Всемирного банка, а также «новая бюрократия» стран – реципиентов помощи из

числа выпускников западных вузов [Кассе Ныгусие, Ивкина, 2020, с. 29]. Однако в связи с этим президент Танзании Дж. Ньерере отмечал: «Они действуют как группа и принимают решения в своих интересах. Лидерство у данной группы в руках нации с наиболее мощной экономикой – у США... МВФ стал в основном инструментом для экономического и идеологического контроля бедных стран богатыми» [Nyerere, 1985, p. 493–494]. Данные программы не были нейтральными. Как заявляет известный британский критик неоимпериализма С. Джордж, «они убивают», а по сути своей провоцируют «финансовые конфликты низкой интенсивности» [George, 1988].

Из-за отмены мер по защите местной промышленности реформы МВФ вернули структуру экономики бывших колоний к ее колониальному состоянию со специализацией на добыче сырья и сельском хозяйстве [Riddell, 1992, p. 58]. В условиях многоукладной экономики в деревнях многие вернулись к натуральному хозяйству, а в городах – к стихийной торговле и кустарному производству. Фактически это сделало более примитивными экономические модели и усилило неформальную экономику в духе постдевелопментализма как формы социального эскапизма [The Postdevelopment Reader, 1997] (*тема И*). В ряде случаев (Либерия, Сомали, Эфиопия) это привело к демонтажу государства как такового [Riddell, 1992, p. 60] и формированию так называемых несостоявшихся государств (*тема К*).

По мере проникновения ТНК в развивающиеся страны там размещались «нижние этажи» глобальных производственных цепочек, туда переносились экологически вредные, трудо-, энерго- и ресурсоемкие производства, там создавались «частичные производства» (изготовление отдельных деталей и комплектующих готовой продукции), активизировалось доленое участие ТНК в капитале местных предприятий [Контев, 1988, с. 16, 23, 33–35]. Можно говорить о ключевой «роли транснациональных корпораций и банков (ТНК и ТНБ) в осуществлении империалистической стратегии неокOLONиализма» [Контев, 1988, с. 9]. Это происходило на фоне снижения роли национального государства в странах Запада (показателен пример Д. Трампа – его желание «вернуть государство») и усиления корпоратократии [Перкинс, 2014].

Фактически произошел переход от обособленного, национального неоколониализма к глобальному неоколониализму нового типа на фоне усиления роли надгосударственных структур, валютно-финансового неоколониализма [Контев, 1988, с. 6], формирования децентрализованных сетей ТНК и НКО [Сироткина, Альпидовска, 2020]. В этом контексте показателен переход в неомарксистской академической литературе от теорий зависимого развития (в том числе латиноамериканского структурализма) к мир-системной парадигме как более адекватно отражающей реальности [Дегтерев, 2021, с. 116–118].

В сфере безопасности качественный переход произошел после событий 11 сентября 2001 г. и развертывания глобальной борьбы «с международным терроризмом». Американцы стали «спасать мир», разрушая его, а также легализуя пытки [Dabashi, 2011, р. 9, 51–60]. Американский подход к «управлению конфликтами» принес миллионы смертей в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, пока не «споткнулся» о Сирию [Долгов, 2021; Худайкулова, 2016].

Усиление американского военного присутствия в странах Африки (создание мощных баз беспилотников для мониторинга ситуации в режиме реального времени [Горячая Африка, 2022], формирование в 2008 г. Африканского командования ВС США для сплошного (а не очагового) контроля над Африкой), усиление вассальных отношений США со своими союзниками (даже по НАТО), вменение им обязанности содержать зарубежные военные базы – все это свидетельства перехода к «этапу системного неоколониализма как последней фазы развития колониализма» [Сироткина, 2020, с. 82].

«Постколониальный момент»

Паузу в антиколониальной борьбе в несколько десятилетий (с середины 1980-х годов до конца 2010-х годов) автор называет *постколониальным моментом* по ряду причин.

Во-первых, апогей этого периода пришелся на так называемый однополярный момент 1990-х годов – период безраздельного доминирования США на международной арене после демонтажа социалистической системы [Krauthammer, 1991], расцвета глобализации по-американски. Интеллектуальной столицей мира в это

время становится Нью-Йорк, а центры бывших метрополий (например, Париж) сами превращаются в интеллектуальную полупериферию «коллективного Запада», хотя и привлекают по-прежнему интеллектуалов из периферийных европейских стран. Так, один из классиков постколониализма Ю. Кристева в свое время переехала в Париж из Болгарии. С макроисторической точки зрения однополярный мир существовал не так долго. Уже после 2010 г. появились первые признаки формирования многополярности, а также усиления роли КНР, а на рубеже 2010–2020-х годов данные изменения приобрели необратимый характер [Дегтерев, 2021в].

Во-вторых, речь идет не о пост-колониализме (с дефисом) в привычном отечественным исследователям понимании как темпоральной категории (то есть времени после 1960-х годов и освобождения колоний), а именно о постколониализме фигурально (без дефиса) как о пережитом опыте колониального прошлого [Shohat, 1992, p. 101]. Переход от нарратива деколонизации, антиимпериалистической риторики и реальной критики неокolonизма [Amin, 1973; Nkrumah, 1965] к более конвенциональному постколониализму с его современными нарративами без жесткого политического содержания [Shohat, 1992, p. 99, 105] произошел в западной науке как раз в 1980–1990-е годы. От преимущественно *вещественных* и конкретно-предметных политической географии, политической экономики, этнографии в «постколониальной библиотеке» [Африка: постколониальный дискурс, 2020] фокус сместился к *нематериальным* исследованиям межрасовых отношений, в сферу образования, науки и технологий, литературоведение и культуру [Фитуни, Абрамова, 2020, с. 29].

Миллионы жителей стран Глобального Юга в отсутствие внятных возможностей для самореализации в собственных странах были вынуждены иммигрировать и «встроиться» в экономики промышленно развитых стран центра мир-системы, но уже в личном качестве, не связывая более свою судьбу с судьбой своей родины. Сублимированные личностные переживания «субалтернов» (так называемые *storytelling*) легли в основу *имитационного* постколониального дискурса, постепенно заместившего императивы *реальной* деколонизации (**тема Л**). В центре внимания оказались проблемы саморепрезентации, яркие театральные перформансы,

литературное творчество [Фитуни, Абрамова, 2020, с. 35], наблюдался постепенный переход от академической науки и политического администрирования (в том числе в контексте теории колониальности власти и осуждения любых иерархий) в пользу творческих профессий и гражданского активизма. Ведущую роль в постколониальном дискурсе об Африке занял афрополитизм [Mbembe, Balakrishnan, 2016], философия «африканцев мира», *AfriGen*, выходцев из периферии мир-системы, но успешно интегрированных в ее центр.

Становление постколониальных культурных исследований легло на почву, подготовленную социальными науками. Переход в вопросах развития на уровень индивида впервые был отражен в Кокойокской декларации ЮНЕП / ЮНКТАД 1974 г., согласно которой развитие должно быть развитием человека, а не «развитием вещей». Становление права на развитие как одного из прав человека связано с деятельностью председателя Комиссии ООН по правам человека Кеба М'Байе [M'Baye, 1972], а также генерального секретаря Международного института прав человека в Страсбурге К. Васака, сформулировавшего концепцию прав человека третьего поколения (прав солидарности). Данный дискурс шел вразрез с подходами СССР и социалистических стран, продвигавших в первую очередь модель национального развития и сильного государства. В культурных исследованиях в это время шла деконструкция образа сильного национального государства и императивов промышленного развития как связанных с насилием.

В 1970–1980-е годы под влиянием преимущественно развитых стран произошла настоящая «контрреволюция в области теорий развития» [Theories of Development: Contentions, Arguments, Alternatives, 2009, p. 74–76], выражающаяся в отказе от неокейнсианских перспектив национального развития стран третьего мира в пользу неолиберальной самореализации отдельной личности, в том числе в контексте парадигмы «Пределов роста» Римского клуба. Фокус в вопросах развития постепенно перешел от коллективного права на развитие в сторону индивидуального, от вопросов экономического развития в сторону комплексного учета социальных, экологических и других факторов. По-видимому, предстоит преодолеть немалый интеллектуальный путь в обратном направлении, дабы понять, где были допущены ошибки, «передергивания»

в угоду псевдоглобальному гражданскому обществу и в ущерб реальной деколонизации (**тема М**).

В-третьих, постколониальные исследования, несмотря на все свое многообразие (включая в том числе деколониальность), – это все-таки «момент». Дело в том, что с началом СВО рухнула привычная картина мира, десятилетиями столь тщательно формируемая западным миром. За последние годы огромные ресурсы были потрачены на переформатирование массового сознания и академических кругов, на воспитание молодых поколений по всему миру, достижение новой «когнитивной последовательности» общества спектакля (*Dabashi*, 2011, р. 7), частью которой и были постколониальные исследования.

Однако из-за усиления КНР и ускорившегося «транзита власти» (США – КНР) [Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021] прокси-конфликт на Украине вспыхнул слишком рано для США – еще до того, как ушло старшее поколение со своей исторической памятью. В итоге рассказы ветеранов об ужасах Великой Отечественной войны и принципиальном характере холодной войны [Протопопов, 2014], в том числе на фронте реальной борьбы с колониализмом, в считанные дни снова стали в центр мировоззрения. «Постколониальный флер» быстро «испарялся», а в большинстве российских вузов он так и никогда не успел стать мейнстримом. Ведь старшее поколение – костяк преподавательского состава – традиционно относилось к нему со скепсисом, а академическая молодежь еще не окрепла.

В-четвертых, по историческим меркам время от распада «социалистической системы» до настоящего времени – это тоже всего лишь «момент». И его явно недостаточно, чтобы адекватно отразить в постколониальных исследованиях нынешнюю роль РФ и других стран бывшего второго мира (**тема Н**).

Несмотря на активные межгосударственные и торговые связи с Африкой в период холодной войны и после нее, второй мир в целом выпадает из постколониального дискурса. Особенно это касается РФ [Moore, 2001], в меньшей степени – КНР, в отношении которой в последние годы пошла волна публикаций, «изобличающая имперскую сущность» Китая в Африке [Carmody, Kragelund, Reboredo, 2020]. При этом если западные эксперты (см., например: П. Бонд, П. Кармоди) говорят о неоколониальном характере поли-

тики КНР, то российские (Т.Л. Дейч, Е.Н. Грачиков) – об антиколониальном [Africa and the Formation of the New System ... , 2021].

Как представляется, недостаток интерпретаций второго мира в постколониальных исследованиях связан с рядом причин. Во-первых, в СССР расовый дискурс отсутствовал, и интеллектуалам из стран Азии, Африки и Латинской Америки не было необходимости ломать какие-то стереотипы господства белой расы, как это приходилось делать на Западе. Во-вторых, большинство африканских студентов, обучавшихся в СССР и других соцстранах, возвращались на свою родину для развития национальных экономик. Лишь единицы оставались в СССР. Поэтому в большинстве случаев личный опыт, связанный со вторым миром, сводится лишь к воспоминаниям молодости. Причем в последние годы на Западе целенаправленно проведен ряд исследований о переосмыслении данного опыта [Katsakioris, 2019], включая тематический выпуск журнала *Cahiers d'études africaines* (№ 227 за 2017 г.) под названием *Élites de retour de l'Est*¹. *Целый ряд выпускников советских вузов после возвращения на родину реэмигрировал в западные страны, но количество тех, кто интегрировался в советское общество, минимально.*

Попытки приравнять «деколонизацию» постсоветского пространства (и даже территории РФ) и антиимпериалистическую борьбу в Африке явно неуместны [Фитуни, Абрамова, 2020, с. 35; Moore, 2001]. По вопросам развития в рамках ООН СССР, будучи донором и чисто географически находясь на Севере, всегда был на одной стороне с развивающимися странами, в том числе при голосовании по резолюциям «Право на развитие» и по целому ряду других аспектов [Degterev, 2016; Ларионова, 2019]. Очень сложно назвать такую страну «империалистическим хищником»!

Постколониальные люди и идеи: что не так?

В отличие от предметных научных работ по проблемам деколонизации, по теории и практике национально-освободительных движений третьего мира в 1960–1970-е годы, постколониальная

¹ *Élites de retour de l'Est. // Revue Cahiers d'études africaines. – 2017. – N 226. – URL: <http://editions.ehess.fr/revues/numero/elites-de-retour-de-lest> (дата обращения: 10.06.2022).*

литература – это «академический дискурс первого мира 1980–1990-х годов» [Fanon, 1986, р. XVIII], созданный, правда, мигрантами из стран третьего мира. По мере того как США становились интеллектуальным центром мира, на кампусах появились почти миллион студентов из периферийных стран [Дегтерев, 2021в, с. 129], требовался более глобальный подход к образованию и социальным наукам [Dabashi, 2011, р. 10–11], к управлению ожиданиями (или манипулированию сознанием) сотен тысяч людей из Азии, Африки, Латинской Америки. Стояла задача «расширить рамки» западнцентричных социальных дисциплин, при этом «не размывая» «правильный» дискурс. Так, в сфере международных отношений были сформированы «глобальные МО» [Acharya, 2017].

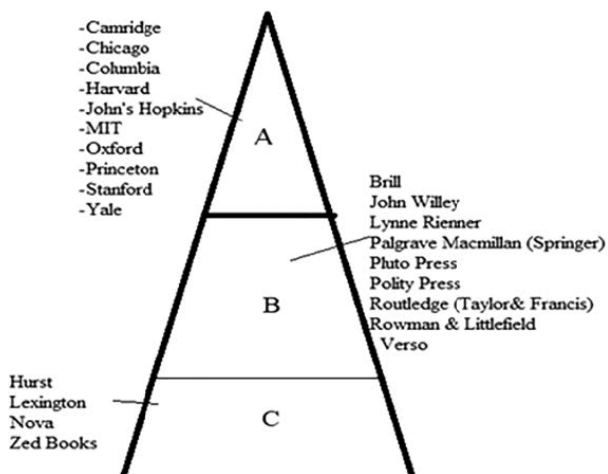

Рис. 1. Иерархия научных издательств мира по общественным наукам

Источник: составлено автором на основе Sense Ranking of Academic Publishers. – URL: http://www.sense.nl/gfx_content/documents/ABCDE-indeling%20Scientific%20Publishers%20SENSE_approved_May_2009.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

Сложилась иерархичная система создания и распространения знаний во главе с англо-американскими издательствами и вузами (см. рис. 1). На вершине «пирамиды знаний» (неплохое представление о ней дает рейтинг академических издателей *SENSE*,

Нидерланды¹) находятся издательства категории «А», представляющие два британских вуза (Оксфорд и Кембридж), и восемь американских (преимущественно Лига плюща). Как правило, эти элитные вузовские издательства имеют проработанную систему международной дистрибуции, книги в них готовятся наиболее тщательно (по 2–3 года).

Именно в данных издательствах формируются смыслы, которые в дальнейшем транслируются на более низкие этажи «пирамиды знаний». Наибольшие тиражи и распространение, например по международным отношениям, имеют издательства категории «В», особенно такие как *Springer* (с входящим в него *Palgrave Macmillan*) и *Taylor & Francis* (включающий *Routledge*), не привязанные к отдельным вузам. Тем не менее они, скорее, реплицируют смыслы, сформированные в издательствах (вузах) верхнего уровня. Такие понятия, как «демократия», «развитие», «права человека» и прочие, впервые формулируются в книгах издательств категории «А», а затем в монографиях издательств категории «В» исследуется, как эти понятия развиваются / соблюдаются в различных странах мира.

Более того, даже критический дискурс существующего миропорядка после развала социалистической системы также сосредоточился в США и Великобритании, где расположено большинство неомарксистских интеллектуальных центров и издательств, публикующих основную массу книг, посвященных незападным подходам к развитию стран Глобального Юга. Среди них выделяется нью-йоркское издательство *Monthly Review*, выпускающее также одноименный журнал. С 1960 г. в Лондоне выходит журнал *New Left Review*, на его базе создано в 1970 г. издательство *New Left Books*, впоследствии переименованное в *Verso Books* (выходит и в Нью-Йорке). С 1969 г. в Лондоне работает издательство *Pluto Press*, а с 1976 г. – *Zed Books*. С 1969 г. в США выходит *Review of Radical Political Economics*, а с 1975 г. – журнал «Альтернативы» (*Alternatives*) [Дегтевев, 2021б, с. 118]. Это позволяет эффективно управлять наиболее критическим дискурсом.

¹ Sense Ranking of Academic Publishers. – URL: http://www.sense.nl/gfx_content/documents/ABCDE-indenting%20Scientific%20Publishers%20SENSE_approved_May_2009.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

В этом контексте в интеллектуальных столицах западного мира возник большой спрос на «компрадорскую интеллигенцию» [Massad, 1997; Dabashi, 2011, p. 12], в то время как в бывших странах социалистического лагеря наука и образование в 1990-е годы, напротив, находились в глубоком кризисе. Особой популярностью в США пользовались так называемые местные информаторы (*native informers*, в трактовке иранского интеллектуала Х. Дабаши). Их задача – давать предвзятые сведения о странах своего происхождения («новый ориентализм»), искажать факты, называя жертв агрессорами, а терроризируемых – террористами [Dabashi, 2011, p. 19]. Они как бы информируют американцев о тех «злодеяниях», которые имели место в их странах, тем самым оправдывая действия США как «освободительные» [Dabashi, 2011, p. 73], помогая реализовывать «большую стратегию» доминирования США [Dabashi, 2011, p. 13], устанавливать превосходство имперской культуры гегемона над локальными культурами [Dabashi, 2011, p. 8], в том числе русской.

Х. Дабаши сравнивает этих зарубежных исследователей с интеллектуалами-наемниками, «бездомными мыслителями, интеллектуальным звеном *Blackwater USA*» [Dabashi, 2011, p. 62–63]. Они вносят важный вклад в формирование «цивилизованного общества», западной цивилизации, фактически – в «гражданскую религию» Запада (по Р. Белле) – «сочетание исторических событий, социологических разработок, метафизических убеждений и фетишизированных визуальных представлений» [Dabashi, 2011, p. 7]. Наличие данной идеологии – это еще один признак более «продвинутой» формы неокOLONIALИЗМА, с новыми формами доминирования, в том числе с помощью идеологического новояза [Dabashi, 2011, p. 37]. Доминирование западной культуры и глобализацию при этом не нужно путать с универсализмом. Это псевдоуниверсализм, доминирование и насаждение лишь одной культуры и дискурса, формирование псевдоглобального гражданского общества [Fanon, 1986, p. XV–XVII].

Конечно, далеко не все интеллектуалы в США становятся «местными информаторами». Многие, например, помогают американскому обществу получить объективный взгляд на свои страны, работая консультантами и переводчиками с так называемого *security languages* (арабский, персидский, урду, а теперь – и рус-

ский с китайским) в военных академиях [Dabashi, 2011, p. 18]. Тем самым они помогают американским военным и спецслужбам подавлять сопротивление и воевать с незападными странами.

Американцы привлекают самых сильных и талантливых исследователей из многих стран мира, чем и объясняют во многом свою исключительность. Пассионарные «субалтерны» из числа высококвалифицированных мигрантов успешно интегрировались в академическое сообщество США и европейских стран, а также в культурную жизнь западного мира (Глобального Севера). К «троице» «глобального постколониализма» (Э. Саид, Г. Спивак, Х. Баба) добавилась и африканская постколониальная «троица» – В.Й. Мудимбе, К.Э. Аппиа и А. Мбембе [Африка: постколониальный дискурс ... , 2020], вслед за которым потянулись и другие исследователи и гражданские активисты. Они вполне искренне обличают имперские пороки, тем самым помогая их устранять. Пределы конвенциональности и объективности критических исследований незападных интеллектуалов в странах «коллективного Запада» – это открытый вопрос (*тема О*).

Разочаровавшись в возможности социально-экономического прогресса во вновь освобожденных странах, модернизации национальных экономик и диверсификации экспортных поставок, получившие неплохое (преимущественно западное) образование интеллектуальные элиты вновь освободившихся стран постепенно переключились на нематериальные сферы, деконструкцию своего прошлого для формирования «приемлемого настоящего» [Zeleva, 2006] в духе эпохи постмодерна (и постправды). По сути, их полноценное сопротивление перерастало, скорее, во внутренний, интеллектуальный протест, перешло в «размытую» для точного статистического учета ментальную сферу [Фитуни, Абрамова, 2020, с. 30].

Многие из них не имели условий для своей научной самореализации на родине и просто вынуждены были выехать в США. Но, работая в американской (европейской) академической среде, они усиливают западную экспертизу и тем самым продлевают гегемонию «коллективного Запада». Примечательно, что столь яростно обличающий компрадорскую элиту Х. Дабаша в финале своей работы приходит к выводу, что раз его дети живут в Америке, то он должен бороться за обеспечение для них благоприятной среды

в США [Dabashi, 2011, p. 131–133]. А завершает он свою книгу словами «Добро пожаловать в Америку! Добро пожаловать домой!» [Dabashi, 2011, p. 135].

В свое время «дрогнули» многие палестинские интеллектуалы (только первое поколение реально боролось против оккупации Израиля), советские интеллектуалы – после распада СССР; латиноамериканские структуралисты (в том числе Ф.Э. Кардозо и др.), поменяв свои убеждения на прозападный прагматизм [Dabashi, 2011, p. 42–43].

«Почувствовать разницу» позволяют две знаковые фигуры, определяющие символические границы подлинной антиколониальной борьбы и постколониального нарратива, – это Ф. Фанон и Э. Саид. Оба почитаются в постколониальных исследованиях (Э. Саид рассматривается как их основоположник), хотя и считаются даже в современной РФ несколько «токсичными» и даже «симпатизирующими террористам» (*слишком уж они антиколониальны!*)¹.

Ф. Фанон, помогавший Фронту национального освобождения Алжира, – конечно, «террорист», особенно если умолчать о деятельности французской Секретной вооруженной организации (ОАС), развязавшей массовый террор против всех, кто выступал за самоопределение Алжира. Такой же «террорист» и Э. Саид, и все сочувствующие палестинскому сопротивлению, деятельности ХАМАС (возникшей после начала Первой интифады в 1987 г.) и «Хезболлы» (возникшей как ответ на оккупацию Израилем части Ливана в 1982 г.), особенно если закрыть глаза на деятельность террористической организации «Иргун» в 1930–1940-е годы, приведшей в конечном итоге к тому, что миллионы палестинцев стали беженцами.

В этом же ряду можно вспомнить вооруженный захват власти на майдане в Киеве в 2014 г., сожженных заживо 2 мая 2014 г. в Одессе мирных протестующих, сотни пророссийских активистов, брошенных в тюрьмы (в целом ряде случаев подвергшихся внесудебной расправе со стороны национальных батальонов),

¹ См. комментарии А.В. Лукина к докладу О.А. Моргуновой «Незападные корни постколониальных теорий: люди и идеи» // НИС «Незападные теории международных отношений в полицентрическом мире» / НИУ ВШЭ. – 2021. – 17.06. – URL: <https://we.hse.ru/ml/seminartmo> (дата обращения: 10.06.2022).

«Аллею ангелов» в Донецке с именами погибших детей. Но внезапно «прозрели» с началом СВО.

Именно это «умолчание» и делает «коричневых» (арабов) «новыми черными» («неграми песков»), мусульман (после событий 11 сентября 2001 г.) – «новыми евреями» [Dabashi, 2011, p. 6]. После 2014 г., но особенно с началом СВО, роль международной парии, «новых черных», современного «киного» (другого) западного мира [Dabashi, 2011, p. 9] перешла уже к русским – первым бросившим реальный (не имитационный, не самоубийственный) вызов западной гегемонии. Примечательно, что Ф. Фанон относил понятие «черных» ко всему не-Западу [Fanon, 1986, p. XV].

Вторая волна интереса к Ф. Фанону поднялась в 1990-е годы среди постколониальных авторов. Он был сугубо антиколониальным теоретиком и практиком – стал ведущим идеологом алжирской революции, но привлек внимание постколониалистов своим дисциплинарным подходом. Ведь он предложил наиболее пронизывающий анализ социальной психологии колониализма (психоаналитическую деконструкцию и интерпретацию проблемы «черных» для ее преодоления и освобождения), описал комплекс их вторичности. Причем свой текст он писал, когда ему было 27 лет, в гущу кровавых событий [Fanon, 1986, p. VI–XX].

Имели ли «постколониальные люди» возможность выбора? Могли ли они пойти по пути подлинных борцов за независимость, лидеров национально-освободительной борьбы первого поколения? Стать теми, кто получил образование преимущественно в Европе, но после этого вернулся на родину и перешел от интерпретации мира к его реальному изменению (как тот же Ф. Фанон)? Во второй половине 1980-х и в 1990-е, и даже в 2000-е годы – **точно нет**. В 2010-х появились первые надежды, а в 2020-е годы – **точно да!** Об этом и пойдет речь в финальном разделе данной статьи.

Возвращение антиколониализма

Как известно, 1960 год стал Годом Африки, так как именно тогда большинство африканских колоний (преимущественно французских) стали независимыми. Символично, что возвращение антиколониальной борьбы в начале 2020-х годов все так же связано с франкоязычной Африкой. Крушение французского неоколо-

ниализма происходит на наших глазах и охватывает ЦАР, следом – Мали, далее следуют Буркина-Фасо, Нигер и другие страны и зависимые территории.

Миллионы молодых африканцев внемлют каждому слову нового поколения панафриканистов и борцов за реальную деколонизацию – Кеми Себа, Натали Ямб, Франклина Ньямси и др. Глобальный Юг снова проснулся и забурлил! Особые надежды были связаны с первым форумом «Россия – Африка» (2019 г.) и со следующим форумом, запланированным на 2023 г.

Что же поменялось в постколониальном мире? Снова (впервые после распада СССР) появилось главное – субъектность! У африканских стран возникла стратегическая альтернатива в лице РФ и КНР. Бывший третий мир, а в период «постколониального момента» Глобальный Юг – внезапно превратился... в «коллективный не-Запад», «отмахнуться» от которого и «раздавить» который совокупной силой «коллективного Запада» уже не получится!

В самом деле, уже несколько лет наблюдается «властный транзит» – то есть переход международной власти от США к КНР (и, шире, – от Запада к не-Западу), на смену американоцентричным институтам приходят институты «коллективного не-Запада» [Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021]. При этом совокупный жесткосиловой потенциал стран НАТО существенно ниже соответствующего потенциала стран ШОС: в 2018 г. – 25,6% от мировой мощи и 36,6% соответственно¹ [Дегтерев, 2021в], и это без учета Ирана и других стран, которые в скором времени присоединятся к ШОС.

«Властный транзит» – это период нестабильности, в ходе которого будет очень сильно меняться предыдущая система мироустройства, что уже вошло в активную фазу с началом СВО. При этом Россия и страны не-Запада, включая большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки, оказываются по одну сторону баррикад, а по другую – бывшие метрополии «коллективного Запада». Стремительно развивается «новая биполярность», кристаллизуется блоковая дисциплина и усиливается декаплинг – то есть разрыв между двумя контурами (западным и незападным) в экономике, технологиях, идеологической, политической и других сферах.

¹ Для операционализации понятия мощи (силы) используется Сводный индекс национального потенциала (Composite Index of National Capability, CINC).

Декаплинг в Африке в первую очередь носит силовой характер, так как фактор безопасности на данном континенте является определяющим. Россия выступает как провайдер безопасности (и, шире, – суверенитета) для многих стран мира. Однако речь идет не только о безопасности в узком смысле. Важно обеспечить и энергетическую, и продовольственную, и ИТ-безопасность, и безопасность в кредитно-финансовой сфере. В этом контексте возникают новые задачи российской политики международной помощи и внешнеэкономических связей (*тема II*). В данном случае *II* – не только порядковый номер темы, но и особый фокус на ее сугубо практическом характере! В отличие от СССР, Российская Федерация не продвигает социализм по всему миру, но выступает в защиту суверенитета в его комплексном понимании.

Формирование многополярного мира, начавшееся в 2010-х годах [Дегтерев, 2021в], дает надежду на лучшее будущее, которое необходимо странам Азии, Африки и Латинской Америки. В этом контексте развивается нарратив множественной модерности (*multiple modernities*), впервые запущенный С.Н. Эйзенштадтом [Eisenstadt, 2000], который с тех пор лишь набирает популярность [Bhambra, 2007]. С. Эйзенштадт справедливо отмечает, что «модерность и вестернизация не идентичны» [Eisenstadt, 2000, р. 2–3], таким образом, «выключение» страны из западного проекта – это не «приговор», а... новые возможности в альтернативных модернизационных проектах не-Запада.

Исторически с XVI в., конечно, доминировал западный модернизационный проект, однако это не единственная модерность. Незападность сама по себе не является антонимом модерности. Например, с 1920–1930-х годов ярко дала о себе знать альтернативная модерность советского проекта [Eisenstadt, 2000, р. 11], затронувшая и Африку. В XXI в. стремительно развивается КНР, предлагающая альтернативную модель («социализм с китайской спецификой»), велика роль государства и в модели России. Интересное сочетание модерности с элементами ислама предлагает и современная Турция.

В прошлый период активной антиколониальной борьбы, к концу 1970-х – началу 1980-х годов удалось достичь существенных морально-политических успехов в развитии Нового мирового экономического порядка (НМЭП) [Дегтерев, 2016], которые, однако,

не были подкреплены экономическими средствами борьбы [Коптев, 1988, с. 41–42] и в итоге сошли на нет. Важно не допустить такой ошибки на следующем витке антиколониализма, реформируя соответствующим образом систему международных экономических режимов (*тема Р*). Данные конфигурации будут востребованы уже после «перезагрузки» международной системы в целом, но работать над объединением международных усилий в борьбе с неоколониализмом нужно уже сейчас!

* * *

Постколониальный дискурс не исчезнет совсем, но перестанет быть идеологическим мейн стримом критических исследований стран Азии, Африки и Латинской Америки. Безучастно предлагать множественные интерпретации имперского доминирования на фоне реальной борьбы и многотысячных жертв народов западного мира за свою независимость (Сирия, Венесуэла, Мали, ЦАР, Афганистан, СВО и далее в Азии, Африке и Латинской Америке) уже не получится... На повестке дня – конкретно-предметные исследования по укреплению реального суверенитета стран западного мира, ведь нет ничего лучше для практики, чем хорошая теория! Убежден, что часть из самых лучших работ по этой теме выйдет на страницах журнала «Постколониализм и современность».

Список литературы

- Амара Д., Дегтерев Д.А., Эгамов Б.Х. «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 2. – С. 76–101.
- Африка: постколониальный дискурс / под ред. Т.М. Гавристовой, Н.Е. Хохолковой. – Москва : Институт Африки РАН, 2020. – 248 с.
- Внешняя политика стран СНГ / под ред. Д.А. Дегтерева, К.П. Курылева. – Москва : РУДН, 2019. – 496 с.
- Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. – Москва : Политиздат, 1987. – 272 с.
- Горячая Африка / под ред. М.Ю. Шеповаленко. – Москва : Центр анализа стратегий и технологий, 2022. – 200 с.

- Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибе О.* Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного» Запада // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 50–78.
- Дегтерев Д.А.* Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения – 2021б. – Т. 65. – № 4. – С. 113–122. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122
- Дегтерев Д.А.* От «антимайданов» к коллективному не-западу // Валдайский клуб. – 2021а. – 04.11. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ot-antimaydanov-k-kollektivnomu-ne-zapadu/>
- Дегтерев Д.А.* Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. – Москва : RuScience, 2021в. – 213 с.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В.* США – КНР: «властный транзит» и контурь «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 210–231. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
- Денисов А.В., Урнов А.Ю.* СССР и деколонизация Африки // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 12. – С. 15–20.
- Долгов Б.В.* Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы. – Москва : Ленанд, 2021. – 208 с.
- Ивкина Н.В.* Политика Германии в отношении Намибии: попытки преодоления колониализма // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 181–192.
- Кассае Ньгусие В.М., Ивкина Н.В.* Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 22–38. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38
- Коптев М.М.* Экономический неоколониализм в стратегии империализма: новые формы и методы : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Москва, 1988. – 46 с.
- Кременюк В.А.* Неоколониализм: США и Африка // США: Экономика, политика, идеология. – 1976. – № 7. – С. 97–98.
- Кузнецов А.В.* Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 30–46. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46
- Ларионова М.В.* СССР в системе сотрудничества в целях развития под эгидой ООН // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 145–163. – DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-09
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – Издание второе. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – 630 с.
- Минкова К.В.* «Советская делегация считает целесообразным вступление Советского Союза в состав членов фонда»: СССР и Международный валютный фонд в 1943–1946 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2017. – № 17(01). – С. 34–47. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-34-47

- Неженцев И.В., Пономаренко Л.В. Остров Майотта на пути в международное общество // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2017. – № 17(01). – С. 175–189. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-175-189
- Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. – Москва : Претекст, 2014. – 352 с.
- Погорельская А.М. Нормативная сила ЕС в контексте европейской политики развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 456–474.
- Портнягин А.Д. Неоколониалистская экспансия американского империализма в страны Азии и Африки : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Москва, 1988. – 52 с.
- Портнягин А.Д. Эволюция взаимоотношений капиталистических и развивающихся стран в свете нового политического мышления: исторические судьбы неоколониализма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Москва, 1990. – 51 с.
- Протопопов А.С. Исторические параллели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 20–24.
- Сидоров А.А. Внешние операции Франции в Сахеле: пределы адаптации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2019. – № 53(69). – С. 18–23.
- Сироткина А.И. Эволюция теоретических воззрений на неоколониализм как экономическую категорию // Вопросы политической экономии. – 2020. – № 3(23). – С. 82–97. – DOI: 10.5281/zenodo.4067063
- Сироткина А.И., Альпидовска М.Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и системность // Теоретическая экономика. – 2020. – № 12. – С. 96–109.
- Тарабрин Е.А. Стратегия и тактика неоколониализма Англии. – Москва : Наука, 1969. – 240 с.
- Филиппов В.Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 402–415. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-2-402-415
- Филиппов В.Р. Париж vs. Пекин: противостояние на Африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 84–96. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-1-84-96
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 26–40. – DOI: 10.1797 6/jpps/2020.06.03
- Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2015. – № 2. – С. 5–19.
- Худайкулова А.В. Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 4. – С. 67–79. – DOI: 10.17994/П.2016.14.4.47.5
- Экономическое и техническое содействие СССР зарубежным странам / Греков Ю.Н., Качанов А.И., Сухопаров Д.И., Теодорович Т.В. – Москва : Международные отношения, 1987. – 319 с.

- Acharya A.* Towards a Global International Relations? // E-International Relations. – 2017. – 10.12. – URL: <https://www.e-ir.info/2017/12/10/towards-a-global-international-relations>
- Africa and the Formation of the New System of International Relations. Advances in African Economic, Social and Political Development / Vasilev A.M., Degterev D.A., Shaw T.M. (eds). – Cham : Springer, 2021. – 326 p.
- Amin S.* Neo-colonialism in West Africa. – Harmondsworth : Penguin Books, 1973. – XVIII, 208 p.
- Amuhaya C., Degterev D.* A Century of East African Integration. – Cham : Palgrave Macmillan, 2022. – 263 p.
- Bhambra G.K.* From Modernization to Multiple Modernities: Eurocentrism Redux // Rethinking Modernity. – London : Palgrave Macmillan, 2007. – P. 56–79. – DOI: 10.1057/9780230206410_4
- Campbell H.G.* African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 1 // Vestnik RUDN. International Relations. – 2020. – Vol. 20, N 1. – P. 115–130. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-115-130
- Carmody P.* Constructing alternatives to structural adjustment in Africa // Review of African Political Economy. – 1998. – Vol 25, Issue 75. – P. 25–46. – DOI: 10.1080/03056249808704291
- Carmody P., Kragelund P., Reboredo R.* Africa's Shadow Rise: China and the Mirage of African Economic Development. – London : Zed, 2020. – 240 p.
- Dabashi H.* Brown Skin, White Masks. – New York : Pluto Press, 2011. – 176 p.
- Degterev D.* In quest of universal goals: analysis of statements from the Open Working Group on Sustainable Development Goals and the United Nations General Assembly voting // Asia-Pacific Development Journal. – 2016. – Vol. 23, Issue 2. – P. 35–60.
- Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // Daedalus. – 2000. – Vol. 129, N 1. – P. 1–29.
- Fanon F.* Black Skin, White Masks. – London : Pluto Press, 1986. – 206 p.
- George S.* A Fate Worse than Debt: a radical new analysis of the Third World debt crisis. – London : Penguin Books, 1988. – XIV, 300 p.
- Gosovic B.* On the Eve of BAPA+40 – South-South Cooperation in Today's Geopolitical Context // Vestnik RUDN. International Relations. – 2018. – Vol. 18, N 3. – P. 459–478. – DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-459-478
- Hearne D., De Ruyter A., Davies H.* The Commonwealth: a panacea for the UK's post-Brexit trade ills? // Contemporary Social Science. – 2019. – Vol. 14, Issue 2. – P. 341–360. – DOI: 10.1080/21582041.2018.1558277
- Hurt S.R.* The EU–SADC Economic Partnership Agreement Negotiations: 'locking in' the neoliberal development model in southern Africa? // Third World Quarterly. – 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 495–510. – DOI: 10.1080/01436597.2012.657486
- Katsakioris C.* The Lumumba University in Moscow: higher education for a Soviet–Third World alliance, 1960–91 // Journal of Global History. – 2019. – Vol. 14, Issue 2. – P. 281–300. – DOI: 10.1017/S174002281900007X
- Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs. – 1991. – Vol. 70, N 1. – P. 23–33.

- Lucia E.L.* Performing EU agency by experimenting the ‘Comprehensive Approach’: the European Union Sahel Strategy // *Journal of Contemporary African Studies*. – 2017. – Vol. 35, Issue 4. – P. 451–468. – DOI: 10.1080/02589001.2017.1338831
- M’Baye K.* Le droit au développement comme un droit de l’homme // *Revue des droit de l’homme*. – 1972. – Vol. (2/3). – P. 528–530.
- Massad J.* Political realists or comprador intelligentsia: Palestinian intellectuals and the national struggle // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*. – 1997. – Vol. 6, Issue 11. – P. 21–35. – DOI: 10.1080/10669929708720108
- Mbembe A., Balakrishnan S.* Pan-African Legacies, Afropolitan Futures // *Transition*. – 2016. – N 120. – P. 28–37. – DOI: 10.2979/transition.120.1.04
- Moore D.Ch.* Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *PMLA*. – 2001. – Vol. 116, N 01. – P. 111–128. – DOI: 10.1632/pmla.2001.116.1.111
- Muntschick J.* The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – 389 p.
- Nkrumah K.* Neo-colonialism: The Last Stage of Imperialism. – New York : International Publishers, 1965. – 280 p.
- Nyerere J.* Africa and the Debt Crisis // *African Affairs*. – 1985. – Vol. 84, Issue 337. – P. 489–497.
- Riddell B.* Things Fall Apart Again: Structural Adjustment Programmes in Sub-Saharan Africa // *The Journal of Modern African Studies*. – 1992. – Vol. 30, N 1. – P. 53–68.
- Shohat E.* Notes on the ‘Post-Colonial’ // *Social Text*. – 1992. – N 31/32. – P. 99–113.
- Taylor I.* Sixty Years Later: Africa’s Stalled Decolonization // *Vestnik RUDN. International Relations*. – 2020. – Vol. 20, N 1. – P. 39–53. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-39-53
- The Postdevelopment Reader / Rahnama M., Bawtree V. (Eds.)*. – London : Zed Books, 1997. – 433 p.
- Theories of Development: Contentions, Arguments, Alternatives / Peet R., Hartwick E. (Eds.)*. – New York : The Guilford Press, 2009. – 370 p.
- Vershav F.-X.* *Francafrigue: la plus long scandale de la republique*. – Paris : Stock, 2003. – 384 p.
- Zezeza P.* The Troubled Encounter Between Postcolonialism and African History // *Journal of the Canadian Historical Association*. – 2006. – N 2. – P. 89–129. – DOI: 10.7202/016592ar

References

- Acharya A. (2017). Towards a Global International Relations? *E-International Relations*, 10.12. URL: <https://www.e-ir.info/2017/12/10/towards-a-globalinternational-relations>
- Africa and the Formation of the New System of International Relations. Advances in African Economic, Social and Political Development* (2021). Vasiliev A.M., Degterev D.A., Shaw T.M. (eds). Cham: Springer. – 326 p.

- Africa: postcolonial discourse* (2020). ed. T.M. Gavristova, N.E. Khokhlova. Moscow: Institute for African Studies RAS. – 248 p. (in Russ.)
- Amara D., Degtrev D.A., Egamov B.H. (2022). “Common Interests” in UN Peace-keeping Operations in Africa: Applied Analysis of Personnel Composition. *Problems of National Strategy*, № 2, pp. 76–101. (in Russ.)
- Amin S. (1973). *Neo-colonialism in West Africa*. Harmondsworth: Penguin Books. – 208 p.
- Amuhaya C., Degtrev D.A. (2022). *Century of East African Integration*. Cham: Palgrave Macmillan. – 263 p.
- Bhambra G.K. (2007). From Modernization to Multiple Modernities: Eurocentrism Redux. *Rethinking Modernity*, London: Palgrave Macmillan, pp. 56–79. – DOI: 10.1057/9780230206410_4
- Campbell H.G. (2020). African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 1. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 20, N 1, pp. 115–130. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-115-130
- Carmody P. (1998). Constructing alternatives to structural adjustment in Africa. *Review of African Political Economy*, vol 25, Issue 75, pp. 25–46. – DOI: 10.1080/03056249808704291
- Carmody P., Kragelund P., Reboredo R. (2020). *Africa's Shadow Rise: China and the Mirage of African Economic Development*. London: Zed. – 240 p.
- Dabashi H. (2011). *Brown Skin, White Masks*. New York: Pluto Press. – 176 p.
- Davidchuk A.S., Degtrev D.A., Sidibé O. (2022). French Military Presence in Mali: Structural Power of the Sub-Empire of the “Collective” West. *Actual Problems of Europe*, № 4, pp. 50–78. (in Russ.)
- Degtrev D.A. (2021). *Assessment of the current alignment of forces in the international arena and the formation of a multipolar world*. Moscow: RuScience, – 213 p. (in Russ.)
- Degtrev D.A. (2021a). From “anti-Maidans” to the collective non-West. *Valdai Club*. 04.11. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ot-antimaydanov-kkollektivnomu-ne-zapadu> (in Russ.)
- Degtrev D. (2016). In quest of universal goals: analysis of statements from the Open Working Group on Sustainable Development Goals and the United Nations General Assembly voting. *Asia-Pacific Development Journal*, vol. 23, Issue 2, pp. 35–60.
- Degtrev D.A. (2021b). Non-Western theories of development in the era of global capitalism. *World economy and international relations*, vol. 65, № 4. pp. 113–122. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122. (in Russ.)
- Degtrev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. (2021). USA – China: “power transit” and contours of “conflict bipolarity”. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series International relations*. vol 21, № 2, pp. 210–231. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231 (in Russ.)
- Denisov A.V., Ornov A.U. (2010). The USSR and the decolonization of Africa. *Asia and Africa today*, № 12, pp. 15–20. (in Russ.)
- Dolgov B.V. (2021). *Syrian confrontation: internal and external factors*. Moscow: Lenand. – 208 p. (in Russ.)

- Economic and technical assistance of the USSR to foreign countries* (1987). Grekov Yu.N., Kachanov A.I., Sukhoparov D.I., Teodorovich T.V. Moscow: International relations. – 319 p. (in Russ.)
- Eisenstadt S.N. (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, N 1, pp. 1–29.
- Fanon F. (1986). *Black Skin, White Masks*. London: Pluto Press. – 206 p.
- Filippov V.R. (2017). “Fransafrik” and ethics in international relations. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series International relations*, vol. 17, № 2, pp. 402–415. (in Russ.) DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415
- Filippov V.R. (2020). Paris vs. Beijing: Confrontation on the African Continent. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series International relations*, vol. 20, № 1, pp. 84–96. (in Russ.) DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-84-96
- Fituni L.L., Abramova I.O. (2020). Political Theory of Decolonization: Imperatives of Modern Reading. *Polis. Political studies*, № 6, pp. 26–40. (in Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2020.06.03
- Foreign policy of the CIS countries* (2019). ed. D.A. Degterev, K.P. Kurylev. Moscow: RUDN University. – 496 p. (in Russ.)
- Fursov K.A. (2015). Decolonization of the Afro-Asian world: prerequisites, stages, models. *Vostok. Afro-Asian societies: history and modernity*, № 2, pp. 5–19. (in Russ.)
- George S. (1988). *A Fate Worse than Debt: a radical new analysis of the Third World debt crisis*. London: Penguin Books. – 300 p.
- Gorbachev M.S. (1987). *Perestroika and new thinking for our country and the whole world*. Moscow: Politizdat. – 272 p. (in Russ.)
- Gosovic B. (2018). On the Eve of BAPA+40 – South-South Cooperation in Today’s Geopolitical Context. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, N 3, pp. 459–478. – DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-459-478
- Hearne D., De Ruyter A., Davies H. (2019). The Commonwealth: a panacea for the UK’s postBrexit trade ills? *Contemporary Social Science*, vol. 14, Issue 2, pp. 341–360. – DOI: 10.1080/21582041.2018.1558277
- Hot Africa* (2022). ed. M.Yu. Shepovalenko. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies. – 200 p. (in Russ.)
- Hurt S.R. (2012). The EU–SADC Economic Partnership Agreement Negotiations: ‘locking in’ the neoliberal development model in southern Africa? *Third World Quarterly*, vol. 33, N 3, pp. 495–510. – DOI: 10.1080/01436597.2012.657486
- Ivkina N.V. (2021). German policy towards Namibia: attempts to overcome colonialism. *Vostok. Afro-Asian societies: history and modernity*, № 3, pp. 181–192. (in Russ.)
- Kassae Nygusie V.M., Ivkina N.V. (2020). Features of the political development of Africa in the post-colonial period. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series International relations*, vol. 20, № 1, pp. 22–38. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38 (in Russ.)
- Katsakioris C. (2019). The Lumumba University in Moscow: higher education for a Soviet–Third World alliance, 1960–91. *Journal of Global History*, vol. 14, Issue 2, pp. 281–300. – DOI: 10.1017/S174002281900007X
- Koptev M.M. (1988). Economic neo-colonialism in the strategy of imperialism: new forms and methods: author. dis. ... Dr. Econ. Sciences, Moscow. – 46 p. (in Russ.)

- Krauthammer Ch. (1991). The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, vol. 70, N 1, pp. 23–33.
- Kremenyuk V.A. (1976). Neo-colonialism: USA and Africa. *USA: Economy, politics, ideology*, № 7, pp. 97–98. (in Russ.)
- Khudaikulova A.V. (2016). New in the management of international conflicts. *International processes*, 2016, vol. 14, № 4, pp. 67–79. (in Russ.) DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5
- Kuznetsov A.V. (2019). Concepts of economic interaction along the South-South line. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, vol. 12, № 3, pp. 30–46. (in Russ.) DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46
- Larionova M.V. (2019). USSR in the system of cooperation for development under the auspices of the UN. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 14, № 1, pp. 145–163. (in Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-09
- Lucia E.L. (2017). Performing EU agency by experimenting the ‘Comprehensive Approach’: the European Union Sahel Strategy. *Journal of Contemporary African Studies*, vol. 35, Issue 4, pp. 451–468. – DOI: 10.1080/02589001.2017.1338831
- M’Baye K. (1972). Le droit au developpement comme un droit de l’homme. *Revue des droit de l’homme*, vol. (2/3), pp. 528–530.
- Marx K., Engels F. (1955). *Works. Second edition*. Moscow: State Publishing House of Political Literature, vol. 3. – 630 p. (in Russ.)
- Massad J. (1997). Political realists or comprador intelligentsia: Palestinian intellectuals and the national struggle. *Critique: Critical Middle Eastern Studies*, vol. 6, Issue 11, pp. 21–35. – DOI: 10.1080/10669929708720108
- Mbembe A., Balakrishnan S. (2016). Pan-African Legacies, Afropolitan Futures. *Transition*, N 120, pp. 28–37. – DOI: 10.2979/transition.120.1.04
- Minkova K.V. (2017). “The Soviet Delegation Considers It Expedient for the Soviet Union to Join the Fund”: The USSR and the International Monetary Fund in 1943–1946. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series International relations*, № 17(01), pp. 34–47. (in Russ.) DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-34-47
- Moore D.Ch. (2001). Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *PMLA*, vol.116, N 01, pp. 111–128. – DOI: 10.1632/pmla.2001.116.1.111
- Muntschick J. (2018). *The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence*. Cham: Palgrave Macmillan. – 389 p.
- Nezhentsev I.V., Ponomarenko L.V. (2017). Mayotte Island on the way to the international community. *Bulletin of the Russian University of Friendship Narodov. Series International relations*, № 17(01), pp. 175–189. (in Russ.) DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-175-189
- Nkrumah K. (1965). *Neo-colonialism: The Last Stage of Imperialism*. New York: International Publishers. – 280 p.
- Nyerere J. (1985). Africa and the Debt Crisis. *African Affairs*. vol. 84, Issue 337, pp. 489–497.
- Perkins J. (2014). *Confessions of an economic killer*. Moscow: Pretext. – 352 p. (in Russ.)

- Pogorelskaya A.M. (2021). Normative power of the EU in the context of European development policy. *Bulletin of St. Petersburg University. International relationships*, vol. 14, № 4, pp. 456-474. (in Russ.)
- Portnyagin A.D. (1988). Neo-colonialist expansion of American imperialism into the countries of Asia and Africa: author. dis. ... Dr. ist. Sciences. Moscow. – 52 p. (in Russ.)
- Portnyagin A.D. (1990). The evolution of relations between capitalist and developing countries in the light of new political thinking: the historical fate of neo-colonialism: author. dis. ... Dr. ist. Sciences. Moscow. – 51 p. (in Russ.)
- Protopopov A.S. (2014). Historical Parallels. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series International relations*, № 4, pp. 20–24. (in Russ.)
- Riddell B. (1992). Things Fall Apart Again: Structural Adjustment Programmes in Sub-Saharan Africa. *The Journal of Modern African Studies*, vol. 30, N 1, pp. 53–68.
- Shohat E. (1992). Notes on the 'Post-Colonial'. *Social Text*, N 31/32, pp. 99–113.
- Sidorov A.A. (2019). France's external operations in the Sahel: the limits of adaptation. *European security: events, assessments, forecasts*, № 53(69), pp. 18–23. (in Russ.)
- Sirotkina A.I., Alpidovska M.L. (2020). Neo-colonialism of the 21st century: globalism and world-systemism. *Teoreticheskaya ekonomika*, № 12, pp. 96–109. (in Russ.)
- Sirotkina A.I. (2020). Evolution of theoretical views on neo-colonialism as an economic category. *Questions of political economy*, № 3(23), pp. 82–97. (in Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.4067063
- Tarabrin E.A. (1969). *Strategy and tactics of neo-colonialism in England*. Moscow: Nauka. – 240 p. (in Russ.)
- Taylor I. (2020). Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 20, N 1, pp. 39–53. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-39-53
- The Postdevelopment Reader* (1997). Rahnema M., Bawtree V. (Eds.). London: Zed Books. – 433 p.
- Theories of Development: Contentions, Arguments, Alternatives* (2009). Peet R., Hartwick E. (Eds.). New York: The Guilford Press. – 370 p.
- Vershav F.-X. (2003). *Francafrrique: la plus long scandale de la republique*. Paris: Stock. – 384 p.
- Zeleza P. (2006). The Troubled Encounter between Postcolonialism and African History. *Journal of the Canadian Historical Association*, N 2, pp. 89–129. – DOI: 10.7202/016592ar

ТУРЦИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся МИРОПОРЯДКЕ

Владимир Алексеевич АВАТКОВ

доктор политических наук, заведующий отделом
Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, ул. Профсоюзная, 23, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: v.avatkov@gmail.ru
ORCID: 0000-0002-6345-3782

Разиль Илшатович ГУЗАЕРОВ

младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, ул. Профсоюзная, 23, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: guzaev99@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0006-9975

Статья поступила в редакцию 29.05.2022

Аннотация. В статье рассматривается политика Турции в условиях современных политических реалий и формирования полицентричной системы международных отношений. По результатам проведенного анализа сделаны выводы о том, что Анкара является активным актором в формировании нового миропорядка. Турция активно выстраивает свою подсистему международных отношений, бросает вызов ведущим державам и западноцентричным институтам. Проводя прагматичную политику на основе собственных национальных интересов, Анкара становится влиятельным центром силы.

Ключевые слова: трансформирующийся миропорядок; международная система; Турция; туркоцентричная подсистема; Запад; Восток.

TURKEY IN THE TRANSFORMING WORLD ORDER

Vladimir A. AVATKOV

Doctor of Politics, Head of department
Department of Middle and Post-Soviet East INION RAN
117997, st. Profsoyuznaya, 23, Moscow, Russian Federation
E-mail: v.avatkov@gmail.ru
ORCID: 0000-0002-6345-3782

Razil I. GUZAEROV

Junior researcher
Department of Middle and Post-Soviet East INION RAN
117997, st. Profsoyuznaya, 23, Moscow, Russian Federation
E-mail: guzaerov99@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0006-9975

Received 29.05.2022

Abstract. The article examines Turkey's policy in the context of modern political realities and the formation of a polycentric system of international relations. According to the results of the analysis, Ankara is an active actor in the formation of a new world order. Turkey is actively building its subsystem of international relations, challenging the leading powers and Western-centric institutions. They pursue a pragmatic policy based on their own national interests. Ankara becomes an influential center of power.

Keywords: transforming world order; international system; Turkey; turkocentric subsystem; West; East.

Современная система международных отношений характеризуется нестабильностью и турбулентностью. Переход от однополярного момента [Krauthammer, 1990] или же плюралистической однополярности [Богатуров, 2002] к полицентричной международной системе происходит в традиционной форме: через усиление конфликтности и рост количества кризисов в разных частях планеты. Одной из главных тенденций трансформации мирового порядка стало усиление роли не-Запада.

Западный мир, утвердивший свое место в международной системе, стремительно теряет свое влияние на международные процессы, уступая место странам Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского и других регионов.

Тренд полицентризации является одним из ключевых в процессе трансформации международной системы [Каширина, 2020, с. 25]. Новые центры силы, демонстрирующие прагматичный подход к внешней политике на основе национальных интересов, возникают на Востоке: Китай, Индия, Турция, Саудовская Аравия и др. Любые попытки проявления самостоятельности внутри западного коллектива подавляются со стороны центров сил (например, США, Брюсселя), которые не терпят свободы мысли. Если раньше стремление к трансатлантической подсистеме было признаком развития государства, то на данный момент наблюдается обратный эффект. Запад пытается удержать свое влияние в мире, используя свои возможности и преимущества в сфере экономики и технологий, однако все больше государств начинают выбирать свободу и независимость, расширяя свои связи внутри Востока.

Начало специальной военной операции на Украине высветило ряд тенденций в процессе трансформации международной системы. Европейский союз, несмотря на все институциональные процессы, развитие своей валюты, попытки продвижения собственной глобальной повестки, не смог обрести независимость в своих действиях и выйти из трансатлантической подсистемы, которая уходит под большой контроль США.

Брюссель, Париж и Берлин теряют контроль над событиями в регионе. Вашингтон диктует свои правила игры, толкая Европу к еще большему кризису. Действия европейских властей уже привели к росту цен на электроэнергию, продукты питания и прочее¹. Учитывая, что «Северный поток – 2» так и не был запущен снова под давлением США, следует ожидать усиления энергетического кризиса в Европе. Все это больше вовлекает Европу в орбиту влияния США, как это было во времена холодной войны. Такие страны, как Литва, Латвия, Эстония, Польша и др., уже

¹ *Arnold M., Romei V., Smith A.* Reliance on Russian energy helps drive Europe's uneven inflation surge // *Financial Time*. – 2022. – May 19. – URL: <https://www.ft.com/content/12d6afd7-5d9c-4225-b1b6-2de1380dd3d7> (дата обращения: 24.05.2022).

начинают больше ориентироваться на Вашингтон или Лондон, нежели на Брюссель.

Вне трансатлантической подсистемы влияние США в других регионах постепенно снижается. Показательной в этом плане была история со звонком президента США руководителям Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Мухаммед бин Салман и Мухаммед бин Зайед отказались разговаривать с Дж. Байденом, который пытался вовлечь их в антироссийский блок и с их помощью сдерживать рост цен на нефть¹. С другой стороны, как Саудовская Аравия, так и ОАЭ следуют нормам, принятым в рамках ОПЕК+, в установлении которых принимала участие в том числе Россия. В отличие от Дж. Байдена В.В. Путин смог переговорить с лидерами обеих стран и обсудить вопросы торгово-экономического сотрудничества. Позднее министр энергетики Саудовской Аравии заявил о том, что Эр-Рияд планирует выработать новое соглашение ОПЕК+ с участием России².

Саудовская Аравия демонстрирует прагматичный подход к отношениям со своими партнерами. Эр-Рияд начал вести переговоры с Пекином о переходе на оплату поставок нефти в юанях. Действия США и их партнеров по отношению к России продемонстрировали непоследовательность политики этих стран, что снизило доверие к западным валютам и выявило необходимость диверсификации валютных рынков. В этом же плане важным событием является решение Еврокомиссии о разрешении оплаты поставок энергоресурсов в рублях³, несмотря на изначальные отказы следовать новым требованиям Москвы. Ситуация продемонстрировала, что у ЕС имеется ограниченный набор инструментов для давления на Россию. В целом намечается тенденция к подрыву западного

¹ СМИ: лидеры Саудовской Аравии и ОАЭ отказались от переговоров с Байденом // РИА Новости. – 2022. – 9 марта URL: <https://ria.ru/20220309/peregovory-1777215630.html> (дата обращения: 21.05.2022).

² Саудовская Аравия хочет включить Россию в новое соглашение ОПЕК+ // РИА Новости. – 2022. – 22 мая. – URL: <https://www.ft.com/content/12d6afd7-5d9c-4225-b1b6-2de1380dd3d7> (дата обращения: 24.05.2022). <https://ria.ru/20220522/opek-1790044999.html> (дата обращения: 23.05.2022).

³ Bloomberg: Еврокомиссия разрешила импортерам газа открывать счета в Газпромбанке // Коммерсантъ. – 2022. – 15 мая. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5354720> (дата обращения: 21.05.2022).

доминирования в экономической сфере и снижению доверия к их валютам [Митрахович, Салихов, Юшков, 2022, с. 11].

Незападные институты начинают расширяться. Так, министр иностранных дел КНР Ван И во время встречи глав МИД призвал проработать механизмы расширения БРИКС и выработать консенсус по данному вопросу¹. Государства, находящиеся вне сформированных подсистем, ищут точки притяжения. Пока Запад постепенно сам себя превращает в воплощение негативной среды, суверенные государства ищут положительную субсреду, которая начинает формироваться на Востоке. Именно незападные институты, обладая уникальным потенциалом, имеют все необходимое, чтобы стать такой точкой притяжения вне западного блока.

* * *

Все отчетливее проявляется факт постепенного смещения центра международной системы на Восток. Однако Восток не представляет собой единое образование. На фоне упадка Запада начинается конкуренция «востоков» за свое место в рамках будущей международной системы. Одной из ключевых стран, бросивших вызов западной гегемонии в современном миропорядке и активно формирующих свою подсистему, является Турецкая Республика.

С 2013 г. лозунг «Мир больше пяти» стал неотъемлемой частью выступлений Р.Т. Эрдогана [Ирхин, Москаленко, 2021, с. 92]. Данный лозунг олицетворяет в речах турецкого президента всю современную структуру мирового порядка, главным воплощением которой является Совет Безопасности ООН. Именно на пяти постоянных членах СБ ООН, по мнению турецкого лидера, лежит ответственность за состояние международной системы. «Судьба человечества не может и не должна быть брошена на милость горстки стран – победителей во Второй мировой войне»², – заявил Р.Т. Эрдоган во время своего турне по Африке.

¹ Китай предлагает запустить процесс расширения БРИКС, заявил глава МИД // РИА Новости. – 2022. – 19 мая. – URL: <https://ria.ru/20220519/kitay-1789567022.html> (дата обращения: 21.05.2022).

² «Горстка» победителей. Почему Эрдогана так волнует устройство мира // РИА Новости. – 2021. – 19 октября. – URL: <https://ria.ru/20211019/erdogan-1755267109.html> (дата обращения: 23.05.2022).

Турция настаивает на том, чтобы эти государства приняли всю ответственность на себя, либо же ООН должна подвергнуться реформам, а в Совет Безопасности должны быть включены новые государства.

Региональная политика Анкары претерпела изменения. Осознав, что дипломатические методы в рамках политики добрососедства не работают, Турция перешла к наступательной и решительной политике, в процессе реализации которой зачастую игнорировались интересы других государств [Долгов, 2021, с. 153]. Через проекцию силы Анкара увеличила свое влияние на регион. С началом операции в Сирии, несмотря на осуждение мировой общественности, Турция обозначила свои интересы в конфликте и стала частью Астанинского формата, который легитимизировал присутствие Турции в соседней стране.

Турция включилась в ливийские события и успешно помогла Правительству национального согласия (ПНС), отбив наступление сил Х. Хафтара на Триполи. Затем Анкара и ПНС подписали Меморандум о разграничении морских зон в Средиземном море. Меморандум закрепил претензии Турции на значительную акваторию Восточного Средиземноморья и вызвал острую реакцию со стороны стран региона [Телегина, Халова, 2021, с. 44].

Анкара активно продвигает развитие туркоцентричной подсистемы. С момента распада Советского Союза новые турецкие государства занимают особое положение во внешнеполитическом планировании Турции. Различные организации (ТИКА, ТЮРКСОЙ и т.д.) были созданы для работы в регионе и повышения в нем роли Анкары [Аватков, 2021, с. 170]. Планомерная деятельность Анкары привела к тому, что страны – участники Тюркского совета приняли решение о преобразовании совета в Организацию тюркских государств (ОТГ). Также на встрече был принят документ «Видение тюркского мира – 2040»¹. Документ, помимо усиления сотрудничества в сферах политики и экономики, предусматривает тесное культурное взаимодействие, в рамках которого государства-члены будут предпринимать усилия по «продвижению единой

¹ Turkic World Vision – 2040 // Organization of Turkic States. – 2021. – URL: <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 24.05.2022).

тюркской идентичности», «созданию единого медийного и информационного пространства», «достижению единства в алфавите и терминологии».

При ОТГ был создан Инвестиционный фонд организации. Фонд предназначен для реализации совместных проектов, в том числе воплощения «Видения – 2040». С этого момента Турция будет делить расходы на создание туркоцентричной подсистемы, а турецкие государства с помощью своих собственных средств будут все сильнее вовлекаться в орбиту турецкого влияния.

Свой взгляд на развитие международной системы Р.Т. Эрдоган представил в книге «Более справедливый мир возможен» (*Daha adil bir dünya mümkün*) [Эрдоган, 2021]. Президент Турции открыто говорит о спаде западноцентричной модели международных отношений из-за неспособности западных стран сохранить свое лидерство. Турецкий лидер выделяет три индикатора слома западноцентричной модели.

1. ЕС, несмотря на все попытки, не смог стать единым международным актором и выработать общие внешнеполитические принципы. Большие внутренние проблемы, связанные с фактором мигрантов, экономические и другие проблемы не позволяют ЕС брать на себя инициативу в вопросах глобальных угроз. ЕС замкнулся сам на себе.

2. США же стремительно идут по пути изоляционизма. Торговые войны в ЕС и КНР подорвали статус хранителя демократических ценностей. Вашингтон теряет свое влияние на международную систему.

3. Неспособность международных институтов обеспечить глобальную стабильность. ООН и другие организации достигли своего институционального пика и нуждаются в серьезных реформах.

Турция не боится бросать вызов ведущим державам. Одним из примеров этого является покупка систем ПВО С-400 у России. США были сильно недовольны данным фактом и угрожали Анкаре серьезными последствиями после этой покупки. Различные представители США озвучивали, что Турция не сможет получить системы ПВО *Patriot*, пока не вернет С-400, а в 2020 г. Пентагон и вовсе вывел Турцию из программы *F-35*. Но Анкара лишь отвечала,

что «язык угроз и санкций не убедит Турцию перестать предпринимать шаги по обеспечению ее национальной безопасности»¹.

В вопросе вступления Швеции и Финляндии в военно-политический блок Анкара заняла непримиримую позицию. Турция публично заявила, что не согласится на одобрение членства этих стран в НАТО. По сообщениям *Bloomberg*, Турция выдвинула партнерам ряд условий, среди которых – возвращение в программу *F-35*, снятие санкций за покупку *C-400*, а также признание странами – кандидатами на вступление Рабочей партии Курдистана террористической организацией². Турция не просто не отступила от своих принципов, но вскоре обрела возможность начать диктовать свои правила для США и НАТО.

* * *

Формирование новой международной системы характеризуется ослаблением роли Запада в мире. В ответ на это на Востоке появляются новые центры силы, которые имеют свой особый взгляд на содержание будущего мирового порядка. Среди таких государств особо выделяется Турецкая Республика. В словах руководства Турции все отчетливее звучат призывы к трансформации сложившейся международной системы. Помимо декларативных шагов, Турция предпринимает усилия по изменению своего места в рамках мирового порядка. Среди таких действий особо выделяются усилия по формированию туркоцентричной подсистемы. Анкара формирует подконтрольный себе «пояс» в регионе. В рамках мирорегулирующей деятельности Турция бросает вызов западным странам и институтам. Благодаря своей прагматичной политике Анкара защищает свои национальные интересы и старается достичь наибольшей выгоды от трансформации международной

¹ Press Release Regarding the Draft National Defense Authorization Act for 2020 Adopted in the U.S. Congress // Republic of Türkiye Ministry of foreign aff airs. – 2019. – December 17. – URL: https://www.mfa.gov.tr/no_365_-abd-kongresi-nde-kabul-edilenulusal-savunma-yetki-taslagi-hk.en.mfa (дата обращения: 22.05.2022).

² What Turkey wants from Sweden and Finland in NATO expansion spat // *Bloomberg*. – 2022. – May 17. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-05-17/what-turkey-wants-from-sweden-and-finland-in-nato-expansionspat> (дата обращения: 23.05.2022).

системы. Турция более не стесняется проводить наступательную и активную политику и продолжит проводить ее в новом мировом порядке.

Список литературы

- Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2017. – Т. 14, №5. – С. 62–176. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-8>
- Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность // *Очерки теории и политического анализа международных отношений. Научно-образовательный форум по международным отношениям*. – Москва, 2002. – С. 283–296.
- Долгов Б.В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2021. – Т. 14, №3. – С. 147–160. – DOI: [10.23932/2542-0240-2021-14-3-8](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-8)
- Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // *Вестник РУДН. Серия Международные отношения*. – 2021. – №1. – С. 91–107. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
- Каширина Т.В. Факторы трансформации современной системы международных отношений // *Обозреватель – Observer*. – 2020. – № 8(367). – С. 22–29.
- Митрахович С.П., Салихов М.Р., Юшков И.В. Факторы риска на мировом рынке энергоресурсов: санкции, геополитика и российский энергосектор. Актуальные интервью // *Геоэкономика энергетики*. – 2022. – №1. – С. 6–33. – DOI: https://doi.org/10.48137/2687-0703_2022_17_1_6
- Телегина Е.А., Халова Г.О. Энергетическая политика Турции на современном этапе // *Энергетическая политика*. – 2021. – № 9(163). – С. 42–49. – DOI: https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_9163_42
- Эрдоган Р.Т. Более справедливый мир возможен. Erdoğan R.T. Daha adil bir dünya mümkün. – İstanbul, 2021. – P. 211. – Турец. яз.
- Krauthammer C. The unipolar moment // *Foreign Affairs*. – 1990. – Vol. 70, N 1. – P. 3–33. – DOI: <https://doi.org/10.2307/20044692>

References

- Avatkov V.A. (2021) Post-Soviet space and Turkey: results of 30 years. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. – Vol. 14. – № 5. – P. 162–176. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-8> (In Russ.)
- Bogaturov A.D. (2002) Pluralistic unipolarity?. *Oчерки teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij. Nauchnoobrazovatel. forum po mezhdunarodnym otnosheniyam*. – Moscow. – P. 283–296. (In Russ.)

- Dolgov B.V. (2021) Russia and Turkey in the regional and geopolitical space. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. – Vol. 14. – № 3. – P. 147–160. – DOI:10.23932/2542-0240-2021-14-3-8. (In Russ.)
- Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021) “The world is more than five”. Turkey’s Emergence as a global actor in world politics: prospects and challenges for Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. – № 1. – P. 91–107. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107> (In Russ.)
- Kashirina T.V. (2020) Factors of transformation of the modern system of international relations. *Obozrevatel' – Observer*. – № 8(367). – P. 22–29. (In Russ.)
- Mitrakhovich S.P., Salikhov M.R., Yushkov I.V. (2022) Risk factors in the global energy market: sanctions, geopolitics and the Russian energy sector. *Current Interviews (2022). Geoekonomika energetiki*. – № 1. – P. 6–33. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2022_17_1_6 (In Russ.)
- Telegina E.A., Halova G.O. (2021) Turkey’s energy policy at the present stage. *Energeticheskaya politika*. – № 9(163). – P. 42–49. – DOI: https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_9163_42 (In Russ.)
- Erdoğan R.T. (2021) *Daha adil bir dünya mümkün*. – İstanbul. – P. 211. (In Turkish).
- Krauthammer C. (1990) The unipolar moment. *Foreign Affairs*. – Vol. 70. – N 1. – P. 23–33. – DOI: <https://doi.org/10.2307/20044692>

КРИЗИС СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Данила Сергеевич КРЫЛОВ

научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1982-4678

Алина Игоревна СБИТНЕВА

научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: a_sbitneva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9196-9348

Статья поступила в редакцию 29.05.2022

Аннотация. В статье рассматриваются действия отдельных арабских государств Ближнего Востока и Турецкой Республики по противодействию актам колониализма западных стран и продвижению модели гегемонии США в регионе. По итогам проведенного компаративного анализа были сделаны выводы о весьма низкой эффективности антиколониальных процессов в Сирии и Ираке, в то время как Египет, Саудовская Аравия и Турция, напротив, причисляются авторами к примерам наиболее успешных «антиколониальных практик». Перечисленные

страны не вступают в прямую конфронтацию с западными гегемонами, предпочитая ей диверсификацию отношений во всех сферах, принятие контрмер против деструктивного западного влияния и укрепление независимого внешнеполитического курса.

Ключевые слова: Ближний Восток; США; Сирия; Египет; Турция; антиколониализм; международные отношения.

CRISIS OF INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM AND THE MIDDLE EAST ANTI-COLONIAL PROCESSES

Danila S. KRYLOV

Research Fellow
Department of Middle and Post-Soviet East,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences
117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1982-4678

Alina I. SBITNEVA

Research Fellow
Department of Middle and Post-Soviet East,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences
117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: a_sbitneva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9196-9348

Received 29.05.2022

Abstract. The article examines the policy of some Arab states of the Middle East and the Republic of Turkey aimed at countering acts of Western colonialism as well as resisting promotion of the US' model of hegemony in the region. According to the results of the comparative analysis, the authors conclude that Syria and Iraq demonstrate the very low effectiveness of anti-colonial processes while Egypt, Saudi Arabia and Turkey, on the contrary, are ranked as examples of the most successful "anti-colonial practices". These countries do not enter into direct confrontation with Western hegemony and instead of that prefer to diversify relations in all spheres, take countermeasures against destructive Western influence and strengthen their independent foreign policy.

Keywords: Middle East; USA; Syria; Egypt; Turkey; anti-colonialism; international relations.

Современная система международных отношений находится в состоянии всесторонней трансформации, которая так или иначе затронет все сферы и все государства. Происходит коренной перелом мирового порядка и формирование нового, который будет существовать и действовать по иным правилам и с иными центрами силы, которые также называют мировыми державами. Крах биполярной системы международных отношений, существовавшей в период от начала холодной войны до распада СССР, привел к росту числа внутривнутриполитических конфликтов во многих регионах мира и их интернационализации [Савичева, 2014, с. 16]. Ситуация усугубляется сложностью межгосударственных отношений и активным вмешательством мировых держав во внутренние дела отдельных суверенных государств. Это, в свою очередь, приводит в том числе к росту негативного отношения к политике США и их западных союзников по установлению и поддержанию мировой гегемонии в целом или в отдельных регионах в частности.

На глобальном уровне с точки зрения мировой истории процесс колонизации концептуально может быть разделен на несколько периодов, которые соответствовали различным этапам развития капитализма. Колониальные системы сменяли одна другую и развивались в качественном и количественном отношении, начиная с раннего колониализма эпохи первоначального накопления (португальско-испанский), через колониализм раннеиндустриальной эпохи (английский, французский, итальянский), затем через индустриально развитый колониализм империалистических блоков XX в. и, наконец, неоколониализм позднейиндустриального периода «высокого капитализма» (американский подход конца XX – начала XXI в.).

Развитию неоколониализма и пространственной экспансии США в значительной степени способствовало отсутствие на мировой арене СССР, который традиционно был сдерживающей силой и противовесом для американских проектов. Мировые войны сменились глобальной войной, направленной на идеологическое подчинение стран одному мировому лидеру – США. Глобальный неоколониализм тесно связан с вопросами глобализации и практиками глобального империализма, превращая последний в глобализм. В рамках подобной теории как одно государство, так и группы государств формируют ядро-метрополию, превращая весь остальной мир в свою единую глобальную неоконию [Горелов, 2014].

С точки зрения восточной религиозно-мировоззренческой традиции мир представляет из себя не хаос, а сосредоточение множества путей и стратегий, в котором гармонизация видится, возможно, не столько через подчинение и контроль, сколько при помощи самоконтроля и взаимосогласования. Современный неоколониальный миропорядок препятствует гармонизации и сохранению исторически сформировавшегося мирового разнообразия укладов жизни. В связи с этим возможным способом выхода из него, согласно одному из постулатов восточного антиколониализма будет не создание новых механизмов организации, в том числе межгосударственных отношений, а приведение форм существования народов в новое качество взаимоотношений как на региональном, так и на кросс-региональном уровнях. При этом следует учитывать диспропорцию уровней технологического развития, возникшую еще в эпоху колониализма, которая будет сохраняться в отношении многих государств на протяжении по меньшей мере ближайших десятилетий [Щербина, 2020]. Одним из примеров качественного пересмотра взаимоотношений между государствами Ближнего Востока можно рассматривать диалог между Саудовской Аравией и Ираном, активизировавшийся в апреле 2022 г.¹

Страны Ближнего Востока расположены на стыке двух континентов – Евразии и Африки. В XIX в. Ближний Восток стал ареной для острого соперничества между великими державами, и эта ситуация сохраняется и в XXI в. Современная политическая карта региона начала формироваться после окончания Первой мировой войны 1914–1918 гг., когда Османская империя была разделена на несколько отдельных государств. В годы Первой мировой войны страны Антанты использовали арабское восстание против турецкого правления, обещав им создание объединенного арабского государства и независимость, которую они утратили, попав в XVI в. под власть Оттоманской (Османской) империи [Энгдаль, 2014]. В этот период арабы-машрика² считали себя единым наро-

¹ Премьер Ирака заявил о возможности достижения соглашения между Тегераном и Эр-Риядом // РИА Новости. – 2022. – 30 апреля. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14525535> (дата обращения: 27.05.2022).

² Машрик (араб. قشما, «восток, восход») – в настоящее время под этим термином понимается собирательное обозначение территорий Иордании, Ирака Ливана, Палестины, Сирии. Иногда в этот ряд включают Египет (прим. авт. – Д.К.).

дом Великой Сирии, угнетенным и лишенным государственности, поэтому различий между арабским населением Ирака, Сирии, Палестины и прочих стран не проводилось. Основной политической идеей арабского национально-освободительного движения стало достижение сначала автономии в рамках Османской империи, а затем и независимости для всей арабской нации [Хлюстов, 2013, с. 15].

По окончании Первой мировой войны вместо независимости арабский мир был раздроблен на колониальные владения, которые «носили ярлык» подмандатных территорий. Стратегически важные регионы Великой Сирии (Леванта) были поделены между победителями в войне. Страны Антанты – Англия и Франция – использовали мандатную систему Лиги Наций и закрепили свое господство в арабских странах: Англия получила мандат на Ирак и Палестину с Трансиорданией (позднее королевство Иордания), а Франция получила мандат на Сирию с Ливаном. Это решение было принято в апреле 1920 г. на конференции в Сан-Ремо. Надежды арабов на единое государство были обмануты, что вызвало еще большую волну национально-освободительного движения. Впоследствии, постепенно, преимущественно к окончанию Второй мировой войны и началу формирования Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, страны региона начали обретать юридическую независимость от бывших метрополий. Тем не менее последовавшая холодная война разделила государства Ближнего Востока на те, которые выступали на стороне США и Запада (например, Турция, Израиль, Саудовская Аравия), и те, которые пользовались военно-политической и экономической поддержкой Советского Союза (например, Египет, Сирия, Ирак).

Впоследствии усиление западного влияния, а также крах СССР привели к переходу отдельных стран (например, Египта) в сферу влияния США, которые начали продвигать модель гегемонии в регионе. Некогда суверенные государства Ближнего Востока стали превращаться в колонии Вашингтона, полностью зависящие как от экономических дотаций, так и от военно-технической помощи и политической поддержки. Тем не менее однополярный американоцентричный порядок просуществовал недолго. Возвращение России на мировую арену начало менять расклад сил в регионе. Вашингтон оказался бессилён в одиночку поддерживать глобальную стабильность и продвигать свою модель гегемонии

[Казанцев, Сергеев, 2020, с. 48]. Этому способствовали как трансформация мирового баланса сил, так и неспособность США поддерживать международные режимы, которые позволяли бы им продвигать идеи глобализации в регионе и навязывать странам Ближнего Востока свое видение «правил игры».

Возникновению кризисных явлений способствуют многие факторы. Однако наиболее существенное влияние на развитие и трансформацию стран ближневосточного региона оказывает фактор так называемой третьей силы. Это было и в доколониальную эпоху, и в колониальную, и в настоящее время. На современном этапе действия США и их союзников, которые в историческом прошлом фактически «владели» территориями и народами, проживающими в регионе, носят особый, крайне деструктивный характер, создают и поддерживают в регионе зоны напряженности, нестабильности и хаоса.

Трансформация международно-политической среды, конфликтная среда в разделенном обществе ближневосточного региона детально исследована в монографии Института востоковедения РАН «Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)». Авторы предприняли попытку рассмотреть феномен роста конфликтности и насилия через:

– призму теории глубоко разделенных обществ и высокий уровень антагонизма между разобщенными частями по конфессиональному (христиане, сунниты, шииты, салафиты), национальному (евреи-арабы, персы-арабы, курды и т.д.), политическому признакам;

– вооруженное вмешательство во внутренние дела государств региона со стороны глобальных держав во главе с США, взявшихся принести в страны демократию, которые в итоге не только обрекли их на междоусобицу, но и способствовали распространению по всему региону внутрисламской вражды, подъему религиозного фанатизма и радикализма, что привело к выходу за пределы региона терроризма и экстремизма [Наумкин, Малышева, 2015].

Так, в Ирак американские войска вошли еще в 2003 г. Однако за время их 18-летнего присутствия страна так и осталась разрушенной и не преодолела внутренний политический кризис. 5 января 2020 г. Совет представителей Ирака (парламент) проголосовал за

план прекращения присутствия войск США в Ираке [Iraqi Parliament votes ... , 2020]. Военная миссия США в Ираке должна была завершиться 31 декабря 2021 г., и российские эксперты предполагали, что американские военные реформируют цель и поменяют только статус: останутся защищать свое посольство, станут инструкторами и советниками иракской армии, тем более что их там осталось 2,5 тыс. человек (по сравнению со 160-тысячной группировкой в 2003 г., когда свергли Саддама Хусейна) [Аксенов, 2021] 22 декабря 2022 г. Объединенный штаб командования ВС Ирака объявил о полном завершении вывода боевых подразделений международной антитеррористической коалиции из Ирака. Было отмечено, что в стране остались исключительно военные советники¹. При этом, несмотря на многолетнюю американскую военную оккупацию, Ирак продолжает находиться в состоянии острого государственного кризиса и политической нестабильности с высоким уровнем терроризма.

Сирийские правительственные войска также пытаются вытеснить американские войска со своей территории. Однако США продолжают удерживать страны региона в своей орбите интересов и внимания, поскольку они необходимы для «усиления своего влияния», восстановления и поддержания статуса гегемона в мире. При этом официально продолжает постулироваться тезис о «борьбе с терроризмом» [Schmitt, Hubbard, 2022].

В официальном Дамаске рассматривают вооруженное присутствие США в стране как незаконную оккупацию. Восточные районы Дейр-эз-Зора и большая часть провинций Аль-Хасака (Хасеке) и Ракка контролируются курдскими формированиями при поддержке США. При этом, например, 22 января 2022 г. МИД Сирийской Арабской Республики (САР) «потребовал вывода войск США с северо-востока и турецких сил с северо-запада страны»². 27 января 2022 г. Военная прокуратура САР подчеркнула, что «...американское присутствие в стране не имеет юридического

¹ Багдад сообщил о завершении вывода боевых подразделений коалиции из Ирака // РИА Новости. – 2021. – 22 декабря. – URL: <https://ria.ru/20211222/koalitsiya-1764969940.html> (дата обращения: 27.05.2022).

² МИД САР: Действия американских оккупантов и боевиков «Касад» в Хасаке приравниваются к военным преступлениям // SANA. – 2022. – 22 января. – На араб. яз. – URL: <https://sana.sy/ru/?p=302671> (дата обращения: 27.05.2022).

обоснования и другого названия, кроме оккупации. Ситуация в указанных провинциях является одним из элементов плана, нацеленного на удержание региона под оккупацией США на максимально длительный срок»¹. Несмотря на призывы официальных властей Сирии о выводе войск США из страны, 3 февраля 2022 г. по приказу президента США Джо Байдена Вооруженные силы США провели операцию в Идлибе, на северо-западе Сирии, недалеко от границы с Турцией, в результате которой уничтожили лидера террористической группировки «Исламское государство» (запрещена в России)². Прибывшие в Идлиб на вертолетах американские военные успешно провели контртеррористическую операцию на северо-западе Сирии с целью защиты американцев и их союзников, а также укрепления безопасности в мире. В Пентагоне заявили, что «спецназ под командованием Центрального командования США выполнил успешную операцию по борьбе с террористами в Идлибе», однако никакой информации о жертвах среди мирного населения официальные лица не предоставили; при этом американская десантная операция унесла жизни не менее 13 человек, среди них шестерых детей и четырех женщин³. Более того, США фактически «обворовывают» Сирию: например, 3 января 2022 г. из провинции Аль-Хасака через пограничный переход Аль-Валид они переправили в сторону американской базы, расположенной на севере Ирака, колонну с танками и военной техникой, в том числе 60 автоцистерн с незаконно добытой сирийской нефтью, которую сопровождали восемь бронированных машин⁴.

¹ Военная прокуратура САР назвала оккупацией американское присутствие в Сирии // SANA. – 2022. – 27 января. – На араб. яз. – URL: <https://sana.sy/?p=1568712> (дата обращения: 27.05.2022).

² Байден заявил об уничтожении лидера ИГИЛ в ходе операции США в Идлибе // Al Araby. – 2022. – 3 февраля. – На араб. яз. – URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/سورية-في-بعمليّة-أميركيّة-22-داعش-22-زعيم-بايدن-يعلن-مقتل> (дата обращения: 27.05.2022).

³ Погибли 13 мирных жителей при проведении десантной операции оккупационными силами США в Идлибе // SANA. – 2022. – 3 февраля. – URL: <http://www.sana.sy/ru/?p=304063> (дата обращения: 27.05.2022).

⁴ СМИ: военные США переправили из Сирии в Ирак колонну автоцистерн с нефтью // ТАСС. – 2022. – 17 января. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnayaopanorama/13449047> (дата обращения: 27.05.2022).

Кроме того, против Сирии развернута полномасштабная информационная война, в которой участвуют более сотни информационных агентств, включая крупные, подчиненные США и их союзникам на Западе и Ближнем Востоке: *CNN*, *BBC*, *Fox News*, «Аль-Джазира», «Аль-Арабийя» и др. [Долгов, 2015, с. 414–416]. Помимо дискредитации сирийского режима и его союзников (России, Ирана) эти медиа осуществляют также информационную легитимизацию американского оккупационного присутствия в Сирийской Арабской Республике и деструктивную деятельность на ее территории, что вносит дополнительные сложности в попытки единения Сирии как на международном дипломатическом уровне, так и на уровне отдельных общин внутри страны. Тем не менее Москва проводит активную кампанию по возвращению САР в состав стран – членов ЛАГ. Это, в свою очередь, позволит постепенно вовлечь страны Персидского залива в восстановление Сирии. Первые шаги были сделаны еще в ноябре 2018 г., когда Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Бахрейн восстановили дипломатические отношения с Дамаском¹.

В качестве отправной точки внешнего вмешательства можно обозначить активное участие европейских держав в региональных процессах и связанное с этим колониальное прошлое региона. Как следствие, политическая «молодость» государств не позволяет им обеспечить устойчивые, стабильные темпы развития общества. Количественному росту и интенсификации очагов нестабильности в ближневосточном регионе также способствуют неурегулированные территориальные претензии, конфессиональное разнообразие при условии доминирования ислама суннитского толка, низкая обеспеченность водными ресурсами, тяжелая экономическая и демографическая ситуация с отсутствием востребованности значительного количества молодых людей, в том числе образованных, а также существенное информационно-психологическое воздействие и манипулирование общественным мнением, что было ярко продемонстрировано событиями «арабской весны» [Каширина, Феофанов, 2021, с. 35–37]. США и их союзники активно позиционируют

¹ Субботин И. Эмираты возвращают своих дипломатов в Дамаск // Независимая газета. – 2018. – 12 ноября. – URL: http://www.ng.ru/world/2018-11-12/1_7436_immigrant.html (дата обращения: 27.05.2022).

себя в качестве посредников применительно к урегулированию конфликтов в рамках событий «арабской весны», вместе с тем пытаясь активно влиять на ход событий, поддерживая одних и оказывая давление на других [Саймонс, 2019].

В то же время Сирия и Ирак – это яркие примеры попыток отдельных стран оказать вооруженное сопротивление американской экспансии и оккупации. Иная ситуация складывалась с государствами, которые или изначально сотрудничали с США, или после ухода СССР с политической арены стремились наладить связи с Вашингтоном, который, в свою очередь, полагался в том числе на них при реализации своих интересов в регионе. К таковым среди арабских государств относятся в первую очередь Египет и Саудовская Аравия.

17 сентября 1978 г. в Кэмп-Дэвиде между президентом Арабской Республики Египет (АРЕ) Анваром Садатом и премьер-министром Израиля Менахемом Бегинном при участии президента США Джимми Картера было подписано соглашение, предшествующее мирному договору 1979 г. Подписание договора с Израилем было воспринято как предательство Египта по отношению к арабскому миру и вызвало резкое осуждение в Сирии, Ираке, Алжире, Ливии, Организации освобождения Палестины (ООП), Иордании, Саудовской Аравии. Садат первым нарушил принцип Хартумской декларации 1967 г.: с 1977 г. он вел переговоры с Израилем, заключил мир с Израилем и признал государство Израиль. Изоляция со стороны арабских государств и осуждение действий АРЕ со стороны Советского Союза привели Египет к окончательному свертыванию курса военно-технического сотрудничества с СССР и переориентации на США и страны НАТО. Советских военных инструкторов заменили американские специалисты. Египетские военнослужащие стали проходить подготовку на курсах в США, а не в советских военных академиях.

Мирный договор 1979 г. между Египтом и Израилем юридически закрепил поступление ежегодной военной помощи от США двум странам. Специалист по ближневосточным вопросам Джереми М. Шарп в различных докладах, посвященных американо-египетским отношениям, отмечал, что США оказывали значительную военную и экономическую помощь Египту с конца 1970-х годов [Sharp, 2021]. Помощь осуществлялась (и продол-

жает оказываться, несмотря на перерыв в 2014 и 2015 гг.) как с целью инвестиций в региональную стабильность, направленную на построение военного сотрудничества, так и с целью поддержания египетско-израильского Кэмп-Дэвидского мирного соглашения, заключенного в марте 1979 г.

Пришедший к власти в 1981 г. Хосни Мубарак продолжил поддерживать политику Садата на главном направлении – выгодном сотрудничестве с американцами в военной сфере, в основе которого лежал Кэмп-Дэвидский договор. Однако египетская внешняя политика стала более гибкой и была основана на собственных экономических и военно-стратегических выгодах. Так, оставаясь одним из основных союзников США на Ближнем Востоке, правительство Мубарака проводило патриотическую внешнюю политику, не всегда совпадавшую с идеями Вашингтона, например в сфере восстановления отношений с Россией в некоторых сферах. Поэтому, говоря о революции февраля 2011 г. в АРЕ, произошедшей на фоне общей региональной тенденции «арабской весны», нельзя не упомянуть наличие в США определенных настроений на замену режима в Каире [Беляков, 2013, с. 73]. Новый избранный «демократическим путем» лидер Египта – исламист и председатель Партии свободы и справедливости¹ Мухаммед Мурси – был поддержан США в том числе из-за нового американоцентричного курса Каира.

Тем не менее его режим не просуществовал долго, поскольку в связи с проводимыми реформами и идейной политикой к лету 2013 г. кончилось терпение египетского народа и военных. 3 июля министр обороны и военной промышленности АРЕ А. Ас-Сиси объявил о свержении президента Мурси и прекращении действия конституции. Армия, совершив военный переворот, фактически спасла страну от распада и упадка, однако это вызвало определенное недовольство Вашингтона развитием ситуации. Впоследствии президент США Барак Обама отказался поддержать египетского президента Ас-Сиси и ограничил финансовую помощь. Тем не

¹ Партия свободы и справедливости («Хизб аль-Хуррия уа аль-Адаля») – одна из политических партий Египта, возникшая в 2011 г. в качестве политического крыла партии «Братья-мусульмане» (организация, признанная террористической и запрещенная в РФ, Египте, Бахрейне, Саудовской Аравии, ОАЭ и Сирии). – Прим. авт. – Д.К.

менее смена администрации в США и приход к власти президента Дональда Трампа привел постепенно к возобновлению сотрудничества Вашингтона с Каиром. Однако Египет к этому моменту взял курс на диверсификацию своего внешнеполитического курса, развитие и поддержание отношений с другими крупными мировыми и кросс-региональными державами, в первую очередь с Россией и Саудовской Аравией. Так, например, 30 июня 2015 г. между Египтом и Саудовской Аравией было подписано соглашение о сотрудничестве в экономической и оборонной сферах¹. Одной из целей данного соглашения было увеличение военного потенциала Египта, в том числе в военно-морской отрасли. Каир также тесно сотрудничает с Москвой, однако не только по линии военно-технического сотрудничества, но и в области проведения антитеррористических учений, осуществляя обмен информацией между специальными службами обеих стран по вопросам совместной борьбы против угрозы международного терроризма и по развитию ситуации в Сирии.

Для США Ближний Восток – это не только многочисленные военные базы, но также стратегически и геополитически важный рынок нефтегазовых месторождений, представляющих особую ценность для американской экономики и промышленности. При этом состояние этого рынка в значительной мере зависит от общерегиональной ситуации и уровня эскалации напряженности в различных зонах, включая зону Персидского залива. Так, например, целями интервенции международной коалиции во главе с США в Ирак в 2003 г. были не только свержение режима Саддама Хусейна, но и установление контроля над нефтяными месторождениями. Однако, несмотря на огневую мощь и технологическое превосходство западной коалиции, проведенная операция не привела к стабилизации обстановки в государстве. Вместо этого американская оккупация стала причиной продолжительной асимметричной войны с различными группировками, многие из которых впоследствии присягнули на верность Исламскому государству (организация, запрещенная на территории России). В связи с этим кросс-

¹ СМИ: Египет и Саудовская Аравия заинтересованы в покупке «Мистралей» // РИА Новости. – 2015. – 7 августа. – URL: <https://ria.ru/20150807/1169161079.html> (дата обращения: 27.05.2022).

региональные державы, в особенности Саудовская Аравия, осознают опасность, исходящую от амбиций США в регионе, не только для стабильности на Ближнем Востоке, но и для режимов в каждом отдельном государстве. Учитывая экономическую и энергетическую важность региона, Эр-Рияд активно использует этот «козырь» в своих взаимоотношениях с Вашингтоном.

США, проводя свою политику на Ближнем Востоке, на протяжении десятилетий были нацелены на сотрудничество с государствами Персидского залива под предводительством Королевства Саудовская Аравия (КСА). Однако еще во время правления Барака Обамы отношения между Вашингтоном и ключевыми державами региона начали усложняться. Впоследствии была подорвана возможность США не только реально управлять ближневосточными кризисами, но и формулировать региональный консенсус. На фоне эскалации украинского кризиса в первой половине 2022 г. американские союзники на Ближнем Востоке (исключая Израиль) отказались вводить санкции против Москвы, которая значительно усилила влияние в регионе.

Ухудшение отношений между Эр-Риядом и Вашингтоном началось в 2015 г., когда была заключена ядерная сделка с Ираном (Совместный всеобъемлющий план действий, СВПД), вызвавшая беспокойство Саудовской Аравии, и началось военное вторжение КСА и союзников в Йемен, получившее слабую и неоднозначную поддержку со стороны администрации Б. Обамы. Тем не менее новый президент США Д. Трамп занял более просаудовскую позицию и совершил свой первый иностранный визит именно в Саудовскую Аравию.

Однако очередная смена главы Белого дома привела к новому витку напряженности в отношениях между двумя государствами. Так, во время предвыборной кампании 2020 г. будущий президент Д. Байден заявлял о намерении сделать Саудовскую Аравию «изгоем». Критике подверглись политика КСА в Йемене, а также убийство журналиста Д. Хашогги [Ruehl, 2022]. Впоследствии были приостановлены продажи оружия Эр-Рияду, и американское присутствие в регионе постепенно уменьшалось. Все это приводило к постепенному росту настроений внутри Саудовской Аравии на укрепление отношений с другими центрами силы, региональными и мировыми.

Среди множества различных политических и экономических действий особое внимание следует уделить вопросам энергетического сотрудничества Москвы и Эр-Рияда по линии ОПЕК+. Соглашения, которые достигаются в рамках подобного двухстороннего формата сотрудничества, влияют на глобальную энергетическую политику нефтяного картеля ОПЕК, что не устраивает США. Как результат, в начале мая 2022 г. Вашингтон начал пытаться оказывать давление на ОПЕК через нормы антикартельного законодательства США, юрисдикция которого распространяется и на другие государства. В частности, речь идет о принятом Законе о запрете картелей в области добычи и экспорта нефти (*NOPEC*)¹.

Эр-Рияд и его союзники используют различные механизмы, в том числе и лоббистские группы внутри США, с целью воспрепятствовать американским попыткам оказать влияние на процесс образования цен на нефть. Кроме того, еще в апреле 2019 г. Эр-Рияд заявлял о возможности отказаться от использования доллара США при расчетах за поставки нефти². Таким образом, мы видим активное сопротивление Саудовской Аравии попыткам США вернуть позиции гегемона в регионе. Конфликт между ОПЕК / ОПЕК+ и Вашингтоном в перспективе может повлечь за собой не только глобальный энергетический кризис, но и выдворение США из процессов принятия решений в нефтегазовой сфере, сформировав отдельную восточную подсистему глобального мирового порядка.

Еще одним государством Ближнего Востока, активно вступающим в «антиколониальный фронт», в последнее время становится Турецкая Республика. Исторически Турция уже имела опыт борьбы с иностранным гнетом в период Национально-освободительной войны против некоторых держав Антанты (преимущественно Великобритании и Франции), продолжавшейся

¹ США намерены объявить войну нефтяному картелю ОПЕК и рискуют потерпеть поражение // Эксперт. – 2022. – 5 мая. – URL: <https://expert.ru/turborages.org/expert.ru/s/2022/05/5/oppek/> (дата обращения: 27.05.2022).

² Дедолларизация от саудитов. Саудовская Аравия может отказаться от использования доллара США при расчетах за поставки нефти // Neftegaz.ru. – 2019. – 5 апреля. – URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/386288-dedollarizatsiya-ot-sauditovsaudovskaya-araviya-mozhet-otkazatsya-ot-ispolzovaniya-dollara-ssha-pri/> (дата обращения: 27.05.2022).

вплоть до подписания в 1923 г. Лозаннского мирного договора [Киреев, 2007, с. 128]. Однако впоследствии страна все же была втянута в канву западного мира и даже стала членом Североатлантического альянса в 1952 г.

На заре XXI в. Турция оставалась в достаточной степени прозападным игроком и долгое время считалась «опорным пунктом» Запада и НАТО на Ближнем Востоке. В страну, в частности на американские военные базы Инджирлик и Кюреджик, стекались американско-европейские вооружения, тем самым превращая ее в форпост западных союзников на восточных рубежах.

Этому во многом способствовал ориентированный на углубление сотрудничества с США и Европейским союзом внешнеполитический курс умеренно исламистской Партии справедливости и развития (ПСР), которая победила на выборах в 2002 г. и с того момента стала в Турции правящей. Западоориентированная политика властной элиты Турции прослеживалась на многих направлениях: к примеру, в период «арабской весны» Турецкая Республика, наряду с Катаром, была одной из стран, поддержавших протестное движение [Долгов, 2017, с. 169], и пыталась вписать свое имя в список вершителей «ближневосточной демократии», показывая своим арабским коллегам преимущества модернистских реформ на примере Турции как самой светской и демократичной страны Ближнего Востока [Свистунова, 2011].

Тем не менее произошедшая вскоре перерасстановка сил на международной арене, связанная с формированием «полицентричности», диктовала Турции иную модель поведения и не позволяла оставаться «государством второго порядка» в тени западных гегемонов. По прошествии нескольких лет после прихода на пост президента Р.Т. Эрдогана в 2014 г. Турецкая Республика резко развернулась с Запада на Восток и взяла на вооружение «неоосманизм» – внешнеполитическую идеологию, нацеленную на возвращение былого имперского величия и проведение более независимой политики [Аватков, 2014, с. 71]. Этому «развороту» предшествовал этап планомерного охлаждения отношений с США в связи с отсутствием ожидаемой поддержки Вашингтоном турецкой правящей элиты в ходе попытки осуществления в Турции государственного переворота в 2016 г.; сложностями с процессом интеграции

Анкары в ЕС; противоречиями по миграционной проблематике с Брюсселем и другими политическими причинами.

В настоящее время Турецкая Республика активно выстраивает отношения с государствами «незападного» мира и уверенно отстраняется от своих западных коллег и союзников. Известное выражение Р.Т. Эрдогана «мир больше пяти», которое отсылает к пяти постоянным членам СБ ООН, является олицетворением одного из главных внешнеполитических принципов современной Турции. Официальная Анкара стремится к независимости внешнеполитического курса от стран Запада и добивается для себя статуса не только регионального, но и мирового лидера, наряду с такими «гигантами», как Россия, Китай и США, имеющими право влиять на глобальные процессы и принимать в них активное участие. Насажение американоцентричных принципов ведения внешней политики и роль «младшего брата» Вашингтона более не устраивают «новую Турцию» Р.Т. Эрдогана, отныне ставящую во главу угла свои национальные интересы.

Своими официальными заявлениями и действиями Анкара, как правило, в лице президента, демонстрирует мировому сообществу свой решительный протест против политики нового колониализма, осуществляемой США в отношении Европы и ряда других государств, а также свою готовность примкнуть к антиколониальному движению. «Антиколониализм» Турецкой Республики сегодня проявляется в намерении продолжать взаимовыгодное сотрудничество с Россией по С-400, несмотря на угрозы и многочисленные санкции Запада, в выстраивании собственной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке, исключающей вовлечение в нее представителей западного мира, а также в стремлении устанавливать собственные правила игры в отношениях с США и странами Европы. Наглядным примером «конфликтного взаимодействия» Турции с Западом, в основе которого заложено желание проявить себя в качестве независимого игрока, является кейс с процессом вступления нескольких скандинавских стран в НАТО, которому Анкара всеми силами препятствует.

Так, в мае 2022 г. Турецкая Республика заблокировала переговорный процесс о принятии в Альянс Финляндии и Швеции и выдвинула требование как минимум о необходимости признания этими странами курдской Рабочей партии Курдистана (РПК) и

аффилированной с турецким имамом Ф. Гюленом организации *FETÖ* в качестве террористических¹ (обе запрещены в Турции). При этом ранее, в 2019 г., поднимая вопрос о закрытии американских военных баз на территории Турции, глава внешнеполитического ведомства страны М. Чавушоглу уже предупреждал Вашингтон об изменении вектора турецкой политики, заявив, что «члены Конгресса США должны понять, что Анкаре нельзя навязать чужую волю»². Ситуацию, при которой действия Турции могли бы идти вразрез с политикой Соединенных Штатов, а сама она позволяла бы себе выдвигать условия западным партнерам, нельзя было представить еще несколько лет назад, однако подобное положение дел сегодня становится реальностью.

Вместе с тем важно понимать, что Турция, будучи восточным игроком со свойственным ей восточным непостоянством, склонна к частому изменению своих внешнеполитических ориентиров и поиску наиболее выгодных для себя условий. Несмотря на то что имеющиеся признаки турецкого «антиколониализма» нельзя однозначно назвать эфемерными, исключать возможности снижения критики в адрес западных «гегемонов» в случае учета интересов и требований Турции и ее возвращения в русло сотрудничества с Западом в перспективе также не следует.

При этом стоит отметить, что сама Турецкая Республика нередко прибегает к использованию «околоколониальных» механизмов осуществления своей внешней политики. Несмотря на то, что турецкие политики и эксперты настаивают на том, что Турция никогда не осуществляла политику империализма в отношении других государств [Çeçen, p. 242], эта страна нередко критикуется за акты «колониализма» ее же соседями. И речь в данном случае идет не о периоде Османской империи. Так, поводом для критики на протяжении уже многих лет выступают трансграничные военные операции ВС Турции в приграничных с Сирией и Ираком областях, главной целью которых, по заявлению властей страны, является

¹ Турция заблокировала переговоры о вступлении Финляндии и Швеции в НАТО // РИА Новости. – 2022. – 18 мая. – URL: <https://ria.ru/20220518/turtsiya-1789264775/html> (дата обращения: 27.05.2022).

² Турция пригрозила закрыть для США базы НАТО на своей территории // РБК. – 2019. – 11 декабря. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df0a4729a7947a7e4c2da25> (дата обращения: 27.05.2022).

борьба с терроризмом. В мае 2022 г., например, на фоне обнародованных планов Турции начать очередную военную кампанию в Сирии МИД Сирийской Арабской Республики выпустил заявление, в котором назвал действия Анкары по созданию «безопасной зоны» на сирийско-турецкой границе «актом колониальной агрессии»¹.

На колониальную похожа и модель взаимоотношений Турции с тюркоязычными государствами постсоветского пространства, которые с начала 1990-х годов встраиваются Анкарой в особую подсистему международных отношений под названием «тюркский мир», где особая роль «предводителя» всех процессов отведена именно Турции, а сотрудничество выстраивается преимущественно на основе всесторонней интеграции по турецким лекалам.

Для Российской Федерации растущий «антиколониализм» Турецкой Республики является позитивной тенденцией в контексте ее отхода от исключительно прозападного курса и появления возможностей для втягивания Анкары в свою орбиту влияния. В то же время противоречивость турецкого «антиколониализма», в частности ее свободолобивая политика на Ближнем Востоке и стремление подчинить себе ряд процессов на пространстве СНГ, несет в себе определенные риски с точки зрения дальнейшего выстраивания российско-турецкого сотрудничества.

* * *

На современном этапе антиколониальные тенденции на Ближнем Востоке, во-первых, проявляют преимущественно державы, имеющие статус кросс-регионального лидера и, благодаря ему и своему влиянию в нескольких регионах, способные к подобному противостоянию глобальному доминированию США. Во-вторых, эти страны действуют не открыто, поскольку примеры Ирака и Сирии (а также Ливии в Северной Африке) наглядно продемонстрировали неэффективность и опасность явного противодействия. Из этого следует, что инструментарием становятся те

¹ Угрозу турецкого режима сформировать «безопасную зону» в Сирии необходимо предотвратить // SANA. – 2022. – 25 мая. – URL: <http://sana.sy/ru/?p=318034> (дата обращения: 29.05.2022).

сферы, в которых на Ближнем Востоке США не участвуют или в которых их влиянию можно противопоставить действия других мировых держав (России и Китая). К таким сферам можно отнести идейно-ценностную область политики государств, а также вопросы военно-технического сотрудничества и энергетического сотрудничества. Укрепление кросс-региональных держав в этих сферах позволяет им оспаривать роль США как единого гегемона, диктующего свою волю и видение мировой системы иным акторам.

Что касается антиколониальных процессов в Турецкой Республике, то в этой стране они имеют весьма неоднозначный характер. С одной стороны, Турция стремится к освобождению от навязываемых Западом в целом и США в частности правил поведения на международной арене, с другой – сама провоцирует возникновение подобных процессов под своей эгидой в тех регионах мира, которые представляют для Анкары особый интерес. В то время как отстранение Турции от связанных с Западом процессов и более независимую политику турецкого руководства необходимо воспринимать как очередной позитивный шаг на пути к становлению полицентричного мира, укрепление Турции и ее институтов на пространстве стратегически важного для Москвы постсоветского региона (в особенности его тюркоязычного пространства) должно тщательным образом контролироваться Россией, а любые проявления неокOLONиализма со стороны турецких коллег – заблаговременно предотвращаться.

Список литературы

- Аватков В.А.* Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
- Аксенов С.* Уход США из Ирака толкает Россию к новой войне с ИГИЛ¹ // Свободная пресса. – 2021. – 27 июля. – URL: <https://svpressa.ru/politic/article/305340/> (дата обращения: 27.05.2022).
- Беляков В.В.* Революция 25 января в Египте: причины и следствия // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – Москва : ЛЕНАНД, 2013. – 424 с. – С. 64–84.
- Горелов А.А.* От мировой колониальной системы до глобального неокOLONиализма // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 52–64.

¹ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

- Долгов Б.В. Сирийский конфликт // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) : монография / отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева ; Институт востоковедения РАН. – Москва : ИВ РАН, 2015. – 504 с. – С. 401–421. – URL: <https://book.ivran.ru/f/conflictsxxi-2015.pdf> (дата обращения: 27.05.2022).
- Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир / отв. ред. И.Д. Звягельская. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 200 с.
- Казанцев А.А., Сергеев В.М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО Университета. – 2020. – № 13(2). – С. 40–69. – DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69
- Каширина Т. В., Феофанов К.А. Политические проблемы регионоведения : монография. – Москва : Проспект, 2021. – 288 с.
- Киреев Н.Г. История Турции. XX век. – Москва : ИВ РАН : Крафт+, 2007. – 608 с.
- Наумкин В.В., Малышева Д.Б. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) : монография. – Москва : ИВ РАН, 2015. – 504 с.
- Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 14–21.
- Саймонс Г. Кризис политических войн XXI века // Валдайские записки. – 2019. – 27 августа. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krizis-politicheskikh-vojn-xxi-veka> (дата обращения: 27.05.2022).
- Свистунова И. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия // Российский институт стратегических исследований. – 2011. – 27 сентября. – URL: <https://riss.ru/article/11792/> (дата обращения: 26.05.2022).
- Хлюстов М.В. От мира до войны. Очерк политической истории Сирии в XX и начале XXI века : аналитический доклад / Центр стратегических оценок и прогнозов. – Москва : АНО «ЦСОиП», 2013. – 48 с. – URL: <http://csef.ru/media/articles/4768/4768.pdf> (дата обращения: 27.05.2022).
- Щербина В. К новым контурам старого мира: гиперколониализм, антиколониализм или многоукладная глобальность? // Strategic Group Sofia. – 2020. – 10 июля. – URL: <https://sg-sofia.com.ua/k-novim-konturam-starogo-mira-sherbina> (дата обращения: 27.05.2022).
- Эндаль Ф.У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. – Москва : Война и мир, 2014. – 408 с.
- Çeçen A. Türkiye ve Ortadoğu. – İstanbul : Destek Yayınları, 2018. – 440 с.
- Iraqi Parliament votes for plan to end US troop presence in Iraq after Soleimani killing / Levenson E., Pleitgen F., Elwazer S., Vera A. // CNN. – 2020. – January 5. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/05/world/soleimani-us-iran-attack/index.html> (date of access: 27.05.2022).
- Ruehl J.P. Why Biden can't woo the Middle East // Asia Times. – 2022. – April 2. – URL: <https://asiatimes.com/2022/04/why-bidencant-woo-the-middle-east> (date of access: 27.05.2022).

- Schmitt E., Hubbard B. Raid Targeting ISIS Leader Came After Months of Planning // The New York Times. – 2022. – February 3. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/03/us/politics/isis-leaderkilled-syria.html> (date of access: 27.05.2022).
- Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations (RL33003). – Washington, DC : Congressional Research Service, 2021. – September 30. – 45 p. – URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33003.pdf> (date of access: 27.05.2022).

References

- Aksenov S. (2021). US withdrawal from Iraq pushes Russia to new war with ISIS. *Svobodnaya pressa*. July 27, 2021. Available at: <https://svpressa.ru/politic/article/305340>, date of access: 27.05.2022. (In Russ.)
- Avatkov V.A. (2014). Neo-Ottomanism. Basic ideologeme and geostrategy in Turkey. *Free Thought*. № 3, pp. 71–78. (In Russ.)
- Belyakov V.V. (2013). Revolution on January 25 in Egypt: causes and consequences. *Systematic Monitoring of Global and Regional Risks: Arab World after Arab Spring*. Eds. Korotaev A.V., Isaev L.M., Shishkina A.R. Moscow: LENAND, pp. 64–84. (In Russ.)
- Çeçen A. (2018). *Turkey and the Middle East*. İstanbul: Destek Yayınları. 440 p. (In Turkish)
- Dolgov B.V. (2015). *Syrian conflict. Conflicts and wars of the XXI century (Middle East and North Africa)*. Monograph. Eds. Naumkin V.V., Malysheva D.B. Institut vostokovedeniya RAN. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. 504 p., pp. 401–421. Available at: <https://book.ivran.ru/fl/conflictxxi-2015.pdf>, date of access: 27.05.2022. (In Russ.)
- Dolgov B.V. (2017). *The phenomenon of the “Arab Spring” of 2011–2016: Causes, development, prospects. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria*. Ed. by I.D. Zvyagel'skaya. Moscow: LENAND. 200 p. (In Russ.)
- Engdal' F.U. (2014). *Century of War: Anglo-American Oil Policy and New World Order*. Moscow, Voina i mir, 408 p. (In Russ.)
- Gorelov A.A. (2014). From world colonial system to global neocolonialism. *Vek globalizatsii*. № 2, pp. 52–64. (In Russ.)
- Kasantzev A.A., Sergeev V.M. (2020). The Crisis of US-centric Globalization: Causes, Trends and Scenarios of Development. *MGIMO Review of International Relations*, № 13(2), pp. 40–69. (In Russ.) DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69
- Kashirina T.V., Feofanov K.A. (eds.) (2021). *Political problems of regional studies: monograph*. Moscow, Prospekt. 288 p. (In Russ.)
- Khlyustov M.V. (2013). *From peace to war. Outline of Political History of Syria in the 20th and Early 21st Centuries: Analytical Report*. Tsentr strategicheskikh otsenok i prognozov. Moscow, ANO «TsSOiP», 48 p. Available at: <http://csef.ru/media/articles/4768/4768.pdf>, date of access: 27.05.2022 (In Russ.)
- Kireev N.G. (2007). *History of Turkey*. Moscow: IV RAN: Kraft+. 608 p. (In Russ.)
- Levenson E., Pleitgen F., Elwazer S., Vera A. (2020). Iraqi Parliament votes for plan to end US troop presence in Iraq after Soleimani killing. *CNN. January 5, 2020*. Available

- at: <https://edition.cnn.com/2020/01/05/world/soleimani-us-iran-attack/index.html>, date of access: 27.05.2022.
- Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds.) (2015). *Conflicts and wars of the XXI century (Middle East and North Africa). Monograph.* Institut vostokovedeniya RAN. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. 504 p. pp. 401–421. Available at: <https://book.ivran.ru/f/confl ictsxxi-2015.pdf>, date of access: 27.05.2022. (In Russ.)
- Ruehl J.P. (2022). Why Biden can't woo the Middle East. *Asia Times*. April 2, 2022. Available at: <https://asiatimes.com/2022/04/why-biden-cant-woo-the-middle-east>, date of access: 27.05.2022.
- Saimons G. (2019). Crisis of political wars of the 21st century. *Valdaiskie zapiski. August 27, 2019*. Available at: <https://globalaff airs.ru/articles/krizis-politicheskikh-vojn-xxi-veka>, date of access: 27.05.2022. (In Russ.)
- Savicheva E. (2014). On the geopolitical situation in the Middle East: Interaction between regional and global trends. *Peoples' Friendship University of Russia: International relations*, № 3, pp. 14–21. (In Russ.)
- Schmitt E., Hubbard B. (2022). Raid Targeting ISIS Leader Came After Months of Planning. *The New York Times*. February 3. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/02/03/us/politics/isis-leader-killed-syria.html>, date of access: 27.05.2022.
- Sharp J.M. (2021). Egypt: Background and U. S. Relations (RL33003). *Washington, DC: Congressional Research Service. September 30*. 45 p. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33003.pdf>, date of access: 27.05.2022.
- Shcherbina V. (2020). Towards new contours of old world: hypercolonialism, anti-colonialism, or multiform globality? *Strategic Group Sofia*. July, 10. Available at: <https://sg-sofia.com.ua/k-novimkonturam-starogo-mira-sherbina>, date of access: 27.05.2022. (In Russ.)
- Svistunova I. (2011). Turkey in the context of the “Arab Spring”: regional strategy // *Russian Institute for Strategic Studies*. Available at: <https://riss.ru/article/11792>, date of access: 26.05.2022. (In Russ.)

СТРАНЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник отдела Европы и Америки
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский пр-т, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

Статья поступила в редакцию 05.03.2022

Аннотация. Реальностью нынешнего этапа развития международной обстановки стала высокая степень глобальной нестабильности и неопределенности в отношении формирующегося нового мирового порядка. Это напрямую затрагивает интересы государств так называемого Глобального Юга – огромной мета-общности развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, глубоко вовлеченных в широкую сеть двусторонних и многосторонних политико-дипломатических, финансовых и торгово-экономических связей. Важной стратегической задачей Глобального Юга является достижение провозглашенных ООН целей устойчивого развития (ЦУР), что в практическом плане должно означать осязаемое улучшение внутреннего социально-экономического положения постколониальных (развивающихся) государств и укрепление их позиций на мировой арене. Отсюда – то приоритетное внимание, которое уделяется в постколониальных странах вопросам повышения коэффициента инклюзивности и эффективности системы глобального управления – необходимого условия решения проблем, обозначенных в рамках концепции устойчивого развития. Именно с помощью

институтов и механизмов глобального управления есть шанс продвинуть многосторонние консенсусные решения, открыть и задействовать новые каналы международного взаимодействия для достижения ЦУР. С этой целью государства Глобального Юга направляют политическую энергию в двух главных направлениях: 1) на реформирование существующих многосторонних организаций, в частности наращивание своего переговорного веса в ООН, Международном валютном фонде и Всемирном банке; 2) на создание и укрепление собственных весьма разнообразных движений и институтов, призванных участвовать в глобальном управлении (в их числе: движение неприсоединения, группа 77, БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, региональные и субрегиональные интеграционные группировки). Пандемия COVID-19, подвергнув суровому испытанию все человечество, объективно замедлила продвижение к целям устойчивого инклюзивного развития. Вместе с тем пандемия раздвинула границы понимания того, что такое глобальные общественные блага и беды, акцентировала необходимость совместных действий для решения вала мировых проблем. В данном контексте стратегия Глобального Юга, направленная на достижение ЦУР, может быть успешной только при условии радикального повышения эффективности функционирования всей системы институтов глобального управления.

Ключевые слова: глобальное управление; устойчивое развитие; постколониализм; Глобальный Юг; ЭКОСОС; пандемия COVID-19; эффекты коронакризиса; новый миропорядок.

GLOBAL SOUTH COUNTRIES AND THE PROBLEMS OF GLOBAL GOVERNANCE IN THE INTERESTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Petr YAKOVLEV

Doctor of Economics, Chief Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
117418, 51/21 Nakhimovsky Av., Moscow, Russian Federation
E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

Received 05.03.2022

Abstract. The reality of the current phase of the development of the international situation has been the high degree of global instability and uncertainty about the emerging new world order. This directly affects the interests of the states of the so-called Global South, a vast meta-community of postcolonial (developing) countries in Asia, Africa and Latin America, deeply involved in a wide network of bilateral and multilateral po-

litical, diplomatic, financial, trade and economic ties. An important strategic objective of the Global South is to achieve the UN's declared Sustainable Development Goals (SDGs), which in practical terms should mean tangible improvements in the internal socio-economic situation of developing countries and strengthening their positions on the world stage. Hence, the priority given in the Global South to improving the inclusivity and efficiency of the global governance system, the necessary setting for addressing the challenges identified in the sustainable development concept. It is through the institutions and mechanisms of global governance that developing countries are trying to promote multilateral consensus solutions, to open and engage new channels of international cooperation to achieve the SDGs. To this end, the States of the global South are channeling political energy in two main areas: 1) to reform existing multilateral organizations, in particular by increasing their negotiating weight at the UN, the International Monetary Fund and the World Bank; 2) create and to strengthen their own very diverse movements and institutions to participate in global governance (among them: the Non-Aligned Movement, Group 77, BRICS, Asian Infrastructure Investment Bank, regional and subregional integration groups). The COVID-19 pandemic, which has put all of humanity to the test, has objectively slowed the progress towards sustainable inclusive development. At the same time, the pandemic pushed the boundaries of understanding what global public goods and evils are, emphasizing the need for joint action to solve the true shaft of the world's problems. In this context, the Global South's strategy to achieve the SDGs can only be successful if the entire system of global governance institutions is radically improved.

Keywords: global governance; sustainable development; postcolonialism; Global South; ECOSOC; coronavirus pandemic; coronacrisis effects; new world order.

Достижение постколониальными странами целей устойчивого развития тесно связано с формированием и деятельностью институтов и механизмов глобального управления – регулирования мировых финансово-экономических, торговых, научно-технических и политико-дипломатических процессов. В стратегической перспективе большинство государств мира, включая максимально заинтересованные в достижении ЦУР страны Глобального Юга, рассматривают себя в роли не только пассивных исполнителей (rule-takers), но и активных создателей (rule-makers) глобальных регулятивных правил.

Специфическая черта данного направления международной деятельности постколониальных государств, сформировавшегося в первые десятилетия XXI в., – своего рода амбивалентный подход к проблематике глобального управления. С одной стороны, страны Азии, Африки и Латинской Америки разделяют сложившееся

в центрах мирового влияния представление о том, что глобальное управление (или, как его нередко именуют, регулирование) призвано отвечать на вопросы, не решаемые на уровне отдельных государств или даже групп государств. Но в то же время получение доступа к механизмам глобального управления зачастую рассматривается в «южных» столицах в качестве способа увеличения собственного международного политического веса и обретения дополнительного канала деловых коммуникаций для достижения целей устойчивого инклюзивного развития на базе более глубокого и – главное – эффективного и субъектного участия в процессах торгово-экономической глобализации¹.

Экспертный взгляд на проблему

В чрезвычайно обширной современной отечественной и зарубежной научно-политической литературе, а также в официальном дипломатическом дискурсе прочно утвердилось понимание термина «глобальное управление» как многоуровневой структуры международных и наднациональных механизмов и учреждений, реализующих (или пытающихся реализовать) регуляторные функции в отношении наиболее острых проблем и явлений мирового развития. По существу, речь идет о «больших вызовах» и периодически возникающих рисках текущего столетия, по самой своей природе требующих многостороннего, коллективного ответа [Global, 2002].

Таким образом, когда исследователи говорят о глобальном управлении, то имеют в виду чрезвычайно широкий круг вопросов, прежде всего систему организаций, институтов, принципов, политических и правовых норм, поведенческих стандартов, международных механизмов взаимодействия в самых различных областях человеческой деятельности. Примером такого подхода к проблеме может служить фундаментальная монография «Глобальное управление и формирование глобальных институтов XXI столетия», подготовленная Аугусто Лопес-Кларосом, Майей Грофф (оба представляют Форум глобального управления) и Артуром Далем

¹ What is Global Governance? – URL: <https://globalchallenges.org/globalgovernance> (date of access: 06.05.2021).

(Международный форум окружающей среды). По мнению этих авторов, главными целями институтов глобального управления являются: реформирование центральных учреждений и органов ООН, укрепление международного мира и безопасности, борьба за разоружение, повышение роли международного права, защита прав человека и уменьшение социального неравенства, стимулирование региональных интеграционных процессов, совершенствование мировой финансовой архитектуры, защита окружающей среды [Lopez-Claros, Dag., Groff, 2020].

Очевидно, что большинство названных целей коррелирует с задачами устойчивого инклюзивного развития, а потому полностью отвечает социально-экономическим устремлениям постколониальных государств. Вопрос в том, насколько эффективна (и результативна) деятельность институтов глобального управления, в частности в сфере мировой экономики и торговли, представляющей для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки приоритетный интерес.

Как отмечалось в коллективной работе ИМЭМО РАН под редакцией академиков В.Г. Барановского и Н.И. Ивановой, глобальное управление (регулирование) исторически осуществляется в первую очередь государствами (в частности, через созданные ими глобальные и региональные многосторонние органы и структуры), а также играющими все более значимую роль «нетрадиционными внешнеполитическими игроками» – негосударственными субъектами международной жизни, включая транснациональные корпорации (ТНК), крупнейшие банки и финансовые учреждения, национальные объединения предпринимателей, профессиональные сообщества, разнообразные неправительственные организации и движения [Глобальное ... , 2015].

Исторический опыт говорит о том, что международные усилия по отладке механизмов глобального управления радикально активизировались в последней четверти XX в. с развертыванием процесса неолиберальной глобализации, в который оказались встроенными страны Глобального Юга [Яковлев, 2021]. В этот период заметно повысилась роль многосторонних организаций и институтов, выполняющих связующие и регулятивные функции в отношениях между государствами, прежде всего в торговой, социально-экономической и финансовой сфере (см. табл. 1).

Таблица 1.

**Основные организации глобального регулирования,
в которых участвуют страны глобального Юга**

Организация	Год создания	Основная сфера деятельности
Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС)	1945	Главный орган, отвечающий за координацию экономической и социальной деятельности ООН и организаций, входящих в систему ООН. В состав ЭКОСОС на меняющейся основе входят 54 государства
Международный валютный фонд (МВФ)	1945	Призван осуществлять регулирование валютно-расчетных операций между государствами-членами и оказывать им финансовую помощь путем предоставления краткосрочных займов
Группа Всемирного банка (Международный банк реконструкции и развития – МБРР, Международная ассоциация развития – МАР и др.)	1945	Многостороннее кредитное учреждение, призванное оказывать помощь развивающимся странам. За время функционирования группа превратилась в крупнейший инвестиционный институт
Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО)	1945	Координация международных усилий по развитию производства, переработки, сбыта и распределения продовольствия и продукции сельского хозяйства
Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ)	1957	Задача агентства – констатировать, что работы в области мирного атома не переключаются на военные цели, и поощрять международный обмен научными результатами
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	1961	Основная функция – координация экономической политики стран-участниц в целях смягчения возникающих в мирохозяйственной системе противоречий. На начало 2021 г. участвовало 37 государств
Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)	1964	Играет роль координационного центра по проблемам развития и смежным вопросам международной торговли, финансов, технологий и устойчивого развития
Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ)	1966	Вспомогательный орган Генеральной ассамблеи ООН, созданный для содействия выработке и развитию правовых норм международной торговли

Организация	Год создания	Основная сфера деятельности
Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС)	1966	Цель МЦУИС – обеспечить правовые возможности для примирения сторон и для арбитражных процедур в международных инвестиционных спорах
Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МАИГ)	1988	Агентство предоставляет гарантии на инвестиции, направляемые на производственные цели, преимущественно в развивающихся странах-членах
Всемирная торговая организация (ВТО)	1995	Создана с целью либерализации глобальной торговли и регулирования торгово-политических отношений государств-членов
Группа двадцати (Г-20)	1999	Была создана как реакция на азиатский финансовый кризис конца 1990-х годов. С 2008 г. в рамках Г-20 стали проходить саммиты для консультаций по вопросам, относящимся к глобальной финансово-экономической системе
БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика)	2009 (БРИК) 2011 (БРИКС)	В ряду главных задач объединения – поддержание стабильности в международных отношениях и улучшение системы глобального регулирования мировой экономики

Источник: составлено автором на основе международных данных

По общему мнению, центральное место в деятельности системы ООН по продвижению всех трех аспектов устойчивого развития – экономического, социального и экологического – занимает Экономический и социальный совет (ЭКОСОС)¹. Это объясняется тем, что по Уставу ООН ЭКОСОС координирует и направляет работу 15 специализированных учреждений Организации Объединенных Наций, а также девяти функциональных комиссий и пяти региональных комиссий в экономической и социальной сферах. О значимости деятельности ЭКОСОС говорит тот факт, что для реализации его полномочий выделяется свыше 70% людских и финансовых ресурсов всей системы ООН².

¹ ECOSOC brings people and together to promote collective action for a sustainable world. – URL: <https://www.un.org/ecosoc/en/home> (date of access: 22.05.2021).

² ECOSOC. United Nations Economic and Social Council. – URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc> (date of access: 29.05.2021).

Весом вклад ЭКОСОС и в функционирование международных механизмов, поскольку именно он на постоянной основе обеспечивает коммуникации между разнообразными национальными структурами, занимающимися вопросами социально-экономического развития, экологическими проблемами – ключевыми с точки зрения интересов Глобального Юга аспектами всей повестки глобального управления. В частности, уже длительное время ЭКОСОС выступает организатором знаковых международных конференций, где создается когнитивный каркас устойчивого развития.

Эксперты сходятся на том, что в мировой дипломатической практике императивный характер глобальное управление приобрело в ответ на вызовы воспроизводственного кризиса 2008–2009 гг., основательно «встряхнувшего» всю систему международных финансово-экономических и торговых связей [Яковлев, 2020]. Шок от этой встряски заставил ведущие государства, сформировавшие Группу двадцати, регулярно встречаться на высшем уровне и координировать антикризисные меры, что в известной степени помогло ослабить кризисные эффекты, включить дополнительные механизмы экономического роста, задействовать имевшиеся ресурсы¹. Однако в последовавшее вслед за кризисом десятилетие дали о себе знать такие негативные факторы, как мировая политическая и торгово-экономическая неопределенность, быстро и непредсказуемо меняющаяся глобальная обстановка, носившая явные признаки конфликтности, неустойчивости и переходности. Эти контрпродуктивные явления, как отмечал американский экономист, лауреат Нобелевской премии 2001 г. Майкл Спенс, затруднили остро необходимую модернизацию системы широкого международного сотрудничества (как ответа на новые вызовы) и сделали задачу адаптации отдельных стран и регионов к процессам формирования обновленной политики глобального управления многократно более сложной, а сами эти процессы зримо замедлились [Spence, 2019].

Ступенью к формированию обновленной (модернизированной) системы глобального управления, укреплению ее многосто-

¹ G20: What is it and how does it work? – URL: <https://www.dw.com/en/g20-what-is-it-and-how-does-it-work/a-46505067> (date of access: 17.06.2021).

ронного характера явилась деятельность БРИКС – пример уникальной в новейшей истории геополитической и геоэкономической новации. Уже на старте своего существования объединение БРИКС сделало заявку на продвижение концепции новой, более равноправной и справедливой парадигмы торгово-экономической и финансовой глобализации, основанной по большому счету на существующих либерально-рыночных принципах, но способной исправить (или нейтрализовать) ее недостатки с помощью консенсусного наднационального регулирования мирохозяйственных связей. Поэтому, как пишут А.К. Морозкина и В.Ю. Скрыбина, «выявление возможностей реализации целей устойчивого развития на площадке БРИКС является актуальной темой для исследования» [Морозкина, Скрыбина, 2021, с. 85].

Как уже отмечалось, одним из весомых факторов, оказавших воздействие на деятельность организмов глобального управления, стало сопровождавшее процесс неолиберальной глобализации беспрецедентное усиление роли транснационального бизнеса в мировой экономике и политике. Это дало толчок концептуальному закреплению нового подхода к оценке характера взаимодействия между суверенными странами и наиболее могущественными негосударственными акторами международных экономических отношений – транснациональными компаниями и банками. В частности, как подчеркивает С.А. Афонцев, благодаря экспоненциально возрастающему влиянию ТНК широкое хождение в экспертном сообществе и политических кругах получила доктрина «новых субъектов мировой политики», способных изменить уже ставшее привычным «государственноцентричное» мироустройство, «потеснить» национальные государства и активно участвовать в глобальном управлении [Афонцев, 2005, с. 7].

В известной степени такое положение дел ведет к «распылению, диффузии власти между разными акторами» мировой политики и экономики. Но в конечном счете, как считают многие эксперты, наиболее мощные и влиятельные государства «остаются ключевыми игроками глобальной сферы», которые принимают окончательные решения [Европейский, 2017, с. 9]. На это, добавим мы, четко указали драматические события, связанные с пандемией COVID-19, когда именно усилия государств стали главным фактором противодействия коронавирусу и вывода мировой экономики из кризисного состояния.

Пандемия коронавируса против устойчивого развития

Отдавая должное инициативам ЭКОСОС и других институтов глобального управления, нельзя не видеть тех нарастающих сложностей, с которыми сталкивается мировое сообщество в своих попытках нарастить позитивные результаты на пути к ЦУР. По признанию генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, международным сообществом «приняты недостаточно эффективные меры для того, чтобы добиться необходимых перемен, а это ставит под угрозу выполнение обещаний нынешнему и будущим поколениям». Положение, продолжил А. Гутерриш, до предела обострила пандемия коронавируса, «еще больше затруднив достижение целей устойчивого развития» [The Sustainable, 2020]. С этими оценками трудно не согласиться.

Действительно, COVID-19 выплеснул на поверхность многое из того, что скрывалось в глубинных водах глобальной экономики и торговли. В разгар пандемии в июле 2020 г. ряд престижных think tanks из Бразилии, Великобритании, Германии и Польши во главе с Европейской школой науки и исследований в области устойчивого развития при Гамбургском университете прикладных наук обнародовали аналитический доклад «COVID-19 и цели ООН по устойчивому развитию: угроза или возможность для международной солидарности?»¹. Авторы исследования пришли к выводу, что эффекты пандемии коронавируса будут препятствовать достижению по крайней мере восьми из 17 ЦУР, а именно:

- №1 – повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах;
- №2 – ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности;
- №3 – обеспечение здорового образа жизни;
- №4 – обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования;
- №5 – обеспечение гендерного равенства;

¹ COVID-19 and the UN Sustainable Development Goals: Threat to Solidarity or an Opportunity? – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/13/5343> (date of access: 10.06.2021).

- №8 – содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту;
- №10 – снижение уровня неравенства внутри стран и между ними;
- №16 – содействие построению миролюбивых и открытых обществ.

Как показано в докладе, серьезные риски возникли в связи с перегрузкой медицинских учреждений из-за наплыва больных, зараженных коронавирусом, что ограничило возможности должного консультирования и лечения пациентов с другими заболеваниями. В сфере экономики ключевым фактором, затормозившим продвижение к ЦУР, явилось сжатие экономической деятельности, что, в свою очередь, привело к падению доходов значительной части населения и усилило социальное неравенство. Особое беспокойство в экспертных кругах вызвало положение дел с производством продовольственных товаров. Как позднее выяснилось, опасения были обоснованными, поскольку, по данным ФАО, в 2020 г. мировые цены на продукты питания выросли на 40%, что резко отрицательно сказалось на материальном положении наиболее уязвимых слоев общества, прежде всего в странах Глобального Юга¹.

Вместе с тем воздействие COVID-19 на международную жизнь было многогранным. В частности, в условиях пандемии новую жизнь и гораздо большие масштабы приобрели так называемые глобальные общественные блага и беды. Говоря о первых, сошлемся на концепцию нобелевского лауреата Элинор Остром, согласно которой: 1) такие блага невозможно запретить потреблять; 2) потребление не ведет к их сокращению; 3) они доступны практически повсеместно. Примеры: воздух, международный мир, базовые знания и т.д. Пандемия вызвала резкий рост интереса ко многим хорошо известным общественным благам, в частности к окружающей среде и системе здравоохранения, а также обусловила рождение новых явлений, по своему общественному значению вполне претендующих на звание глобальных благ. Речь, например, может идти о введении обязательного минимального налога в 15%

¹ *Frias G.* Precios de los alimentos aumentaron en el mundo y estas son las causas. – URL: <https://cnnespanol.cnn.com/video/precios-alimentos-incrtemento-onufao-america-latina-redaccion-mexico> (date of access: 11.06.2021).

на доходы крупнейших технологических ТНК, ранее, благодаря налоговым льготам в отдельных странах, успешно ускользавших от внимания фискальных органов¹.

Почему это может быть отнесено к числу глобальных общественных благ? Думается потому, что таким способом мобилизуются очень значительные финансовые ресурсы (как минимум 120 млрд долл. в год), критически необходимые для решения насущных социальных задач постколониальных государств, в том числе достижения первостепенных целей устойчивого инклюзивного развития: борьба с нищетой, ликвидация голода и обеспечение продовольственной безопасности, развитие здравоохранения.

На наш взгляд, хорошие шансы стать глобальными социальными благами имеют цифровизация и Интернет, что также было ясно продемонстрировано в период коронавирусной пандемии. Их дальнейшее интенсивное распространение на пространстве Глобального Юга – непереносимое условие поступательного движения в направлении ЦУР.

Вместе с тем пандемия акцентировала глобальные общественные беды, для нейтрализации которых недостаточно действий на уровне отдельных стран и целых регионов. По мнению маститого испанского политолога Андреса Ортеги, к бедам таких масштабов в настоящее время можно отнести усилившееся в период коронакризиса социальное размежевание, до предела обострившееся чувство несправедливости, почти тотальную дезинформацию (засилье fake news в мировых СМИ), широко распространенное ощущение одиночества и уязвимости [Ortega, 2021]. Все это, подчеркнем, с особой силой проявилось в государствах Азии, Африки и Латинской Америки.

Подлинным бичом новой киберинформационной эпохи стало такое явление, как ransomware – контаминация слов ransom (выкуп) и software (программное обеспечение). Имеется в виду преступная деятельность, состоящая, в частности, из блокировки компьютерных сетей компаний, банков или государственных учреждений с последующим требованием выкупа. В разгар пандемии

¹ G7 nations set minimum global corporate tax rate at 15 percent. – 2021. – June 5. – URL: <https://www.trtworld.com/business/g7-nations-set-minimum-global-corporate-tax-rate-at-15-percent-47270> (date of access: 15.06.2021).

верхом цинизма кибершантажистов явились атаки на госпитали и другие организации здравоохранения в США и странах Европы. В феврале 2021 г. хакеры атаковали бразильские государственные энергетические компании Eletrobras и Copel, в результате чего возникла угроза безопасности двух атомных электростанций. В начале мая 2021 г. из-за хакерской атаки была остановлена работа одной из крупнейших в США систем нефтепродуктопроводов Colonial Pipeline протяженностью почти 9 тыс. км, в результате чего в 19 штатах был объявлен режим чрезвычайной ситуации. Вскоре о кибератаках на ее филиалы в Австралии и Канаде сообщила бразильская компания JBS – ведущий мировой производитель мясной продукции [Muncaster, 2021].

Таким образом, на тернистом пути к ЦУР постколониальные страны и международное сообщество в целом сталкиваются как с уже «привычными» трудностями, так и с новыми вызовами и угрозами (назовем их эффектами киберпандемии), возникновение которых требует обновленного, можно сказать, инновационного взгляда на задачи и механизмы системы глобального управления.

К новой системе многостороннего сотрудничества

Принимая в расчет неумолимо меняющийся контекст мирового и регионального экономического и политического развития в нынешний переходный (транзитный) период, можно назвать закономерным вопрос: какими в концептуальном и практическом плане могут быть ключевые черты новой модели глобального управления, призванной (а в перспективе способной) дать адекватный ответ на вызовы сегодняшнего и, главное, завтрашнего дня?

В самом первом приближении и в порядке выдвижения исследовательской гипотезы позволим себе высказать ряд соображений.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что глобальное управление постепенно приобретает индуктивный характер – переходит от частных вопросов к общим. Например, от конкретных (зачастую точечных) антикризисных мер, что было присуще первому десятилетию XXI века, к выработке базовых принципов корректировки всего процесса глобализации, определению главного вектора реформирования системы мирохозяйственных связей.

По сути, именно зарождавшееся индуктивное глобальное управление помогло в свое время сформулировать цели устойчивого развития. Более того, по мнению директора испанского Центра глобальной экономики и геополитики (ESADEgeo) Анхеля Сас-Каррансы, индуктивное глобальное управление отличает ряд преимуществ, позволяющих более эффективно решать насущные мировые проблемы, в том числе способность мобилизовывать очень значительные финансовые ресурсы частных инвестиционных и благотворительных фондов [Saz-Carranza, 2019].

Во-вторых, как уже отмечалось, государства во многом утратили роль почти монопольного глобального регулятора. Все активнее на международные переговоры (особенно по торгово-экономическим сюжетам) влияют негосударственные акторы: транснациональные компании и банки, объединения предпринимателей, профсоюзы, торговые палаты, академическое сообщество, союзы потребителей, правозащитные организации, другие структуры гражданского общества. Яркий пример последнего времени – их периодическое вмешательство в ход инициированных администрацией Дональда Трампа переговоров между США, Канадой и Мексикой о реформировании Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) [Феномен Трампа, 2020, с. 615–618]. В данном конкретном случае особую активность, наряду с объединениями предпринимателей и отдельными ТНК, продемонстрировало руководство Американской федерации труда – Конгресса производственных профсоюзов (АФТ – КПП). В частности, на включении в соглашение мер, снижающих конкурентные преимущества мексиканских рабочих, настаивал влиятельный президент АФТ – КПП Ричард Трумка [US].

В силу этих факторов глобальное управление приобретает модальность «вверх дном» (bottom-up mode), заменяющая принятую ранее систему «сверху вниз» (top-down mode). В продолжение уже отмеченного тренда негосударственные акторы, включая транснациональные корпорации или международные криминальные сети и организованные преступные группировки, могут в какой-то момент становиться даже более могущественными, чем многие суверенные страны [Ortega, Pérez, Saz-Carranza, 2019].

Разумеется, действительность предстает более сложной, нежели теоретические схемы и построения. Поэтому далеко не во

всех случаях усиление негосударственных регуляторов означает игру с нулевой суммой и ведет к ослаблению позиций государства. Нередко речь идет о формировании обновленного частно-государственного партнерства, расширяющего институциональные рамки глобального управления.

После мирового кризиса 2008–2009 гг. многие страны взяли на вооружение практику бюджетного аскетизма, сократили государственные расходы, что сузило их возможности проводить политику интенсификации международного сотрудничества. В сложившихся условиях финансовые ресурсы частных предпринимательских и банковских структур стали важным рычагом поддержки глобальных и региональных торгово-экономических проектов. Именно в эти годы в странах Глобального Юга местные корпорации превратились в крупных трансграничных инвесторов и выдвинулись в качестве двигателя интеграционных процессов. По мнению зарубежных исследователей, данное обстоятельство может сыграть важную позитивную роль, поскольку в постковидную эпоху возрастает значимость объединенных усилий постколониальных государств¹.

В-третьих, расширение круга глобальных регуляторов за счет негосударственных участников меняет стратегическую оркестровку общемировых процессов и придает международному взаимодействию более выраженный инновационный характер. Например, включение корпоративных структур и организаций гражданского общества позволяет увеличить количество добровольных международных соглашений в самых разных областях, раздвигает сюжетные рамки глобального управления, обеспечивает сравнительно большую гибкость позиций сторон, создает условия для повышения уровня подотчетности и усиления ответственности правительственных органов. Все это делает глобальное управление действительно многоуровневым процессом, а расширяющееся участие негосударственных регуляторов может стать ключевым фактором повышения его «институциональной эффективности» [Перспектива устойчивого развития ... , 2022, с. 62]. При прочих

¹ *Sánchez Díez Á., Pérez Ortiz L.* La integración latinoamericana ante la encrucijada del coronavirus. – 2020. – 10.09. – URL: <https://theconversation.com/la-integracion-latinoamericana-ante-la-encrucijada-del-coronavirus-145876> (date of access: 12.06.2021).

благоприятных обстоятельствах открывается путь к более транспарентному и партисипативному мировому порядку, что полностью совпадает с базовыми интересами государств Глобального Юга.

В середине 2010-х годов в контексте выработки стратегии достижения ЦУР по инициативе ЭКОСОС возникла новая представительная площадка для мониторинга и предметного обсуждения текущих проблем реализации повестки дня в области устойчивого развития – Политический форум высокого уровня по устойчивому развитию (ПФВУ). Его задачей стало обеспечение политического лидерства, содействие обмену передовой практикой и опытом, касающимся реализации намеченных планов, а также подготовка рекомендаций по продвижению ЦУР [High-level, 2012].

В соответствии с полученным мандатом ПФВУ, став инструментом глобального управления, в систематическом режиме проводит международные встречи двух разных типов (см. табл. 2):

– один раз в четыре года на уровне глав государств и правительств под эгидой Генеральной ассамблеи ООН;

– ежегодно на уровне профильных министров, представителей официальных ведомств и членов экспертного сообщества под эгидой ЭКОСОС.

О чем свидетельствует деятельность ПФВУ? Прошедшие форумы показали, что, несмотря на известную дисфункциональность и «хромоту» международных институтов (особенно в период пандемии коронавируса), у мирового сообщества нет других столь же мощных и универсальных механизмов взаимодействия, как существующие институты глобального управления. И в первую очередь это относится к сотрудничеству в торгово-экономической и финансовой сфере. Поэтому речь должна идти не об отказе от курса на укрепление международной хозяйственной взаимосвязанности, а о трансформации мировой экономики в сторону приоритизации (не на словах, а на деле) целей устойчивого инклюзивного роста на основе цифровизации и – самое главное – развития человеческого капитала, прежде всего в сфере здравоохранения, образования и науки.

В связи с этим дополнительную актуальность приобретает концепция модели инноваций тройной спирали (Triple helix model of innovation) – тесного взаимодействия бизнеса, производящего товары и услуги, правительства, регулирующего рынки, и акаде-

мического сообщества, занимающегося фундаментальными исследованиями, в целях обеспечения максимально благоприятной глобальной среды для общемирового устойчивого развития на инновационной основе [Etzkowitz, Leydesdorff, 1995].

Таблица 2

**Политические форумы высокого уровня (ПФВУ) ООН
по устойчивому развитию**

Год	Организатор	Дата	Тема, лозунг
2013	ГА ООН	24.08	«Строим будущее, которого мы хотим: от Рио+20 до эпохи развития после 2015 г.»
2014	ЭКОСОС	30.06–09.07	«Строим будущее, которого мы хотим: от Рио+20 до эпохи развития после 2015 г.»
2015	ЭКОСОС	26.06–08.07	«Обзор развития интеграционных процессов – ПФВУ после 2015 г.»
2016	ЭКОСОС	11.07–20.07	«Обеспечение того, чтобы никто не остался позади»
2017	ЭКОСОС	10.07–19.07	«Искоренение бедности и содействие процветанию в меняющемся мире»
2018	ЭКОСОС	09.07–18.07	«Трансформации на пути создания устойчивых и резильентных обществ»
2019	ГА ООН	24.09–25.09	«Расширение прав и возможностей людей и обеспечение инклюзивности и равенства»
2020	ЭКОСОС	07.07–16.07	«Ускоренные действия и преобразования: реализация десятилетия свершений и результатов на пути устойчивого развития»
2021	ЭКОСОС	06.07–15.07	«Чтобы достичь ЦУР к 2030 г., необходимы: действия, выполнение обязательств и амбиции»

Источник: составлено автором по данным ЭКОСОС

И еще один существенный момент, тесно связанный с задачами прогрессивной перестройки механизмов глобального управления. Анализ положения дел в постколониальных странах в условиях

пандемии коронавируса позволяет выделить основополагающую черту антикризисной политики большей части крупных предприятий в государствах Азии, Африки и Латинской Америки, располагающих потенциалом для модернизации.

Мы имеем в виду форсированную цифровизацию выпуска и коммерциализации производимой на развивающихся рынках продукции. Хотя международная торгово-экономическая панорама остается сложной, «происходящая цифровая трансформация сферы производства и сбыта товаров и услуг стала фундаментальным союзником бизнеса», подчеркивают менеджеры ведущих корпораций, вставших на рельсы технологического обновления и превратившихся в ключевой фактор посткризисного восстановления экономик Глобального Юга. Этому способствует декларируемая готовность компаний руководствоваться принципами ESG (environmental, social, governance), требующими повышенного внимания к вопросам защиты окружающей среды, развития социальной сферы и совершенствования корпоративного управления. По общему экспертному мнению, лакмусовой бумагой серьезности намерений бизнес-сообщества брать в расчет природно-климатический фактор станет избавление от весьма распространенной практики Greenwashing (зеленого камуфляжа) – создания ложного экологического имиджа предлагаемой потребителям продукции¹.

Несущей конструкцией указанного процесса призваны стать ведущие постколониальные государства, в первую очередь члены Группы двадцати: Аргентина, Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Саудовская Аравия, ЮАР. Важно, чтобы они смогли найти консенсус по ключевым геополитическим и геоэкономическим вопросам и придерживались согласованной стратегии в рамках глобального управления.

¹ Multilatinas y la reactivación: se necesita una mentalidad de crecimiento resiliente. – 2020. – 26.11. – URL: <https://www.americaeconomia.com/multilatinas-y-lareactivacion-se-necesita-una-mentalidad-de-crecimiento-resiliente> (date of access: 22.05.2021).

* * *

Страны Глобального Юга вместе со всем миром уже в течение ряда лет переживают сложные времена. Экономический рост замедлился, в практику мирохозяйственных связей вошли торговые войны, стала ощущаться нехватка инвестиций, рост долгового бремени породил угрозу дефолтов, по многим странам (особенно в Латинской Америке) прокатились массовые протестные выступления, обострилась внутривнутриполитическая борьба, порой принимавшая непримиримый и гротескный характер, возросла угроза общественного разрыва [Яковлев, Яковлева, 2020]. Как отмечали нобелевские лауреаты по экономике Абхиджит Банерджи и Эстер Дюфло, сложилась ситуация, когда «одна сторона перестала слышать другую» [Banerjee, Duflo, 2019].

Сопряжение внутренних социально-экономических и политических проблем с периодически вспыхивающими международными конфликтами создало обстановку растущей энтропии – нестабильности, непредсказуемости и тревожных ожиданий. Апогей общемировых трудностей выпал на 2020 г., прошедший под знаком пандемии COVID-19, последствия которой не только акцентировали уже сформировавшиеся негативные тренды, но и бросили человечеству новые, по сути, экзистенциальные вызовы, разрушая цели устойчивого развития¹.

В особенно невыгодном положении оказались те постколониальные страны, чьи национальные системы социальной и медицинской защиты населения продемонстрировали очевидные структурные и организационные слабости. В экстремальных условиях коронакризиса проблемы нарастали как снежный ком, но подлинно адекватных, своевременных и реально выполнимых решений по большому счету не предлагалось ни на национальном уровне, ни в многостороннем формате.

Можно констатировать, что сформировавшаяся в последние десятилетия система глобального управления оказалась недостаточно эффективной и внутренне фрагментарной. Складывается

¹ Как COVID разрушает цели устойчивого развития. – 2020. – 11 ноября. – URL: <https://www.ecosociety.ru/news/kak-covid-razrushaet-tseli-ustojchivogo-razvitiyaoon> (дата обращения: 12.06.2021).

следующее впечатление: среди большинства участников международного сообщества существует консенсус в отношении того, что необходимо сделать, но отсутствует ясное понимание, как этого добиться, какие еще институты и механизмы следует задействовать, чтобы обеспечить достижение ЦУР.

Отдельные подсказки дает сама жизнь. В частности, пандемия коронавируса ясно указала на необходимость повышения роли и возможностей Всемирной организации здравоохранения, придания ей реальных функций влиятельного института глобального управления. В условиях почти повсеместной неопределенности участие ВОЗ в планировании всеобщего более здорового и устойчивого социально-экономического восстановления может стать критически важным.

Подобного рода вызовы ставят перед международным сообществом стратегическую задачу концептуального перевооружения и поиска инновационных подходов с целью формирования модернизированной структуры мировой экономической связанности, основанной на взаимовыгодном двустороннем и многостороннем сотрудничестве и свободной от разного рода политико-идеологических наслоений. Только на таком прочном фундаменте, на наш взгляд, может быть создана действительно работоспособная, резильентная (стрессоустойчивая), обеспечивающая не формальное, а реальное участие всех стран система глобального управления – ключевой элемент ответственного полицентричного мироустройства.

Постколониальные государства Глобального Юга, преследуя цели устойчивого инклюзивного экономического развития, должны в прямом и переносном смысле вписаться в неизбежно жесткую (на наш взгляд) логику постковидного мира. Для этого им необходимо заметно расширить свой доступ к механизмам глобального управления.

Список литературы

- Афонцев С.А.* Транснациональные компании и проблема глобального управления // *ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы* ; отв. ред. Э.Г. Соловьев. – Москва : ИМЭМО РАН, 2005. – 128 с.
- Глобальное управление: возможности и риски* / отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2015. – 315 с.

- Европейский союз в глобальном экономическом управлении / отв. ред. М.В. Стрежнева. – Москва : ИМЭМО РАН, 2017. – 255 с.
- Как COVID разрушает цели устойчивого развития. – 2020. – 11 ноября. – URL: <https://www.ecosociety.ru/news/kak-covid-razrushaet-tseli-ustojchivogo-razvitiya-oon> (date of access: 12.06.2021).
- Морозкина А.К., Скрябина В.Ю.* БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития: перспективы торговли с наименее развитыми странами // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 85–106.
- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям / отв. ред. В.М. Давыдов. – Москва : Весь Мир, 2022. – 448 с.
- Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – 642 с.
- Яковлев П.П.* Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: экономика, политика, право. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 6–27.
- Яковлев П.П.* Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 2. – С. 5–14.
- Яковлев П.П., Яковлева Н.М.* Протестный потенциал Латинской Америки: региональный срез глобального феномена // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 7. – С. 89–99.
- Banerjee A.V., Duflo E.* Good Economics for Hard Times. – New York : PublicAffairs, 2019. – 162 p.
- COVID-19 and the UN Sustainable Development Goals: Threat to Solidarity or an Opportunity? – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/13/5343> (date of access: 10.06.2021).
- ECOSOC brings people and issues together to promote collective action for a sustainable world. – URL: <https://www.un.org/ecosoc/en/home> (date of access: 22.05.2021).
- ECOSOC. United Nations Economic and Social Council. – URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc> (date of access: 29.05.2021).
- Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The Triple Helix-University-industrygovernment relations: A laboratory for knowledge based economic development // EASST Review. – 1995. – Vol. 14. – N 1. – P. 14–19.
- G7 nations set minimum global corporate tax rate at 15 percent. – 2021. – June 5. – URL: <https://www.trtworld.com/business/g7-nations-set-minimum-global-corporate-tax-rate-at-15-percent-47270> (date of access: 15.06.2021).
- G20: What is it and how does it work? – URL: <https://www.dw.com/en/g20-what-is-it-and-how-does-it-work/a-46505067> (date of access: 17.06.2021).
- Global Trends and Global Governance / P. Kennedy, D. Messner, F. Nuscheler, editors). – London : Pluto Press, 2002. – 216 p.
- Goldman D.* Los precios de los alimentos se disparan en EE.UU. Estos productos ahora son más caros. – URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2020/05/13/los-precios-de-los-alimentos-se-disparan-en-ee-uu-estos-productos-ahora-son-mas-caros> (date of access: 11.06.2021).
- High-level Political Forum on Sustainable Development. – 2012. – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf> (date of access: 16.06.2021).

- Lopez-Claros A., Dagl A., Groff M. Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 558 p.
- Multilatinas y la reactivación: se necesita una mentalidad de crecimiento resiliente. – 2020. – 26.11. – URL: <https://www.americaeconomia.com/multilatinas-y-la-reactivacion-se-necesita-una-mentalidad-de-crecimiento-resiliente> (date of access: 22.05.2021).
- Muncaster Ph. FBI: REvil Ransomware Group Behind JBS Attack . – 2021. – 03.06. – URL: <https://www.infosecurity-magazine.com/news/fbi-revil-ransomware-jbs-attack> (date of access: 14.06.2021).
- Ortega A. New global public goods and evils. – 2021. – 15.06. – URL:<https://www.realinstitutoelcano.org/en/blog/new-global-public-goods-and-evils> (date of access: 25.06.2021).
- Ortega A., Pérez A., Saz-Carranza Á. Social cohesion, global governance and the future of politics. T20 Recommendations Report. – 2019. – URL: https://www.g20-insights.org/wp-content/uploads/2019/04/T20-Recommendations-Report_TF6-Social-Cohesion-Global-Governance-and-the-Future-of-Politics.pdf (date of access: 28.05.2021).
- U.S. – Mexico – Canada (USMCA) Trade Agreement. – 2021. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10997> (date of access: 19.02.2022).
- Sánchez Díez Á., Pérez Ortiz L. La integración latinoamericana ante la encrucijada del coronavirus. – 2020. – 10.09. – URL: <https://theconversation.com/la-integracion-latinoamericana-ante-la-encrucijada-del-coronavirus-145876> date of access: 12.06.2021).
- Saz-Carranza Á. Can inductive governance help solve the world’s most pressing problems? – 2019. – 22.10. – URL: <https://dobetter.esade.edu/en/global-issues-inductive-governance> (date of access: 12.06.2021).
- Spence A.M. The Economic Consequences of Global Uncertainty. – 2019. – March 26. – URL: <https://www.cfr.org/article/economic-consequences-global-uncertainty> (date of access: 12.05.2021).
- The Sustainable Development Goals Report. – 2020. – URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020.pdf> (date of access: 11.06.2021).
- What is Global Governance? – 2012. – URL: <https://globalchallenges.org/global-governance/> (date of access: 16.05.2021).

References

- Afontsev S.A. (2005). Transnational companies and global governance] // *TNCs in World Politics and the World Economy: Problems, Trends, Prospects* / Ed. Je.G. Solov'ev). Moscow: IMEMO RAN. – 128 p. (In Russ.)
- Banerjee A.V., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times*. New York: Public Affairs. – 162 p.
- COVID-19 and the UN Sustainable Development Goals: Threat to Solidarity or an Opportunity? Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/13/5343>, date of access: 10.06.2021.

- ECOSOC brings people and issues together to promote collective action for a sustainable world. Available at: <https://www.un.org/ecosoc/en/home>, date of access: 22.05.2021.
- ECOSOC. United Nations Economic and Social Council. Available at: <http://www.un.org/ru/ecosoc>, date of access: 29.05.2021.
- Etzkowitz H., Leydesdorff L. (1995). The Triple Helix-University-industry-government relations: A laboratory for knowledge based economic development. *EASST Review*. Vol. 14. N 1. P. 14–19.
- Global governance: opportunities and risks (2015). (Ed. V.G. Baranovskij, N.I. Ivanova). Moscow: IMEMO RAN. – 315 p. (In Russ.)
- G7 nations set minimum global corporate tax rate at 15 percent. June 5, 2021. Available at: <https://www.trtworld.com/business/g7-nations-set-minimum-global-corporate-tax-rate-at-15-percent-47270>, date of access: 15.06.2021.
- G20: What is it and how does it work? Available at: <https://www.dw.com/en/g20-what-is-it-and-how-does-it-work/a-46505067>, date of access: 17.06.2021.
- Global Trends and Global Governance (2002). (Eds. P. Kennedy, D. Messner, F. Nuscheler). London: Pluto Press. – 216 p.
- Goldman D. *Los precios de los alimentos se disparan en EE.UU. Estos productos ahora son más caros*. Available at: <https://cnnespanol.cnn.com/2020/05/13/los-precios-de-los-alimentos-se-disparan-en-eeuu-estos-productos-ahora-son-mas-caros>, date of access: 11.06.2021.
- High-level Political Forum on Sustainable Development. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf>, date of access: 16.06.2021.
- How COVID Is Destroying Sustainable Development Goals. 11.11.2020. Available at: <https://www.ecosociety.ru/news/kakcovid-razrushaet-tseli-ustojchivogo-razvitiya-oon>, date of access: 12.06.2021 (In Russ.)
- Lopez-Claros A., Dagl A., Groff M. (2020). *Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century*. Cambridge: Cambridge University Press. – 558 p.
- Morozkina A.K., Skrbjabin V.Ju. (2021). BRICS and the Partnership for Sustainable Development: Trade Prospects with the Least Developed Countries // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. T. 16. № 1. P. 85–106 (In Russ.)
- Multilatinas y la reactivación: se necesita una mentalidad de crecimiento resiliente. 26.11.2020. Available at: <https://www.americaeconomia.com/multilatinas-y-la-reactivacion-se-necesitauna-mentalidad-de-crecimiento-resiliente> date of access: 22.05.2021.
- Muncaster Ph. *FBI: REvil Ransomware Group Behind JBS Attack*. 03.06.2021. Available at: <https://www.infosecurity-magazine.com/news/fbi-revil-ransomware-jbs-attack>, date of access: 14.06.2021.
- Ortega A. *New global public goods and evils*. 15.06.2021. Available at: <https://blog.realinstitutoelcano.org/en/new-global-public-goodsand-evils>, date of access: 25.06.2021.
- Ortega A., Pérez A., Saz-Carranza Á. (2019). *Social cohesion, global governance and the future of politics. T20 Recommendations Report*. URL: <https://www.g20-insights.org/wp>

- content/uploads/2019/04/T20-Recommendations-Report_TF6-Social-Cohesion-Global-Governance-and-the-Future-of-Politics.pdf, date of access: 28.05.2021.
- Sánchez Díez Á., Pérez Ortiz L. *La integración latinoamericana ante la encrucijada del coronavirus*. 10.09.2020. Available at: <https://theconversation.com/la-integracion-latinoamericana-ante-laencrucijada-del-coronavirus-145876>, date of access: 12.06.2021.
- Saz-Carranza Á. *Can inductive governance help solve the world's most pressing problems?* 22.10.2019. URL: <https://dobetter.esade.edu/en/global-issues-inductive-governance>, date of access: 12.06.2021.
- Spence A.M. *The Economic Consequences of Global Uncertainty*. March 26, 2019. Available at: <https://www.cfr.org/article/economicconsequences-global-uncertainty>, date of access: 12.05.2021.
- The European Union in Global Economic Governance* (2017). (Ed. M.V. Strezhneva). Moscow: IMEMO RAN. 255 p. (In Russ.)
- The prospect of sustainable development. Appeal to global and Latin American realities*. (2022) / Ed. V.M. Davydov. Moscow: ILA RAN. – 448 p. (In Russ.)
- The Sustainable Development Goals Report 2020. Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020.pdf>, date of access: 11.06.2021.
- The Trump Phenomenon* (2020). (Ed. A.V. Kuznetsov). Moscow: INION RAN. – 642 p. (In Russ.)
- U.S. – Mexico – Canada (USMCA) Trade Agreement. (2021). URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10997>, date of access: 19.02.2022.
- What is Global Governance? (2012). Available at: <https://globalchallenges.org/global-governance>, date of access: 16.05.2021.
- Yakovlev P.P. (2021). Global South: Conceptual Approaches and Social and Economic Processes // *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. Vol. 14. № 2. P. 6–27. (In Russ.)
- Yakovlev P.P. (2020). Risks of a global recession in the context of the globalization crisis // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. № 2. P. 5–14. (In Russ.)
- Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. (2020). Latin America's Protest Potential: Regional Slice of the Global Phenomenon // *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 64. № 7. P. 89–99. (In Russ.)

THE END OF SOCIAL WELFARISM?

Jan BREMAN

Member of the Royal Netherlands Academy of Sciences;
Professor Emeritus, University of Amsterdam¹
Nieuwe Achtergracht, 166 Postbus 15509
1001 NA Amsterdam E-mail: j.c.breman@uva.nl

Abstract. The origins of the welfare state date back to Otto von Bismarck, Chancellor of the united German Empire. Bismarck's ordinances were passed by the Reichstag in the 1880s and arranged for pension as well as disability benefits. The opposing school of thought emphasised private charity over and above public relief. More inclusive welfare schemes originated from the reluctance of the better off classes to contribute to bailing out the poor from their misery. The consequential social transformation until and beyond the mid-20th century resulted in a relative rise in working-class power within the capitalist nation-state. The Soviet Union and its allies claimed to have put “social question” at the top of their political agenda. The dismantling of the welfare state was much affected by the collapse of the U.S.S.R. Nowadays, inequality between countries seems to be slowly decreasing whilst inequality within countries has been rapidly increasing. The significance of structural gaps between the “rich” and “poor” remains drastically understated in terms of social consciousness and collective

¹ Workers of the World. Exploring global perspectives on labour from the 1950s to the present. Herrenhaeuser Symposium, Hannover 28–30 June 2017. My paper overlaps with the introductory chapter of a volume which I co-edited together with Marcel van der Linden, Ching Kwan Lee and Kevan Harris. The Social Question in Global Perspective is currently being reviewed for publication. An outline of what I wrote up afterwards was read at an International Seminar on Cohesive Development held at the A.N.Sinha Institute in Patna on 24–25 Feb. 2017.

action. Savage capitalism hollows out the fabric of civil cohesion thus undermining society in its fundamental pillars.

Keywords: capitalism; welfare state; social classes; socialism; nation-state.

КОНЕЦ «СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»?

Ян БРЕМАН

Member of the Royal Netherlands Academy of Sciences;
Professor Emeritus, University of Amsterdam
Nieuwe Achtergracht, 166 Postbus 15509
1001 NA Amsterdam E-mail: j.c.breman@uva.nl

Аннотация. Происхождение понятия «государство благоденствия» (welfare state) связано с именем Отто фон Бисмарка, канцлера объединенной Германской империи. Принятые Рейхстагом в 1880-х годах законопроекты Бисмарка предусматривали введение систем пенсионного обеспечения и страхования от несчастных случаев. Иная школа мысли делала акцент на благотворительности, а не на мерах государственной поддержки. Более всеобъемлющие схемы социального обеспечения возникли из нежелания более обеспеченных классов вносить вклад в улучшение положения бедных. Последовавшая за этим в XX в. социальная трансформация привела к относительному увеличению силы рабочего класса внутри капиталистического национального государства. Советский Союз и его союзники заявляли, что поставили «социальный вопрос» во главу своей политической повестки. Демонтаж «государства благосостояния» в значительной мере был вызван распадом СССР. Сегодня представляется, что неравенство между странами постепенно сокращается, в то время как неравенство внутри стран стремительно возрастает. Значение структурных разрывов между «бедными» и «богатыми» остается критически недооцененным с точки зрения социальной сознательности коллективного действия. Дикий капитализм разрушает материю социальной сплоченности и подрывает фундаментальные основы общества.

Ключевые слова: капитализм; государство благоденствия; классы; социализм; национальное государство.

The cradle and grave of the welfare state

The social struggle which came about in industrializing and urbanizing Europe from the second half of the 19th century onwards had two major objectives. In the first place and fought for by the up-and-coming trade union movement: better conditions of employment such as higher wages, change from piece- to time-rate, regular payment

modalities; a shorter length of the working day and week; safety at work; paid leave; an age floor and ceiling set on entry and exit to engagement in the labor process; a premium on schooling and skilling, out-of-work relief and all this culminating in a standard contract which conceded the right to collective action and representation. In the second place the provision of social security and protection which included health insurance, a pension fund for the old aged, allowances in case of injuries and handicaps while at work, gratuities or bonuses to cover against rising cost of living. From the late 18th century trade unions began to organize the workforce. The revolt of 1848 which broke out in France declared the right to work (*droit au travail*) and led to experiments with workfare for the unemployed. In the aftermath of the failed rebellion the strength of workers' associations slowly expanded on the continent as also in Great Britain and backed up by industrial action, they succeeded in regularizing forms of collective action. The threat of a straightforward clash between capital and labor was avoided or at least moderated when the European states through a variety of decrees started to defuse the risk of conflict escalation which in all likelihood would have resulted in a head-on confrontation. Mediation was operationalized through extensive labor legislation and the imposition of obligatory arbitration in case of dispute. Having successfully united the German empire, Chancellor Otto von Bismarck was one of the first statesmen who introduced social insurance in order to appease the working classes and ward off more radical socialist politics. The fear that the appalling conditions of employment and residence would degenerate the working capability of the proletariat was an additional argument for state intervention and arose from comprehending that there was no end to capitalist greed to squeeze labour power from the worker's body. Bismarck's ordinances were passed by the Reichstag in the 1880s and arranged for pension as well as disability benefits. Participation was mandatory and implied collection of contributions from employers, workers and the government. His early initiative would be rounded off in 1927 with the enactment of unemployment insurance.

From the very beginning the solution found in Europe to the social question by state intervention met with strong resistance from religious quarters in particular. This opposition refueled the debate raging in the mid-19th century against the redemption of poverty by public relief arguing that it broke up the bond between social classes as a vertical

form of solidarity. This school of thought presumes the existence of a trust between employers and workers. Such a close alliance between capital and labor, albeit unsubstantiated in social historiography, cropped up as a recurrent myth that evinced a strong dose of wishful thinking. Proponents of private charity insisted that:

“...efforts to resolve the problem of pauperism by legislation had the unintended consequence of undermining the Christian principles without which there could be no effective or meaningful provision of welfare. The belief that a problem as complex as poverty could be solved by purely legal means was symptomatic of a sterile legalism that had taken the place of personal responsibility” [Cusack, 2016, p. 181].

The anti-state stance was articulated in the concept of subsidiarity which suggested that any matter of importance had better be left to the smallest entity or formation capable of dealing with it. Supra-local governance should refrain from acting when the capacity to do so can be secured effectively and efficiently either by individuals on their own or assembled together in groups. It appealed to the moral responsibility of society and its fabric to take care of the poor in their midst. Such argumentation foregrounded an organic solidarity finding expression in primordial networks of attachment that needed to be shielded from overruling by central authority [Althammer, Raphael, Stazic-Wendt, 2016, p. 5]. In this brand of criticism the contrast was played up between (pro-) local versus (anti-) central. However, hidden behind these conflicting views lurks a disagreement of long standing on the blessings of private charity over and above public relief. This difference in assessment would not melt down once the link between citizenship and the state became more direct and intense. The introduction of more inclusive welfare schemes and their wider coverage had much to do with the reluctance of the better-off classes to contribute to bailing out the poor from their misery, forced as they were to pay taxes to a fund collected and managed by the state from which they themselves did not stand to benefit. The resentment this caused among the better endowed and by now politically wellconnected ranks helps to explain why the budget spent on direct poor relief in Europe went down significantly in the late-19th century [Lindert, 2004]. When in the transition to capitalism towards the middle of that century amendments were made in the Poor Laws, a major contingent of the growing reserve army of labor was henceforth denied their earlier conceded right to a dole if out of work.

Access to social assistance was given a disciplinary bent. As Peter Townsend (2007) observed, the rationale of the Poor Laws reform was to place the burden of destitution upon the affected individual and to treat that individual's poverty as simply a question of his or her moral fault. Those with a right to relief before, able to work but acknowledged in the past as being part and parcel of the deserving poor, were for their incidental failure to find gainful employment reclassified as non-deserving ones. That stigma was going to last under the by now rapidly expanding regime of capitalism. Deprived from livelihood during the slack season the land-poor and landless in the countryside started to drift out of agriculture and away from their localities to find more regular although abysmally low income in the expanding and much more labor intensive urban-industrial economy. In Karl Polanyi's phrasing of the commodification process:

“No relief any longer for the able-bodied unemployed, no minimum wages either, not a safeguarding of the right to live. Labor should be dealt with as that which it was, a commodity which must find its price in the market” [*Polanyi*, 1944, p. 117].

The transformation which haltingly took shape until and beyond the middle of the 20th century resulted in a relative rise in workingclass power within the burgeoning frame of the national state and in what remained, of course, capitalist economies. An important feature of the social progress made in Europe was the extension of franchise to the working classes, first for adult men and afterwards for women as well. In the 1950s and 1960s, the statutory labor contract for an indefinite length of time became the norm, and then served as a virtual guarantee of employment. This stemmed from the fact that in times of full employment more labor was hired and rarely dismissed. Staying with the job instead of moving on was seen to express stability and the internalization of commitment. Once the boom in the decades after World War II started to fizzle out and ended in a recession, employment security also declined and a long slide downward started to set in. As pointed out by Robert Castel, this did not prevent most wage earners who took a trajectory of annual growth for granted, from experiencing their employment status with the certitude of controlling the future and a difficult to still appetite for consumerism – acquiring durable goods, taking out mortgages – on the assumption that still better days were around the corner [*Castel*, 2003, p. 372–373]. No wonder that memories of the

trente glorieuses still linger on and illustrate why this period, roughly from 1945–1975, evokes feelings of nostalgia. The working classes of the erstwhile Second World would have ample reason to share those sentiments.

What initially had been posed as a labor question pure and simple metamorphosed subsequently into a more comprehensive set of claims expressing universal aspirations for a decent and dignified way of life. The social question transpired from the realm of labor to one of citizenship at large. The widening scale needs to be understood in the context of the variegated progress class-wise of the trend towards equality and political democracy in the Global North. Having already earlier gained the right to cast their vote, the political clout of the middle class loomed over and above the subaltern layers of society and materialized in the formulation of social policies which promised to serve the interests of a much larger clientele than those of the working class only. Expansion and enhancement of public authority climaxed in the emergence of the welfare state which haltingly came about in the advanced economies of the world during the first half of the 20th century. The universalization of social security rights, including health insurance, compulsory education at childhood, provision of pension, unemployment and disability benefits, widows and orphans' support, supplemented after World War II by childcare and old-age allowance, extended to people at work or not and contributed significantly to popular wellbeing. In the righteous jargon of politicians and policy makers, this comprehensive arrangement was known as care 'from the cradle to the grave'.

An important feature of a slow turn for the better was the buildup of a public economy larger than had existed before and which catered to all or at least pretended to do so. The first steps towards this shared domain in an attempt to bring the former notion of the commons to the national level dated back to the late 19th – early 20th centuries, with the establishment of municipal utility corporations for gas, water and electricity, for garbage and sewage disposal upgrading sanitation. Cooperative housing societies, the postal and telephone services, public transport and life insurance schemes were all set up at the behest of the commonweal and urban works were carried out to improve the physical infrastructure. And to top it all, public health and education became objectives of welfarism. Although branded as welfare capitalism, the expense allowing for life-cycle security and protection was provided by

the public treasury and not born by the private owners of capital. The creation of the welfare state was inextricably linked to the emergence of public institutions, space, agency and funding. The flipside of a steadily expanding public domain was high – albeit income-graded taxation – and resulted in the creation of a huge bureaucratic apparatus not always properly and promptly responsive to its broad-based clientele [*Breman, Van der Linden, 2014*]. The so-called Second World of the Soviet Union and its allies in and outside Europe, once it came up and as long as it lasted, claimed to have put the social question at the top of the agenda. After all, it had its revolutionary origin in the promise to end exploitation and suppression of the working classes by capitalism. In the final quarter of the 20th century segments of the urban proletariat in China which had been the main beneficiaries of state-led socialism lost whatever labor rights to collective action were gained in the preceding decades. They surrendered not without protest when the tide of regular and regulated employment ran out [*Ching Kwan Lee, 2007*]. Instead of checking and reversing the march of capitalism worldwide, state socialism was ultimately defeated in the struggle for global power towards the end of the last century by the multiple forces pushing for an unfettered market economy. The failure reverberated far outside the countries concerned since it meant the disappearance of the only alternative to capitalism that had existed for some time. The dismantling of the welfare state where it had surfaced in a full-fledged or pristine way was much affected by the collapse of the Second World.

Latecomers and frontrunners in the quest for development

The progress realized in raising the quality of work and life remained limited to a small part of mankind which due to sustained growth came to enjoy higher standards of wellbeing in the course of the 20th century. It was a change for the better which did not spread to most parts of the Global South where deep poverty remained the condition in which the large majority of the overwhelmingly rural-agrarian workforce continued to live. The prevailing state of backwardness used to be attributed to the low production and productivity of their economies but a defiant school of opinion argued already early on that the stagnation resulted from subjugation to colonial or semi-colonial rule exercised from countries in the Global North. Subalternity to metropolitan powers

was justified with the doctrine of economic dualism suggesting that lack of economic propensity to produce beyond their minimal needs and amass wealth held a high proportion of the peasantry captive in backwardness and did not afford much more than bare survival. It was an assessment which blamed the oppressed peoples for their inability to lift themselves out of their state of improvidence. Sustained and intensified colonial domination was from the start of the 20th century retooled and magnified as a civilizing mission with the *mise-en-valeur* pledge, the commitment to ‘add value’ where it was considered to be absent [Sarraut, 1923]. It meant the endorsement of a racist dogma which justified and rationalized ongoing subordination of the breeds of mankind held back in an imperialist setting [Breman, 1990, Breman, 2015]. The forward side of the duality concept related to the intrusion of capitalism in the colonized landscape. After the abolition of slavery new forms of unfree labor were installed, on the pretext that the limited needs to which the ‘natives’ were habituated made them indolent and careless. It facilitated the recruitment in the backward economies of large armies of indentured coolies deployed worldwide to enclaves of capitalist production, such as mines and plantations throughout the southern hemisphere. The work contracts in which they were entrapped with connivance of the colonial state could not be reneged and protest or resistance against the harsh regime was brutally punished [Tinker, 1974; Breman, 1989]. The large majority of adults and minors engaged in self-employed or waged work in the externally dominated economies were firmly stuck in modes of production which remained primarily subsistence based and unregulated in nature. The formal-informal divide which became so prominent in the late 20th century has its antecedents in labor policies that emanated from the Global North suggesting that ongoing restructuring from informality to formality would eventually be the prescribed passage to emancipation.

In the wake of decolonization of the Global South around the mid-20th century – Latin America got rid of colonial rule already earlier on – the fairy tale of the white man’s burden did not fade away. It returned in the development paradigm which announced progress for ‘backward countries’ without elaborating on when and how their stagnation had come about. They were subsequently designated as ‘the underdeveloped’ or ‘lesser developed countries’ in an effort to make the condescending label less unpalatable. Under the posture of benevolent

guardianship the advanced part of the world promised to assist the societies which had stood up against imperialism in their attempt to break out of the backward mold in which they had been stifled. Economic growth, raising production and productivity, became the destined pathway while keeping intact the highly skewed divide in the distribution of property, power and control over resources that had come about. The profits gained were supposed to trickle down over time to the more deprived strata of the population and thus confirm the ultimate welfare of mankind at large in the march forging ahead. Clubbed together under the label of Third World the script laid out suggested that the latecomers in the pursuit of advancement would follow in the footsteps and accept as before the leadership of the nations which had been the trailblazers in the quest for development leading to progress for each and every one. The transformation aimed at was declared a major policy objective in the second half of the 20th century. The pivotal question raised was how to move steadily forward on the road to development and to speed up the pace of transition. The sharp contrast between advanced and backward economies remained underplayed rather than foregrounded and the emphasis now was on the catching-up process [Nayyar, 2013]. Reflecting on why the global divide rather than shrinking widened further was discussed more in dissenting discourses on the direction and shape of the political economy than in the frame of policies which were sponsored and executed.

In the post-colonial era the idea of a transitional route duplicating in a globalized world order the achievements of the frontrunners in the Global North has been challenged right from the beginning. The notion that in the aftermath of the successful fight for national sovereignty the countries held back in colonial stagnation would be put on the track to progress by their erstwhile rulers, who pretended that by now they were inclined to more altruistic policies than before, was met with skeptical appraisals right away. The joint strategy to reduce the wide gap in economic growth and sanctimoniously aimed at spreading welfare stands acclaimed as ‘development cooperation’. To start with, it is a fallacious construct, a make-belief fabrication which does not acknowledge a substantial drain away from the Global South during the epoch of colonialism in building up the lead position of the metropolitan economies. Contrary to the argument that the surge ahead which took place was largely or even only caused by internal dynamics, our contention is

that the leap forward in the Atlantic basin has partly been achieved by extracting surplus from countries in the southern hemisphere. Such transfers must have contributed to the in-country process of accumulation going on in the Global North. It is not a minor correction in a standard explanatory which tends to overlook the growing imbalance as the outcome of divergent trajectories which had their impetus in imperialism and its policies strongly bent on metropolitan interests. To this critical assessment other major diversions in the differential growth and development dynamics in the world, separated from each other in a prolonged time span, should be added. The most significant of these distinctive features are in condensed format summed up below.

Of major importance is, in the first place, the much lower manland ratio in mid-19th century Europe as compared to the very high pressure on agrarian resources hundred years afterwards. This predicament is to a large extent the outcome of colonial rule, in Asia in particular. While the push out of agriculture and the countryside of the European continent between 1850 and 1914 must have amounted to a ballpark figure of 120–150 million people, the exodus going on one century later out of the rural-agrarian economy in the major countries of South-, East- and Southeast Asia adds up to a staggering 700 million or more of mostly land-poor to landless peasants in a much shorter time span. Propelled by a growing lack of employment and income opportunities in and outside the primary sector of production in the countryside, a major contingent of these uprooted masses redundant in the rural economy endeavors to establish a foothold in the expanding urban economy. However, work in industry which became a first order alternative after the loss of agrarianrural livelihood in erstwhile Europe, has remained modest in size in the post-colonial societies. It means that the newcomers to the towns and cities of the Global South mainly rely for their mainstay on earnings made in construction, transport, petty trade and services. Even in China, reputed to be today's workshop of the world, industrial jobs absorb less than half of an estimated 350 million migrants who have left the countryside during the last quarter of a century. In India as well as in other Asian countries, the size of the industrial workforce is much lower even if next to factorized labor self-employed craftsmen and home-based manufacturers are included in this sector. Secondly, prospects of a spurt in industry providing employment to a much larger percentage of the total workforce are slight for another

reason as well. While the first stage of the industrial revolution in the Global North continued to be very labor intensive, made manifest in more hours spent at work than before, technological advancement – mechanization, followed by automation and robotization – led to much higher labor productivity in combination however with a fast rise in capital intensity. Thirdly, the switch back currently going on to a thoroughly informalized economy based on flexible employment in all sectors has been accompanied by jobless growth all around. The workforce that remains engaged in industry although higher skilled than before, may have shrunk instead of expanded in size. The overall outcome is an enormous upturn in the reserve armies of labor at drift in the countryside or circulating between the rural and urban economy.

Finally, a significant difference with the transformation in the Atlantic Basin during the late-19th – early-20th century has to do with the role transmigration played then and now. When in Europe the countryside started to shed people, part of the workforce that had become redundant did not settle down in towns and cities within the same or a neighboring country but left for remote destinations overseas. The bulk belonged to the lower classes and while many of “the deserving poor” went on their own initiative, “the undeserving poor” among them were forced to leave for other shores. Massive outmigration was instrumental in mitigating the pressure on the labor market at home. The earlier waves of emigrants settled down in the underpopulated zones of the planet – North and South America, Southern Africa, Siberia, Central Asia, Australia and New Zealand – in the hope to find better livelihood. The underpopulated territories on the global frontiers happened to be inhabited by tribal people who were driven off or wiped out in the march of what was claimed to be towards a higher level of civilization. There are no more ‘empty regions’ in today’s world (see also: *Sternberg* 1951:62-4). People driven by distress trying to get out of the Global South in desperate search of work and life somewhere else are not any longer portrayed as brave and sturdy colonists bidden welcome in the country of arrival but have become labeled as economic refugees. If escape from poverty is their aim – which it also was in late-19th century Europe – they are even less welcome than newcomers at least equipped with skills, physical strength as well as social capital to provide for their livelihood.

The disappointing outcome of five decades of developmentalism led at the turn of the 20th century to the declaration of the so-called Millennium Development Goals aiming at a worldwide reduction of poverty as the prime objective. Levelling down the march to human progress to poverty alleviation and the diminution of the development rhetoric to this shallow ambit has been hailed as a remarkable success story fifteen years later. Our note of dissent differs from the claims to universal development made. In the first place because of a willful neglect to highlight the steadily widening gap between the *haves* and the *haves-not* resulting in aggravating the political and social contrasts between top and bottom worldwide. In the second place because the initially firm although by now slowly fading belief in a trickle-down of the growth benefits to the disprivileged classes ignores an accelerating immiserization down below resulting from dispossession, dislocation and disenfranchisement [Breman, 2016]. There is no lack of findings which suggest that a substantial part of mankind continues to be deprived of the basic means of subsistence. Stuck in pauperism, these people remain excluded from a life of human dignity.

Global capitalism

In drawing the final balance of the Millennium Development Goals, the authorized view sent from the headquarters of capitalism is that poverty in the world at large has been alleviated in accordance with the stated target. Bringing a growing number of people above the threshold of deprivation is shown as the successful outcome of the policy of neoliberalism. Anxious to keep the spread of good news going, the World Bank has made it known that by the end of 2015 somewhat less than one in ten human beings are still stuck in deep poverty [Ferreira *et. al.*, 2012]. Due to a steadily trickling down of the fruits of growth? In 1990 when the global poverty line became set for the first time the yardstick was the ability to spend not less than one dollar a day per capita. After hiking this amount to \$ 1.25 in 2005, the international poverty line based on the purchasing power parity (ppp) index was further raised to \$ 1.90 in 2011 in order to take care of rising prices. The felicitous conclusion of gradually diminishing deprivation all over the world – from 14.5 percent in 2011, to 12.8 percent in 2012 and, hopefully, to below 10 percent in 2015 – stems from fixing the take-off

point at a budget considered to be salient for the people living in what are identified as the catch-up countries in the world. The calculation fabricated glosses over the important distinction between poverty and pauperism and attests to a gross denial of the immiserization to which the subaltern classes of mankind are subjected. Not least because in this statistical exercise the part of the population sliding downwards in the advanced countries, which have fixed a poverty line at least five to ten times higher than in the ‘developing’ countries, is totally disregarded. It is an oversight compounded by the assumption that indigence is a condition which is absolute rather than contentious and it also defies the point of view that poverty should be perceived as a lack of means which has to be defined both in relative as well as relational terms. An out of hand renouncement of the consequences this appraisal has for posing the social question testifies to an ideological *parti pris* which resonates in the Bank’s documents and reports meant to address an audience of stake-holding believers. The ongoing global downfall is not one of capitalism, as Immanuel Wallerstein has been arguing for a large number of years [*Wallerstein, 2000*]. The current crisis should rather be understood and tackled as indicative of an alarming shortage of gainful employment and too low a price for rewarding an incessantly growing workforce in the world. Having fixed the base line of extreme to moderate working poverty at \$ 3.10 per capita per day, the ILO points out that about half of the working poor in South Asia and two-thirds of them in sub-Saharan Africa earn less than that (ILO 2017). The same report forecasts that the pace of labor force growth will outstrip job creation resulting in rising unemployment. In an epoch of accelerated transnationalization the global crisis finds its origin in the capitalist logic that makes it impossible to hold out the prospect of life in human dignity to a huge mass stuck in destitution at the tail end of the globalized economy.

The contradiction welfare-versus-poverty which for long has been studied and written about in the context of the nation-state used to coincide with a distinction made between higher as against lower developed societies. In the analysis which now has to be foregrounded the dominating trend of increasing inequity appears to indicate a growing divergence between social classes rather than between countries. While inequality *between* countries seems to be slowly decreasing, inequality *within* countries has been rapidly growing. For the Global North the progressive flow of wealth to owners and managers of capital has been

amply documented [Piketty, 2013]. When property increases in size capital accumulation appears to expand progressively. Conversely, with a decreased concentration in the volume of property the rate of accumulation declines. It also means that once dispossession sets in, the ability to accumulate gets lost. In the World Development Report 2015 *Mind, Society and Behavior* the absence of accumulation is explained differently. The World Bank's appraisal is that the remaining poor in today's world fail to moderate and phase out whatever they earn by self-disciplined economizing but tend to give in to instant gratification of their felt needs. Instead of cutting down on expenditure to the extent possible, they are branded as impulsive, instant consumers of all the income gathered. It is this 'uneconomic behavior' which prevents them from lifting themselves up and out of indigence. What should have been addressed as a major budgetary deficit – the consequence of excessively low earnings and under- or unemployment – is conceived to be a lack of foresight, an obnoxious unwillingness to see the light, i.e. to save up and invest. In this rationale building up a surplus, made manifest in the acquisition of property, cannot but lead to redemption from poverty but such behavioral predisposition is reported to be sadly missing. In total disregard of the important distinction made between need and want, an assessment which understands poverty as a relative state of deprivation, the Bank has endorsed a mode of thinking suggesting that the residual poor themselves are to blame for their dereliction.

It is an indictment of shortcoming which drums up the culture of poverty syndrome as outlined and debated in the late 1960s. A similar perception was also characteristic for the doctrine of economic dualism which in the colonial epoch portrayed the *homo economicus*, the individual profit maximizer, as a creature sprouting from Western civilization. The human *Gestalt* in the oriental part of the world, stereotyped as work-shy, impulsive and without an aptitude to defer gratification of their limited needs for the sake of accumulation, was held to be sadly deprived of righteous economic propensity [Boeke, 1953]. The construction of this divergent behavior, which justified payment of a pittance for the labor power mobilized, found a sequel in the dualistic contrast made between more versus less advanced economies in the early postcolonial era. The rediscovered and updated version of this dichotomy as discussed in the World Development Report 2015 does not refer any longer to civilizations or countries but is perceived to exist between

social classes. The distinction now emphasized corresponds with an earlier held notion which suggested that while bourgeois morality excels in genuine economic behavior – driven by a work ethos as well as a penchant for saving up – proletarian morality stood accused of a lack of both proper work discipline and thrift [Bremen, 1969]. Our main point of criticism is that the Bank in its latest judgement sets out to comprehend intense poverty by laying stress on the defective mindset ascribed to the people entrapped in this dire predicament. Only their doings and misdoings are highlighted. Apart from the biased way in which their behavior is stigmatized, our prior objection to this biased wisdom of the problem is that the larger context in which poverty figures remains completely unaddressed. It means that from the start no other explanation for the root cause of destitution is considered than individualized shortcomings of the victims to be diligent and austere. In our dissenting opinion indigence should be associated with a structured absence or loss of property, of land and cattle, tools, skills as well as goodwill. Last but not least it means forfeiture of control over one's own labor power, i.e. the ability to decide when, where and how to engage in waged work. In the current shape of capitalism a substantial segment of the global proletariat is not double-free in the classical sense – free from the means of production as well as free to bargain its labor power in the market for the highest possible price. It is an argument that leads us to perceive the accumulation versus dispossession binary as dynamics which are not disconnected but interact in tandem with major consequences for a thorough realignment of the social fabric or even of tearing it apart. Foregrounding the interdependency between growing wellbeing and impoverishment implies that alleviation from deprivation requires redistribution of the sources of existence. It is a policy course which transcends by far the position and action the World Bank is willing to take. The failure of halfhearted attempts at poverty alleviation which continue to rely on the trickle-down magic and its dismal outcome fly in the face of the propagated news that the Millennium Development Goals have been successfully achieved. It apparently leaves no other conclusion than saying that the remaining poor lack the willpower required to work their way up and over the threshold of indigence. The victims of exclusionary politics are consequently conceived as being devoid of the drive to defer their immoderate habits, to spend frugally

and thus imbibe the accumulative instinct which would solve their livelihood shortfall, the World Bank has let us know.

As argued in the preceding section the transformation in the Global South differs in a number of respects from the path of development which materialized one century earlier in the Global North. Without distracting from the dissimilarities mentioned and the impact they had, the divergent routes that were passed through have lately abated or even have been somewhat redressed under the globalized regime of neoliberalism. Nevertheless, the slow pace towards differentiation between the two hemispheres goes together with exploitation of the working classes each and everywhere. The reversal in the earlier trend of ever more inequity between both halves of the planet is made visible in the pace and impact of economic informalization throughout the world. What in the early 1970s became coined as the informal sector was until recently held to be exemplary of the economic order in developing countries. A tiny fraction of the total workforce succeeded to find access to regular and regulated, higher skilled and better paid jobs which substantiated economic modernization. The emancipatory transition gave rise to the introduction of labor laws which offered protection to what came to be seen as a privileged vanguard in the global economy that managed to get organized in trade-unions which bargained for better terms and conditions of employment. The standard labor contract as it was termed has actually been of short duration and restricted to a small segment of the global workforce. As Marcel van der Linden [2014] has rightly commented, the crucial question is not why the lack of security is returning, but why it was possible to reduce such insecurity for a small share of the world population for a couple of decades. What should not be overlooked, however, is that a similar standard labor contract also became the organizing principle for the urban-industrial workforce in the Second World, i.e. in the Soviet Union, Eastern Europe and China.

The initial assumption that formalization of industrial relations would expand and ultimately streamline conditions at work in the world at large has failed to be achieved. On the contrary, while for some time the proportion of formal sector jobs hardly grew at all, the owners and agents of capital towards the end of the 20th century decided to change track and turn the policy of regular and regulated employment in the opposite direction. These taskmasters of informality proclaimed that it

would generate more work and higher wages while in reality it has cheapened the price of labor. The suggestion that anybody willing and able to work can be accommodated in the informal economy is one more fable that needs to be dispelled. Whereas under- and unemployment are considered to be facets of the formal economy it is actually not less common in the informal labor market although more difficult to figure out and quantify because of the constant rotation between being at work off-and-on. What was supposed to follow an emancipatory trend promising social protection and security for the common man in today's world has been overtaken by a rising tide of employment shortage compounded by an absence of public safety nets. It is a setback written up as flexibilization of work and care. Its major features are: no regulated jobs backed up by a labor contract but casual hire-and-fire according to the need of the moment; a variable length of the working day fluctuating between too short or too long; no standardized wages with a fixed minimum but piece-rated remuneration imposed arbitrarily and individually by the employer or his agent; erratic payment, either given by way advance or settled afterwards but in both cases a modality meant to reduce the labor price; injurious working conditions at sites which are unclean, unhealthy and hazardous or dangerous leading to occupational diseases and injuries; no safeguard against dismissal, loss of labor power and unemployment; no gender or age-wise protection; self-representation instead of collective bargaining and self-employment coupled with self-provisioning. What deserves to be highlighted is that this slide back in labor welfare has not remained restricted to countries which used to be classified as belonging to the Third World. Also in the landscape of the advanced economies informality and informalization have rapidly spread during the last few decades. The lesson to be drawn from these dynamics is the need for a critical reappraisal on the professed course of the development process.

The trajectory separating frontrunners from latecomers has not come to a halt but now moves in the opposite direction. Instead of the Rest following in the footsteps of the West, the countries clubbed together under the latter label seem to head towards a future which, as far as the capital-labor relationship is concerned, will result in ever more disparity. In the recent past the skewed inequity in the growth process used to be considered a characteristic feature of countries lagging behind in a world of steadily higher prosperity. The development para-

digm announced in the mid-20th century has lost the drive it was ascribed with. After the eclipse of the Second and Third World the term First World is now also in urgent need of reappraisal. Does it mean that the distinction made in the policy jargon between developed countries and developing ones has become obsolete? In the light of the huge divergence which continues to exist in per capita income this conclusion would seem to be farfetched. Besides, in the Global North there are still vestiges left of the deal struck with labor in the 20th century when the economy was predominantly run along formalized lines of employment. A strong indicator of the divide that continues to exist is the state budget spent on social security and protection. While developed countries on average are used to set aside about 14 percent of gross domestic product on inclusive schemes for coping with lifecycle contingencies – provisions spent on old age, maternity, childcare, widowhood, disability and absence or loss of employment – such expenditure is at best 3 to 5 percent or stuck at a still lower rate in most developing countries [Townsend, 2007]. Indigence in magnitude, shape, duration and degree is much starker in the Global South than it has become in the Global North. Nevertheless all said and done, while the dividing lines remain insistently drawn along national boundaries – countries separate or grouped together in regional blocks – we observe across the board a more antagonistic clustering, one between social classes. Our submission is that the significance of these structural gaps segregating the ranks of the *haves-not* and the *haves* worldwide, unfortunately remains severely understated in terms of social consciousness and collective action.

Growing imbalance between labor and capital

When the social question became manifest in urbanizing-industrializing Europe during the late-19th century the expanding state machinery opted to engage in the confrontation as mediator between the interests of capital and labor. The balancing act of the state was to a large extent inspired by the perception that in the long run progressive inequality and social exclusion would be detrimental to economic growth, political stability and collective welfare. To increase the purchasing power of the laboring poor was considered to be also in the best interest of the classes above the poverty line [de Swaan, 1988]. The

same logic underlay the build-up of a large and non-privatized sector understood as the public domain which had an earlier heritage in the concept of the local commons. The gradual universalization of a wide range of social benefits found expression in the provision of state support, to begin with for the workforce and subsequently extended to all who could claim citizenship. Altogether these amenities and facilities, which were run by statal and para-statal corporations, generated broad-based welfarism with the government as a major employer, a strong promotor of labor rights and a provider not only in redemption from want but also as harbinger of universalized social protection and security. However, where the welfare state was constructed, mainly in the Global North, it has been slimmed down or even formally abolished when the pendulum of policies and politics began to swing to neoliberalism. The streamlining of the globalized economy in the late 20th century has been accomplished by reversing the role of state authority in the advanced economies from its earlier demeanor of a third-party mediator between the main stakeholders to open and abrasive promotion with what capital demands. The scaling down of welfarism went hand in hand with a fierce and thorough dismantling of the public sector wherever it had been built up in the preceding decades.

The International Monetary Fund (IMF) and the World Bank, the two transnational corporations set up by the Bretton Woods system of multilateral financial management, broadened their original mandate which in the beginning mainly focused on the advanced economies. Increasingly, both agencies started to extend their operations to the lending of loans to Third World countries with conditionality clauses meant to prevent or undo fiscal imbalances. Announced as structural adjustment programs (SAPs), policies were advocated in the 1980s and 1990s which privatized and deregulated what had been the prerogative of state-directed management operated through the national treasury. Under the Washington Consensus no transnational agency was charged with a social mandate. The policy shift to boost the “free market” led to much reduced funding on social sector expenditure and a major contraction of the sizable public economy which had been generated. Pressing for self-employment, self-provisioning as well as self-representation did not only succeed in lowering the price of labor but also raised the barrier to collective action. Those who spoke up on behalf

of labor could henceforth be brushed aside. In blatant denial of the distortion which came about in the balance of interest, Poverty Reduction Strategy Papers were announced to suggest that higher rates of economic growth in the developing countries would be both a necessary and sufficient condition for welfare to trickle down. The fading away of the state as a broker between capital and labor was the outcome of the neoliberal strategy, first made mandatory in the Global South, but after the turn of the last century also imposed on the Global North to become dominant the world all over.

Extravagant enrichment and abject misery are the polar ends of a trend towards progressive inequality. The debate on how to conceptualize the informal-formal dichotomy remains mainly concerned with what happens to labor. In our opinion, for no good reason at all since capital has become informalized in a similar manner with growing intransparency as a consequence. Under neoliberalism the economy at large is pervaded by opaqueness and the same dissolving trend – a lack of public clarity, distinctness and accountability – has also spread to the realms of governance and politics culminating in a structure and culture of informality all around. The preoccupation with the poverty issue in what are announced as development policies tends to overlook or play down as a temporary phenomenon the widening divide between the social classes at the top and bottom of the globalized economy. However, the dynamics of escalating disparity contributes to the erosion of democratic legitimacy. The multi-party batch of politicians which bought the gospel of neoliberalism lock, stock and barrel has lost credence among major segments of the electorate. The powers that be nevertheless persist in selling the idea that any other design than the one stoically relying on the unrestrained interplay of market forces would negatively affect economic growth. The strategy betted on is and remains an atavistic beggar-thy-neighbor policy dressed up in a stated my win versus your loss gamble. If a still better future is not ultimately awaiting all and sundry, the message broadcasted from official quarters is that at least the current life-standard will be safeguarded. Carefully kept beyond the radar of this empty reassurance is that the growth taking place in both the advanced and catch-up economies is by and large jobless and benefits capital to the detriment of labor. Underlying this roadmap is in Paul Cammack's phrasing [2004] 'deep' neoliberalism, i.e. the intent to reshape the social fabric and institutions

aiming at increased labor productivity and competitiveness across the world in an all-out attempt to boost market forces. Although presented as poverty reduction the policy design behind the stated objective boils down to proletarianisation and rank competition among the globalized workforce.

Although unemployment and underemployment in the informalized economy are much more difficult to find out than used to be the case in the formal economy, and is therefore hugely understated, our conclusion is that a thoroughly flexibilized labor-market has deteriorated employability and led to insecurity and lack of protection throughout the workforce wherever located. The drive towards informality was not only inspired by the ambition to bring down the price of labor. A hidden objective of no lesser importance was that this regime happened to make it much more difficult to mobilize resistance against the dictate of capital [Bremas, 2013]. With unbound individualism as the organizing principle of competitive society, workers are intimidated by their employers, contractors and jobbers to shy away from collective action. Our perception also disagrees with the argument purporting that together with the hired-and-fired workforce the self-employed, labelled as micro-entrepreneurs, are quite successful in the struggle for a better deal and manage to gain visibility, recognition as well as legal standing. But orchestrated resistance does occur also in the makeshift economy and in our view both the practice of as well as the further scope for collective action in the worldwide landscape of informality are much understated. The marxist notion of surplus population has come to dominate the political economy all around. In the milieu of the down and out the old fear instilled and spread from above that worse than being exploited is no exploitation at all seems to have made a comeback. This looming threat plays an important role in building up barriers each and everywhere against the intrusion of 'outsiders' in niches occupied by those who claim the exclusive right to entry on the basis of identity politics.

As prominent designers of the neo-liberal regime self-charged with steering the current world order, World Bank and IMF persist in promoting the undiluted and untaxed transfer of capital as the cornerstone of policy and governance. Is the principle of unrestrained mobility also applicable to labor? Most certainly not and in the *World Development Report 1995* the main architect-cum-stalwart of global capitalism

explained why the transnational free flow of labor should not be condoned [see: *Breman*, 1995]. The World Bank concedes in this dated document that the cost as well as time involved in bridging distance has gone down and that knowledge of plus connectivity with the outside world has expanded. Consequently, labor migration abroad has accelerated both between developing countries and from the latter to the developed ones. Resistance to an unregulated influx of aliens is mainly caused by rejection of all those who do not ‘belong’, ridden with an identity at variance with the local stock of people born and bred in the country of immigration. The denial of entrance to outsiders has taken political shape and stems from a growing shortage of employment opportunities for ‘our own folk’. Ethnic tension and xenophobia appear to increase everywhere, not least so in the United States and across Europe. Weighing pros-and-cons the Bank has gone on record in favor of a time-bound entry-cum-exit policy, although such mobility implies a constant coming and going away again of circulating migrants. They are meant to remain deprived of forms of social security and other benefits to which citizens of the host-country are entitled. It is a stratagem which refuses to take account of the non-economic cost of individualized migration, as for instance manifest in the breaking up of households. Rotation of segments of the workforce, the Bank claims, can contribute to stabilizing the labor market in the country of origin and thus help in reducing the pressure for illegal migration. In the receiving countries, the proposed policy is likely to result in the formation of a footloose underclass shorn of minimal protection against exploitation and oppression, as has become standard practice over the last half century, e.g. in the Arabian Gulf region. This is not an issue, however, which has brought the Bank to a critical reassessment of its favored recipe. A doctrine of blatant racism has emerged in many parts of the world made manifest in autochthonous supremacy over alien subordination. Labor in the globalized economy is prevented from uniting and jointly fighting for their interest – decent work and dignified life – by promoting fault lines of segregation around first-order loyalties such as gender, race, ethnicity, creed, caste and in important ways also nationality. No common claims can be derived from the laboring status since they clash with what are perceived as overriding loyalties. In contrast to the political appeal ranging from a neo-conservative to a social liberal mindset to foreground *Blut und Boden* interests harping on supe-

rior insiders versus inferior outsiders, the laboring existence would have to be constituted as an overriding identity which calls for alliances finding expression in solidarity. The retreat into parochial sentiments should be regarded as the consequence rather than the cause of the inability to coalesce in a class entente which is truly gendered, international as well as inter-ethnic and multi-religious based on a proletarian consciousness.

The fallacy of self-provisioning

In the management of the globalized economy the emphasis has been on the free flow of capital while the mobility of labor is restricted in many ways. The policy promoted is meant to privilege and protect capital maximally while in a race to the bottom the cost of labor is much reduced. However, next to capital also labor endeavors to get out from social control at the level of the nation-state. At present we are witness to the flight of large numbers of people away from war-torn regions in the world, an exodus caused by failing or failed states unable or unwilling to protect the lives of their citizens. Behind this breakdown of public authority, of peace and order within the national boundaries as well as beyond, forms of societal rupture and disintegration can be detected which illustrate the growing lack of gainful work for people with no other means of existence than the yield of their low-grade labor power. The state of dispossession in which they are compelled to live does not prevent them, however, from trying to escape to other shores. The striking imbalance between the two main factors of production is sustained and strengthened by the absence of a transnational agency invested with the formulation and implementation of a Global Social Compact. Growing enrichment as the outcome of progressive amassment of wealth among a thin top layer of the world's population goes parallel with a poignant lack of income which the working and non-working poor need for sustenance. Joblessness increases and much more than the ILO has calculated on the basis of incomplete and disputable statistics [ILO, 2017]. No better evidence of the stark polarity that exists than a couple of dozens mega-rich persons owning as much as half of mankind has to live on. But the indigence at the bottom of the globalized economy seems to be much more difficult to document and highlight than the brazen opulence at the top.

Sheer lack of connectivity with faraway destinations together with lack of money to pay the high price of the often illegal and tortuous passage leaves most would-be refugees entrapped at home. The reserve armies of labor amassed in the Global South are stuck in a prolonged state of un- or underemployment, cut off from regular and decently paid jobs which in their imagination are available elsewhere. Together with the non-working poor they are in rapidly growing numbers exposed to pauperism, Contingents from the Global South desperate to reach a “safe haven” in West and North Europe, Russia, North America or Australia tend to be equipped with an identity somewhat higher up in the class ranking, have enjoyed some degree of skilling or schooling and with familial support try to buy their way outside. They cross frontiers *sans papiers* and travel in the hope of good luck, often without knowing in advance where they will end up or wash ashore. Depots have been established either halfway or on the receiving end in which these flotsam and jetsam castaways are held in isolation, locked up because they have been found guilty of illegal trespassing during their journey. In the middle of the 20th century the term d.p. – displaced person – was coined for the registration of people who had lost hearth and home. Half a century later the abbreviation seems to express the fate of dumped people, arrested and detained out of sight for causing nuisance to citizens with a legal status of residence. When politicians insist that refugees have to be dealt with in or close to their country of origin, it is in euphemistic reference to detainment in permanent exile, end-stations for people considered to be surplus to demand.

It is striking that the faint attempts made to redress inequity, resulting from an extreme maldistribution of property, power, privileges and penalties, have failed at the global level but hardly less so within the setting of the nation-state. The stark disequilibrium has not prompted the bunch of neo-conservative to neo-liberal politicians to reconsider their policies of leaving the staggering bonanza of riches untaxed. Instead they have opted to reduce the tax-levy more in order to stimulate consumption and add to the sharply skewed split of the spoils by rewarding capital with incentives and subsidies. Rationality is seen as one of the defining characteristics of capitalism but that claim has to be exposed as fake, as a ploy to rationalize the uneven way profit and loss are split up. While the drive to boost the free operation of casino capitalism goes on as before and a much required levy on financial

transactions is not enacted, at the other end of the scale the laboring and non-laboring poor are wont to bear the brunt of a fiscal policy which leads to a drastic underfunding of the budget spent on the social safety net. Solutions earlier suggested on how to close or at least reduce the gap between prosperity and poverty were based on the logic of proportional representation and distributional justice pertinent to an ethos of equity which aimed at structuring economic, political and social life. The fading away or even the reversal of this approach, firmly rejected by disciples of the free market enterprise but with similar zest also by one-party dictatorship as in China, would seem to find its origin in the unwillingness of the well-to-do classes everywhere to share their gains with the impoverished masses of mankind at home and with those far away even more so.

The strategy promoted has allowed capital to escape again from societal control but now in a context which is different from the one Polányi described and analyzed for the Western economies in the mid-19th century. In contrast to the trajectory in this advanced part of the world, reembedding capitalism again within the perimeters of the nation state is a moot possibility. There seems to be no assertion of political forces which strongly campaign in favor of harnessing capital captive within national boundaries. But voices can still be heard which have vested their hope on a safety net in the form of a cash transfer by the state to the impoverished underclasses. It has been argued that since the working classes may have lost the capacity to bargain for a better deal with the hirers of their lowpriced labor power casually and intermittently, they now have turned to the state for social protection and security. Indeed, vote bank politics do pressurize governments, democratically elected or not, to hand out some basic benefits – such as old age pensions and maternity allowances – together with a range of consumer goods as freebies to overcome or at least mitigate vulnerability. From various sides it has been suggested that the provision by the state of a Universal Basic Income (UBI) would solve the social question once and for all. When we beg to disagree it is because the idea that the poor could rely on the benevolence of the neoliberal state is an idealized image difficult to substantiate. The strained public budget in the prolonged setting of neoliberalism does not allow governments to spend on what is minimally required to keep the poor masses free from dire need let alone to provide them with income enabling a livelihood beyond

sheer reproduction. There seems to be more solid evidence of politicians and authorities engaged in condoning instead of preventing vulnerabilization. The lesson to be drawn from this impasse is in our opinion a different one. Rather than allow capital to remain shielded any longer behind the state and its policies, it should be confronted head on and held accountable for the wellbeing of both the laboring and the non-laboring poor in the world of today.

Announcing its latest flagship publication *Poverty and Sharing Prosperity* (2016), the World Bank belatedly agrees that tackling inequality is vital to end excessive poverty by 2030, the new signpost for sustainable development. How to achieve this feel-good ambition? It would require a more equal income distribution and that means a hike in the floor price at which labor is made to sell itself backed up in some undefined way by employment formalization, the Bank now concedes. The new document reluctantly acknowledges that the trickle down mechanism does not operate as earlier proclaimed. It reads like a tour de force, a major reexamination of policies not so long ago vigorously prescribed but the recommendations are not followed up by any concrete suggestion to change the way the thoroughly deregulated labor market operates. Of course, no mention is made of the urgent need for a Tobin tax on capital changing hands and the stagnation of real wages since the 1970s in the advanced economies also remains carefully covered up in the analysis. The IMF concedes the declining share of income that goes to labor in many countries since the 1980s but relates this downward trend under neoliberalism to technological progress which lowered the price of investment goods and thus made it attractive to substitute labor for capital [*World Economic Outlook*, 2017]. Not acknowledged in this biased interpretation, however, is the fast change in employment modality (i.e. hire-and-fire instead of regular jobs) and its concomitant loss of labor's bargaining strength. Moreover, while pretending to target income inequality the World Bank glosses over the even more striking issue of wealth disparity. Our contention is that the fight against income inequality will turn out to be meaningless if the divide between wealth and poverty remains unaddressed. On further reading what sharing prosperity actually implies, it seems that the policies practiced so far may not have to be reformulated after all. This hardly surprising conclusion is reached with the argument that from 2008 to 2013 the share in income of the bottom 40 percent of the world's population

has considerably gone up and we are asked to believe that their gain in income exceeded that of the top 60 percent. It would, of course, have been setting a hopeful trend and more so on being told that the levelling down of excessive inequality also took place at the high tide of another Great Depression, the one of the 1930s. As usual, however, the Bank's arithmetic is founded on biased and otherwise disputable statistics. Informal and precarious are in the literature by and large synonymously used and tend to be paired as alternatives. While informality seems to be more *en vogue* in the Global South (with the exception of Latin America), precariousness has wider currency in the Global North (Europe, USA, Australia and Japan). When we nevertheless give preference to the first term, it is because informality does not merely concern how labor power is made use of or not. As already mentioned above, it has no lesser relevance for the way in which capital – unhampered by any precarity – is insidiously kept nontransparent and facilitated by state power, allowed to escape from public taxation in this epoch of accelerated globalization. As pointed out before, informality is under the regime of neoliberalism the organizing principle of the economy at large, of both labor *and* capital, but has in addition also come to dominate the shrinking terrain of public governance. Financial transactions not registered in the books of the government and beyond the reach of the national exchequer are labelled as a black circuit. The non-coverage of such covert and illicit flows is indicative of the widespread informalization trend to which capital next to labor is subjected both nationally and internationally. Stephen Kidd discusses omissions referred to above in the World Bank's appraisal of severe inequality and how to bring it down. The thrust of his critical comment is that high coverage or universal schemes are much more effective in addressing inequality than low quality programs specifically targeting the poor which tend to be small in size, unduly selective and open to leakage because of unwarranted inclusion as well as exclusion: [Kidd, 2015; see also: Kidd, Damerau, 2016]. While he is probably right in arguing his case in favor of universality, the drawback of such all-inclusive schemes is that they are more costly and demand much higher levels of taxation than politically condoned. This is where the main obstacle arises: a public budget crunch. The idea of universality as an organizing principle of welfarism presupposes the existence of a commonweal, if not at the global than at least at the national level. Our perception is that in the world dominated

by capitalism in its current shape, the better-off classes do not abide any longer – if they ever have – with the maxim of a common destiny in which all who aspire to belong have the right to be included. With a low tolerance for collaboration, solidarity and sharing, the capitalist ethos glorifies competitive individuation driven by the uncompromising urge towards more and higher profit. It means discarding all those unable to either resist or comply and who are left to their own coping efforts. It is a habitus which lacks compassion and declares the poor en masse to be undeserving.

The level of taxation required for universal welfare programs in the developed as well as in the developing economies is simply not available due to the unwillingness of capital to invest in a better livelihood for citizens of its own territory let alone for humanity *in toto*. The black money in circulation beyond the state exchequer is difficult to estimate but might be close to or even more sizable than the amount of cash legally changing hands. Free market enterprise happens to be backed up by political and administrative authority at the level of the nation-state willing to go along with the directives of rapacious capitalism. Handicapped by the absence of forceful, transparent and effective governance in the local, national and global realm, it seems rather far-fetched to presume that financialized freebooting, which has a strong lobby in private banking, is going to be brought under public control. The most likely sequence of what is in store may well be the collapse of the hegemonic mode of production in today's world as a result of its own internal contradictions. But the downfall of capitalism could already be precipitated by the demise of popular democracy and the civil liberties it entails; such as uncensored expression of opinion, freedom of association, respect of human rights and the rule of law. That eventuality is signaled loud and clear and can be illustrated also by the surrender of equality as a civilisational ideal. It is a dismal prospect inspired by the ultimate failure to reconcile the ever widening economic gap with the dictum of social justice and universal franchise.

Conclusion

The world all-over the rich and poor have disappeared from each other's presence and even sight. They live in different domains and the lack of interaction means that the moral bearings of the social question

got lost. Naked capitalism does not only protect and prioritize wealth but also hollows out the fabric of civic cohesion which is required to care for the segments of mankind written off as redundant, all those unable to care for themselves. In 1911 a New York factory fire caused the death of 146 garment workers, most of them women. The disaster led not only to legislation safeguarding employment in sweatshops but also gave a boost to trade unionism. A century later such calamities happen to be regular occurrence in the global South. Between 2013 and 2016 close to two thousand garment workers in Bangladesh and Pakistan died when their factory collapsed or burnt down. Nevertheless, business is going on as usual and management practices in this branch of industry have not become less onerous. This workforce in South Asia, casually employed on informal terms and conditions, has been prevented from getting organized to fight against their exploitation and oppression; attempts to go on strike in late 2016 were met with police brutality. The sweatshops of Dhaka and Karachi are integrated in the global commodity chain and find a ready market for their stock in the world at large. The garments cost next to nothing and tempted by the lure of consumerism their multiclass buyers do not much bother to know that the sweat, tears and blood of the producers is included in their cheap-priced purchase.

So far it has been easier to rage and rally against capitalism than to come up with alternatives remedying the damage done and harm inflicted. The TINA argument hailing the salvation of neoliberalism stands refuted because in its advance over the world it has not brought and spread the welfare promised. The need of the day is for a return of collective action, bottom-up instead of top-down, and to figure out a repertoire of common-property arrangements [Harvey, 2011] conducive to a shared, austere and circular economy. Clearly, such a deep and lasting reform meant to end unbound privatization is not going to happen overnight. It would require the regeneration of public space, institutions and agency in order to build up again the kind of cooperatives for production, distribution or consumption which have fallen prey to the onslaught of capitalism. Do the people at the bottom of the global economy constitute a dangerous class? It might be more appropriate to classify and treat these masses as an endangered species [Bremen, 2013, Bremen, 2016]. Hordes of dismissed and unemployable workers breaking up in Luddite frenzy computers, robots and other labourless means of

production is not a very plausible prognosis. At the same time, eruptions of violence resulting from naked discrimination and frustration reaching a boiling point are bound to flare up. With the global domination of capitalism the reserve army of labor has become larger than ever before although unevenly spread over various zones, much more in the southern than in the northern hemisphere. The large majority of the poor in today's world are unable to find succor in care arrangements. Social policies have become market driven and the dispossessed are not any longer eligible for citizenship and all that it offers since they only have their lowly paid labor power to live on. Beyond the pale of inclusion they roam around for work, whatever and whenever it can be found. It seems that everywhere women more than men are victimized while also the absence or withdrawal of limits set to enter and exit the labour process – badly affecting resp. children and elderly – needs to be highlighted. Earlier treated as belonging to the deserving poor, the loss of that protective status implies forfeiture of their access to public relief. The punitive welfare reform as designed and executed in the USA since the late-20th century [Katz, 2013, p. 194–202] might become standard for disciplining the chronically unemployed worldwide. In much of the Global South such down-and-out people seem to have wasted even their value as a commodity let alone their human quality.

Forced to rely on self-provision the people classified as 'the underclasses' in today's world have become detached from the commonweal languishing in a state of invisibility. How does this 'surplus' segment of mankind jettisoned as redundant to demand cope with their progressive adversity? By falling back on makeshift solutions which are of long standing, such as to try and get support from family, neighbors and others close to where they work and live. Loans from kindred do not come cost-free but there are felt as less troublesome than getting them from occupational moneylenders. Out of necessity many households have become multi-locational with members – both adults and minors – hiving off to go wherever and often for as long waged work can be found; to bring dependents along would be an unaffordable burden. Disconnected from home and kindred, the imposed drift around means that life for such footloose labor tends to become individualized, deprived from the nearby comfort of elders or offspring. In addition there are small-scale attempts to ward off individually or collectively lasting setbacks by sharing expenses on seasonal ups and downs or life-

cycle events among people working and living in the same setting. It is the low-profile way of chipping into a collective fund, forms of mutual insurance as have always and everywhere been practiced. Claims on reciprocity are held up also in the household sphere since its members are supposed to take care of each other when called upon to do so. Due to a growing penetration and internalization of capitalist-driven consumerism, self-serving interest has made inroads in this prime unit of cohabitation leading in times of need to fragmentation, friction, fission and desertion where togetherness and sharing used to prevail. This concrete evidence of 'deep' neoliberalism explains why pauperism is often an ordeal that coincides with a break-up of the household in a drift to loneliness ending in *Entfremdung*, of even close affections. Under the reign of neoliberalism public schemes for poor relief have become less significant in shape and spread than they used to be in the past. The budget available for workfare, wherever still carried out, is far from adequate to alleviate intense poverty and the same applies to low-priced or cost-free food distribution. Experiments with universal cash transfer to guarantee income for basic needs are carried out here and there but for obvious lack of funding such experiments are likely to remain restricted in spread as well as time. Paucity of collective action does not mean that all casualties of exclusionary policies take their defeat hands down but individualized acts of protest are often to no avail. An exceptional case was the street vendor in a small Tunisian town who ended his life in self-immolation. Having failed to find a regular job, his efforts to scratch around at the bottom of the urban economy were met with police harassment and in agony he ended his life when livelihood of the last report was taken away from him. Such acts of defiance, though not rare, usually remain unseen and unheard but not in this instance. This young man's refusal to bow down under lack of work and freedom fueled an outburst of popular anger. It spread like wildfire and swept throughout North Africa and the Middle East in opposition to political, economic and social tyranny. It was early 2012 the beginning of what passed for the Arab Spring. Self-reliance is the simple and defective option that rests in the end with nobody but the victims charged to pay the price of non-compliance. Classified and treated as undeserving the massive casualties of redundancy are sooner or later condemned to pauperism. In the perception of mainstream society they constitute a resourceless, unattainable and defective underclass. To pre-empt these

outcasts from becoming a menace to general wellbeing, they need to be kept under formal scrutiny and vigilant oversight. How to handle their cumbersome presence? The simple pretense is that they are not there, have no right to existence and building walls is not really necessary to keep them in a state of invisibility. The verdict of blame, despise and threat attached to this underclass in the middle- to upper-class mindset boils down to the return of social Darwinism. It spells the demise of social welfarism in a world which under the aegis of unadulterated capitalism is flooded with people cast off as superfluous.

Bibliography

- Althammer B., Raphael L. & Stazic-Wendt T.* (eds.) (2016). *Rescuing the Vulnerable; Poverty, Welfare and Social Ties in Modern Europe*. New York / Oxford: Berghahn Books.
- Boeke J.H.* (1953). *Economics and Economic Policies of Dual Societies: as Exemplified by Indonesia*. H.D. Haarlem: Tjeenk Willink & Zn.
- Breman J.C.* (1969) *Deferred Gratification, Entrepreneurial Behaviour and Economic Growth // Sociologia Neerlandica*, vol. 5/1. P. 15–37.
- Breman J.* (1989) *Taming the Coolie Beast; Plantation Society and the Colonial Order in Southeast Asia*. Oxford University Press, Delhi.
- Breman J.* (ed.) (1990) *Imperial Monkey Business; Racial Supremacy in Social Darwinist Theory and Colonial Practice*. CASA Monographs 3. VU University Press, Amsterdam.
- Breman J.* (1995) 'Labour, Get Lost; A Late-Capitalist Manifesto'// *Economic and Political Weekly*, vol. 30/37:2294–2300.
- Breman J.* (2013) *At Work in the Informal Economy of India; A Perspective from the Bottom Up*. Oxford University Press, Delhi.
- Breman J.* (2013) 'A Bogus Concept'// *New Left Review* 84, Nov.-Dec.
- Breman J.* (2015) *Mobilizing Labour for the Global Coffee Market; Profits from an Unfree Work Regime in Colonial Java*. Amsterdam University Press, Amsterdam.
- Breman J.* (2016) *On Pauperism in Present and Past*. Oxford University Press, Delhi.
- Breman J. & Linden M. van der* (2014) 'Informalizing the Economy: The Return of the Social Question at the Global Level'// *Development and Change*, 45, 5 : 920–940.
- Cammack P.* (2004) 'What the World Bank means by poverty reduction, and why it matters'// *New Political Economy*, vol. 9/2: 189–211.
- Castel R.* (2003) *From Manual Workers to Wage Laborers: Transformation of the Social Question*. Transl. and ed. by R. Boyd. Transaction Publishers, New Brunswick, NJ / London.
- Cusack A.* (2016) *Traditional Mobility and Solidarity in Crisis: Jeremias Gotthelf's Response to Pauperism in the Vormärz // Rescuing the vulnerable: poverty, welfare and social ties in modern Europe*. New York : Berghahn, 2016: 163–186.

- Ferreira, F.H.G. et al.* (2015) A Global Count of the Extreme Poor in 2012: Data, Issues, Methodology and Initial Results (Washington [World Bank, Policy Research Paper 7432].
- Harvey D.* ‘The Future of the Commons’// *Radical History Review*, volume 2011, number 109: 101–107.
- ILO (2017) *World Employment Social Outlooks; Trends 2017*. International Labour Office, Geneva.
- IMF (2017) *World Economic Outlook*, April 2017, chapter 3. Washington D.C.
- Katz M.B.* (2013) *The Undeserving Poor; America’s Enduring Confrontation With Poverty*. Oxford University Press, 2nd and revised edition. New York.
- Kidd St.* (2015) ‘The Political Economy of “Targeting” of Social Security Schemes’ // *Pathway’s Perspectives on Social Policy in International Development*. Issue No. 19: 1–15.
- Kidd St. & Damerau V.* (2016) ‘The Political Economy of Social Protection for Informal Economy Workers’, ch. 3 // *Social Protection for Informal Sector Workers in Asia*. Asian Development Bank, Manila.
- Lee C.K.* (2007) *Against the Law. Labor Protests in China’s Rustbelt and Sunbelt*. California Univ. Press, Berkeley.
- Linden M. van der* (2014) *San Precario: A New Inspiration for Labor Historians* // *Labor: Studies in Working-Class History of the Americas*, 10/1: 9–21.
- Lindert P.H.* (2004) *Growing Public: Social Spending and Economic Growth Since the Eighteenth Century*. Vol. I. Cambridge University Press, New York.
- Nayyar D.* (2013) *Catch Up: Developing Countries in the World Economy*. Oxford University Press, Delhi.
- Piketty Th.* (2013) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA.
- Polányi K.* (1944) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Times*. Boston.
- Sarraut A.* (1923) *La mise en valeur des colonies françaises*. Payot, Paris.
- Sternberg Fr.* (1951) *Capitalism and Socialism on Trial*. Victor Gollancz, London.
- Swaan A. de* (1988) *In Care of the State; Health Care, Education and Social Welfare in Europe and the USA in the Modern Era*. Polity Press, Cambridge.
- The World Bank (2016) *Taking on Inequality: Poverty and Shared Prosperity*. Washington D.C.
- Tinker H.* (1974) *A New System of Slavery; The Export of Indian Labour Overseas, 1830–1920*. London.
- Townsend P.* (2007) *The Right to Social Security and National Development; Lessons from OECD experience for low-income countries*. Issues in Social Protection. Discussion Paper No. 18, Social Security Department, ILO. Geneva.
- Wallerstein I.* (2000) *Globalization or the Age of Transition; A Long-Term View of the Trajectory of the World System* // *International Sociology*, vol. 15/2: 251–67.
- World Development Report (1995) *Workers in an Integrating World*. The World Bank, Washington D.C. New York: Oxford University Press.
- World Development Report (2015) *Mind Society and Behavior*. The World Bank, Washington D.C.

**ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

№ 1 (1) – 2023

Оформление обложки *И.А. Михеев*
Техническое редактирование и
компьютерная верстка *А.М. Первова*
Корректоры *Л.Н. Марданова, Я.А. Кузьменко*

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 82736
Дата регистрации 27.01.2022

Подписано к печати 21 / II – 2023 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 8,5 Уч.-изд. л. 7,3
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации по общественным
наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : +7 (925) 517-36-91
e-mail: shop@list.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У